

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2014

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик **А.М. Мазгаров**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор – 292-40-34

Зам. гл. редактора – 292-84-82

Ответ. секретарь – 292-15-64

E-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Редактор *В.П. Лашенцова*

Технический редактор

В.Н. Галкина

Переводчик *Б.Р. Ногманов*

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Подписано в печать 19.03.2014.

Формат 70x108 ¹/₁₆.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 16,45.

Тираж 500 экз.

Заказ 03-14/06-2.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25а

Тел.: (843) 231-05-61, 231-08-71

Факс (843) 231-05-46

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2014

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2014

ИСТОРИЯ

- 7 **Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л.** Внешняя политика «Казанского великого града бусурманского» ханского периода (1440-е – 1552 гг.)
- 14 **Габдрафикова Л.Р.** Головные уборы в культуре повседневности городских татар в конце XIX – начале XX века
- 19 **Мухаммадеева Л.А.** Взаимоотношения российских мусульман с самодержавием в начале XX века
- 24 **Набиев Р.А., Гафаров А.А.** Нафигов Р.И. – историк общественно-политического движения и общественной мысли народов Поволжья и Приуралья: творческий портрет в интерьере эпохи
- 31 **Пашина Е.В.** Монастыри Тетюшской округи во второй половине XVI–XVII вв.
- 46 **Пилипчук Я.В.** Кыпчакская аристократия (мамлюки) на Ближнем Востоке в 1250–1316 гг.
- 71 **Сабитов Ж.М.** Племя минг в истории Золотой Орды и постордынских государств
- 78 **Сибгатов Б.И.** Особенности реализации государственной социальной помощи в Казанской губернии в годы Первой мировой войны
- 82 **Соегов Мурадгелди.** Отстаивая коренные интересы и суверенные права народов

ФИЛОЛОГИЯ

- 90 **Арсланов М.Г.** Спектакли о Джалиле и джалиловцах в Театре имени Г.Камала
- 103 **Каюмова Г.И.** Комедийные образы в творчестве Ризвана Хамида и их художественное воплощение
- 108 **Макарова В.Ф.** Типология комического
- 117 **Небольсина М.В.** Размышления о русской прозе Татарстана, или «Когда вернусь в казанские снега...»
- 122 **Салихова А.Р.** Раскрытие национальной темы в татарском сценическом искусстве

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 133 *Азизов М.М.* Государственный надзор в сфере экономики как способ борьбы с преднамеренным банкротством
- 138 *Багаутдинов Ф.Н.* Позорная страница в истории прокуратуры Татарстана
- 155 *Халифаев А.А.* Сущность переговорного процесса в международном праве

* * *

- 158 *Ильязов Р.Г., Гогин В.А., Бармин В.И.* Создание региональной системы производства, мониторинга, менеджмента и сертификации экологически безопасных продуктов питания в Республике Татарстан: актуальные проблемы и пути их решения

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

- 167
- 181 Претензии работодателей к выпускникам вузов

HISTORY

- 7 **Bakhtin A.G., Khamidullin B.L.** Khan Period Foreign Policy of «The Great City of Infidel Kazan» (1440's – 1552)
- 14 **Gabdrafikova L.R.** Headwear in the Everyday Culture of Urban Tatars in the Late XIX – Early XX Century
- 19 **Mukhamadeyeva L.A.** The Relationship of Russian Muslims with the Autocracy in the Early XX Century
- 24 **Nabiev R.A., Gafarov A.A.** Nafigov R.I. – Historian of Social and Political Movement and Social Thought of the Peoples of the Volga Region and Ural Regions: Creative Portrait in the Interior of Epoch
- 31 **Pashina E.V.** Monasteries of Tetyushsky District in the Second Half of XVI–XVII Centuries
- 46 **Pylypchuk Y.** Kipchak Aristocracy (the Mamluks) in the Middle East in 1250–1316
- 71 **Sabitov Z. M.** The Ming Tribe in the History of Golden Horde and After Horde Khanates
- 78 **Sibgatov B.I.** Features of the implementation of State Social Aid in Kazan Province during the First World War
- 82 **Soegov Muradgeldi.** Defending the Indigenous Interests and Sovereign Rights of the Peoples

PHILOLOGY

- 90 **Arslanov M.G.** Plays about Dzhilil and His Followers in the Theater of G. Kamal
- 103 **Kayumova G.I.** «The Comedy Characters in the Creative Work of Rizvan Hamid and their Artistic Embodiment»
- 108 **Makarova V.F.** The Typology of the Comic
- 117 **Nebolsina M.V.** Reflections on Russian Prose of Tatarstan or «When I Get Back in Kazan Snow...»
- 122 **Salikhova A.R.** Disclosure of National Theme in the Tatar Theatrics

JURISPRUDENCE

133 **Azizov M.M.** State Supervision in the Economy as a Way of Dealing with Deliberate Bankruptcy

138 **Bagautdinov F.N.** A Shameful Page in the History of the Prosecutor's Office of Tatarstan

155 **Khalifaev A.A.** The Essence of the Negotiation Process in the International Law

* * *

158 **Ilyazov R.G., Gogin V.A., Barmin V.I.** Establishment of Regional System of Production, Monitoring, Management and Certification of Environmentally Safe Food Products in the Republic of Tatarstan: Problems and the Ways of their Solutions

167 ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

181 Employers claims to university graduates

УДК 94(470.41)+321

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «КАЗАНСКОГО ВЕЛИКОГО ГРАДА
БУСУРМАНСКОГО» ХАНСКОГО ПЕРИОДА
(1440-е – 1552 гг.)**

*А.Г. Бахтин, доктор исторических наук (Йошкар-Ола);
Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук*

Возникновение государства татар Среднего Поволжья – Казанского ханства стало возможно в результате распада Золотой Орды и обособления Булгарского улуса и прилегающих территорий с периферийным мари́йским, удмуртским, чувашским, мордовским и башкирским населением. В конце 1430-х гг. в район Казани пришел изгнанный из Сарая хан Улуг-Мухаммед со своими людьми¹. Здесь он сумел закрепиться и после успешных военных действий против московского князя предполагал возобновить борьбу за лидерство в Улусе Джучи. Однако после смерти хана его старший сын Махмутек («Мамотяк» русских летописей) отказался воевать за власть в распадающейся Золотой Орде и предпочел основательно обосноваться в Казани, ставшей отныне столицей самостоятельного татарского государства². Со временем «торговое значение Великих Булгар и политическое значение Сарая как правительственного центра» окончательно перешло к Казани³.

Хан Махмутек во время своего правления был преимущественно занят обустройством и преобразованием страны, во многих областях жизни продолжающей развитие местных традиций⁴. Он прилагал много усилий к объединению под своей властью булгарских эмиратов и подавлению местного сепаратизма. При этом хан

опирался на поддержку татар и иных мусульман, привлекаемых в Среднее Поволжье также из более южных и восточных регионов. «И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран: от Златы Орды, от Асторохани, и от Азова и от Крыма», – информирует нас об этом Казанский летописец⁵. «Языческие же племена пользовались [в ханстве] полной свободой в выборе образа жизни и верований. Чуваши, черемисы [мари́йцы] или ары [удмурты] могли принимать мусульманство лишь по собственному желанию, но никак не по принуждению, ибо насилие в вопросе вероисповедания было запрещено. Уважением пользовались не только верования, но и образ жизни: так, никто не насаждал в башкирских землях земледелие, хотя большинство казанского народа [т.е. казанцев, казанских татар] еще с давних булгарских времен традиционно было искусными хлеборобами. Башкирские племена по-прежнему, как и их предки, вели кочевой образ жизни, и это нисколько не порицалось властями»⁶. В целом новое государство унаследовало многое из того, что было ранее в Золотой Орде, и, в частности, – толерантность в отношении религиозных конфессий и стремление укрепить и приумножить созданные ранее различными этносами экономические взаимоотношения и культуру⁷.

Внутренняя и внешняя политика государства во многом определялась интересами различных кланов-родов⁸ и групп знати, политико-экономическое противоборство коих уходит корнями в историю Золотой Орды. Разрушительным последствием этого соперничества стало ослабление и в конечном итоге распад золотоордынской империи. Столь же негативные последствия оно имело и для судьбы Казанского ханства. Поэтому не зря татарский историк Газиз Губайдуллин в начале XX в. отмечал, что в то время как русские «цари строили свое государство на крепкой основе», «в татарских ордах во всех этих вопросах была полная анархия», т.к. «беки, мурзы, саиды играли в государственные дела, как в игрушки»⁹.

Н.А. Фирсов и вслед за ним Г.И. Перетяткович выделили в Казани так называемые «партии»¹⁰. Это определение было подхвачено многими историками¹¹. Иногда «партии» называют «группировками»¹². Они боролись за власть и независимость ханства. Изначально борьба казанской знати была тесно связана с иностранными государствами, у которых они искали поддержку и которые сами активно вмешивались в политическую жизнь ханства. Пришлые ногайские, ордынские, сибирские, а затем и крымские татары-феодалы составили основу провосточной группы. Их особая популярность у населения обуславливалась тем, что они выступали с патриотических позиций под зеленым знаменем ислама, за независимость страны, союз с мусульманскими юртами и священную борьбу против христианской Руси. Это неизбежно вело к обострению отношений с Московией, и было губительно для ханства и трагично для населяющих его народов. Одновременно оформилась промосковская партия. Ее основу составляла казанская знать, опирающаяся на тор-

гово-ремесленные круги, заинтересованные в мирных отношениях с Русью и в экономическом сотрудничестве с ней. Она объективно выражала интересы большинства населения ханства, однако была слабее восточной и менее популярна. Отметим, что ее лидерам было трудно находить компромисс и с Москвой, которая стратегически стремилась добиться политической и экономической зависимости ханства. Кроме того, сказывалось конфессиональное различие двух стран: мусульманам было психологически сложно пойти на союз с христианским государством, нежели с единоверцами из других юртов, если даже этот союз отвечал интересам большинства. Что касается экономических связей, то они были еще весьма слабыми и не могли заметно влиять на устойчивость мирных отношений с Русью¹³.

Вся история Казанского ханства представляет собой метание между двумя политическими крайностями: от соглашения с христианской Московией к поиску тесного контакта с мусульманскими государствами – Сибирским ханством, Ногайской Ордой, Крымом, а на последнем этапе существования и с Турцией. Это оказывало влияние на политическую борьбу в Казани, делало неустойчивым положение «партий».

Московский историк М.В.Моисеев полагает, что оформление политических партий в Казани произошло достаточно поздно, «что реальная дифференциация казанской аристократии наметилась лишь к 1530-м годам». Он пишет, что это были изначально партии «войны» и «мира». Раскол казанской знати относит к 1545 г., а появление «крымской» и «русской» партий только к 1549 г.¹⁴.

Можно согласиться с историком в том, что к концу существования ханства политическая дифференциация действительно приобрела

большую четкость и полярность, но не устаревающее определение политической борьбы в ханстве дано И.И.Смирновым. Он предлагал «рассматривать внутривосточную борьбу в Казани как типичное проявление феодальных усобиц, как борьбу феодальных родов за власть, причем эта борьба осложнялась тем, что внутривосточные группировки использовались соседними с Казанью государствами – Русским государством, Крымом, шибанскими ханами – для облегчения осуществления своих внешнеполитических планов. С другой стороны, сами эти группировки пытались укрепить свои позиции в борьбе за власть при помощи блокирования с тем или иным соседним с Казанью государством, рассчитывая облегчить себе приход к власти при помощи внешней силы»¹⁵. Казанское ханство унаследовало традицию междоусобной борьбы из Золотой Орды, откуда заимствовало политическую систему. Уже на этапе образования ханства прослеживается борьба за власть в семье Улуг-Мухаммеда. Каждый из ее представителей имел поддержку среди татарской аристократии. Впоследствии междоусобная борьба усугубилась привлечением иностранных государств и в окончательном виде приобрела форму прокрымски и промосковски ориентированных «партий».

В известной мере на возникновение промосковских настроений среди татар влияли внешнеполитические усилия Руси. Практика была отработана еще Иваном Калитой, при котором начался широкомасштабный подкуп ордынской знати. Русская дипломатия, не жалея средств, вербовала себе сторонников из числа татарской знати. Часть феодалов привыкала получать «жалованье» и отработывала его проведением угодной Москве политики и предоставлением важной ин-

формации. Подарки и «поминки» из Москвы логично связывались татарской знатью с прежним «выходом» и другими подношениями периода золотоордынского владычества над Русью и воспринимались как законное жалованье, которое на деле все более превращалось в систему подкупа. В 1567 г. казанские эмигранты в Крыму и их сторонники с досадой говорили на заседании дивана крымскому хану Девлет-Гирею о политике Ивана Грозного в отношении татарских ханств: «А казанцом де он шубы давал, и вы де тем шубам не радуйтесь, после деи того и Казань взял»¹⁶.

Однако завербованные феодалы никогда не стояли в надежной и прямой зависимости от Руси. Представители промосковски настроенной знати всегда подчеркивали, что они служат в первую очередь своему хану, а уже потом великому князю московскому и руководствуются в своих действиях желанием установления дружеских и союзных отношений между странами. Поддержка Москвы использовалась феодалами в первую очередь в собственных интересах, а если же они расходились с московскими, то татары отказывались следовать в фарватере политики Руси, и тогда происходили случаи тех самых «измен», по поводу которых так часто сетуют русские летописцы.

Состав сторонников казанских политических партий не был постоянным: феодалы переходили из лагеря в лагерь в зависимости от изменений политической конъюнктуры. Между «партиями» постоянно происходила политическая борьба, нередко доходившая до вооруженных столкновений. Успех ее сильно зависел от настроений широких слоев татарского населения. Уровень общественного сознания в Казани был еще таковым, что народные массы связывали надежды на улучшение своего положения с

победой той или иной казанской «партии». Заинтересованные в иноземной помощи в борьбе за власть, казанцы в то же время болезненно воспринимали иностранное вмешательство во внутренние дела ханства, в систему его государственного управления и экономику.

Во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с соседями, так и отдаленными государствами. Ногайцы беспощадно торговали с Казанью лошадьми и овцами¹⁷. Их кочевья порою подходили к Каме и оказывались на территории ханства. Ханы часто заключали династические браки с ногайскими татарами. Ногайские степи, наряду с Русью, служили местом эмиграции казанской оппозиции. В Казани имелось «мангытское княжое место». Из Казани ногайцам шла ежегодная дань медом, шубами, сукнами и деньгами – 10 кадей меда и 60 рублей денег¹⁸. Форма выплаты дани не была фиксированной, есть упоминание о годовой дани с Казани в размере 100 батман меду и 9 шуб¹⁹. В другой раз речь идет о 100 батманах меду и 100 рублях²⁰. В 1577 г. князь Урус писал о том, что в Ногайскую Орду из Казани шли шубы, сукна и мед, или взамен 40000 алтын деньгами²¹. Ногайцы часто выступали союзниками казанцев и воевали совместно с ними против русских, однако отношения, случалось, портились и они нападали на ханство и помогали русским.

Разнообразные контакты существовали с Тюменским (Сибирским) ханством. Сибирские царевичи и ханы до начала XVI в. пытались влиять на Казань и претендовали на политическую власть.

С Астраханским ханством в основном поддерживались благоприятные отношения, астраханцы оказывали

хотя и небольшую, но военную помощь казанским ханам.

С Большой Ордой ханство находилось во враждебных отношениях, но активных боевых столкновений между ними не происходило.

Очень тесные союзнические отношения сложились с Крымским ханством: представители казанских правящих династий находились в родственных связях с Гиреями, поэтому влияние крымской знати являлось существенным. Через Крым казанцы пытались установить отношения и с Турцией. Но той политической, экономической и военной помощи, на которую рассчитывали в Казани, получить ни от Крыма, ни от Турции не удалось.

Имелись серьезные дипломатические контакты с Великим княжеством Литовским – в основном они были связаны с попыткой заключения анти-московского союза.

Но главным внешнеполитическим партнером Казанского ханства являлись сначала отдельные русские княжества и земли, а затем Московское государство.

На отношения между Московским княжеством и Казанским ханством влияли унаследованные ордынские традиции многовекового господства татар над Русью и давнее соперничество между Северо-Восточной Русью и Волжско-Камской Булгарией за контроль над Средним Поволжьем. В средние века не существовало принципа «мирного существования» и отношения между соседями строились с позиции силы, поэтому состояние войны было обычным, а мир непродолжительным. Если военный и экономический потенциал был приблизительно равным, то какое-то время могли сохраняться равноправные отношения. Если же такой паритет нарушался, то более сильный сосед обычно пытался поставить слабого в

какую-либо степень зависимости, с целью создания буфера безопасности и получения экономических выгод (взимание дани и создание благоприятных условий для торговой и хозяйственной деятельности). Для этого использовались всевозможные средства, включая дипломатические, экономические и военные. Элита Казанского ханства не всегда адекватно воспринимала произошедшие политические изменения и, памятуя о прежнем величии некогда единой и могучей Золотой Орды, пыталась сохранить над русскими землями свою власть. Однако стремящаяся к объединению и набирающая силу Россия превращалась в мощное государство, способное вернуть и отстоять собственную независимость. Неспособность татар удержать русские земли в зависимости приводила к частым межгосударственным конфликтам.

После поражения русских под Суздаlem в 1445 г. и пленения великого князя Василия II Московское княжество оказалось в даннической зависимости от Казани²². Видимо, великий князь не сразу начал выплату обещанной дани. Этим можно объяснить неоднократные вторжения казанцев в русские пределы в 1446 и 1447 гг.²³ Потом длительное время нападений не было.

В 50-е гг. XV в. на очередь встал вопрос об окончательном объединении русских земель и полном освобождении от иностранной зависимости. Обозначилось несоответствие установившихся политических отношений реальному соотношению сил – набирающее силу Русское государство, обладавшее значительными материальными и людскими ресурсами и военным потенциалом, вынуждено было подчиняться более слабому Казанскому ханству. Это противоречие неизбежно должно было привести к конфликту. Видимо, уже на рубеже

50–60-х гг. Москва прекратила выплату дани Казанскому ханству и Большой Орде.

Одновременно обозначилось столкновение русско-казанских интересов в Вятской земле и Перми. Приступая к завершению объединения страны, Москва в 1458–1459 гг. предприняла походы против вятчан и вынудила их признать свою власть²⁴. Казань не устраивало усиление московского влияния на границах ханства и тем более переход Вятской земли под власть Москвы. Типографская и Вычегодско-Вымская летописи и письма хана Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I свидетельствуют, что Казанское ханство рассматривало Вятку как сферу своего влияния и получало оттуда дань²⁵. Существует мнение о том, что Вятская земля находилась под протекторатом Казанского ханства²⁶. Имелись у Казани аналогичные интересы и в Пермской земле.

Еще на одну причину ухудшения русско-казанских отношений обратил внимание К.В. Базилевич, отметив, что русское правительство путем установления контроля над Казанским ханством предполагало не допустить его сближения с враждебной Руси Большой Ордой и превратить ханство в своего стратегического союзника²⁷.

Проблему можно было решить тремя способами: 1) наладить дружеские и союзнические отношения посредством заключения выгодного договора; 2) поставить ханство в вассальную зависимость; 3) ликвидировать его путем завоевания или мирного присоединения²⁸. Русские последовательно использовали все возможные способы.

Противоречия между странами вылились в конфликт. В марте 1461 г. русские войска предприняли поход на Казань. Однако войну удалось временно предотвратить. Казанские послы встретили во Владимире Васи-

лия II, предложили ему мир, в результате чего русские поход отменили²⁹. Однако нападения подвластных казанцам черемисов на русские земли не прекратились. В 1462 г. против них была направлена ладейная рать устюжан, вологжан и галичан. Повоевав марийские селения по Вятке и Каме, русские ушли в Великую Пермь. Тем временем «рать черемиская с тотары казанскими приходила на Устюжь-

кий уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали; в полон повели много русских голов... Устюжане ходили за ними в погоню; сугнав их, побили всех, а полон назад отполонили весь»³⁰.

Следующий вооруженный конфликт произошел в 1467–1469 гг. и был связан с борьбой за ханский престол в Казани.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фэхретдин Р.* Олуг Мохэммед хан // Шура. – Оренбург, 1908. – № 10. – 297–303 б.

² Подробнее о возникновении Казанского ханства см.: *Бахтин А.Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2008.

³ *Ахмеров Г.* Избранные труды: История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар. – Казань, 1998. – С. 72.

⁴ См., например: *Әхмәрәв Г.* Казан тарихы. – Казан, 1909; *Баттал Г.* Казан төркиләре. – Казан, 1996. – 21 б.; *Смирнов А.П.* Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства // Общество археологии, истории и этнографии. – Казань, 1963. – Т. 36. – С. 65–72; *Алишев С.Х.* Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С. 8–18; *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – С. 137.

⁵ Казанская история (Далее: КИ). – М.; Л., 1954. – С. 53; См. также: *Лызлов А.И.* Скифская история. – М., 1990. – С. 50.

⁶ *Ахмеров Г.* Избранные труды... – С. 84.

⁷ См., например: *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Рукопись дис. ... к.и.н. – М., 1950.

⁸ Первое четкое упоминание об их наличии в ханстве с указанием родовых имен см.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М., 1988. – С. 184.

⁹ *Газиз Г.* История татар. – М., 1994. – С. 103.

¹⁰ *Фирсов Н.А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866. – С. 73; *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. – С. 151–176.

¹¹ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1990. – С. 35–44.

¹² *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. – М., 1990. – С. 53–54; *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. Очерки. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. – С. 94.

¹³ *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. – М., 1948. – Т. 27. – С. 19; *Базилевич К.В.* Внешняя политика централизованного Русского государства (Вторая половина XV века). – М., 1952. – С. 200.

¹⁴ *Моисеев М.В.* Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. – Казань, 2013. – Вып. 5. – С. 20–30.

¹⁵ *Смирнов И.И.* Указ. соч. – С. 19.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 13. – Л. 42 об.-43.

¹⁷ Кочкаев Б.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Автореф. док. дисс. – Ростов н/Д. 1988. – С. 15.

¹⁸ Продолжение древней российской вивлиофики (Далее: ПДРВ). – Ч. 9. – СПб., 1793. – С. 168, 220, 241; Ч. 10. – СПб., 1795. – С. 27; Ч. 11. – СПб., 1801. – С. 182, 233, 291.

¹⁹ ПДРВ. – Ч. 9. – С. 241.

²⁰ ПДРВ. – Ч. 10. – С. 27.

²¹ ПДРВ. – Ч. 11. – С. 182, 233, 291.

²² Бахтин А.Г. Указ. соч. – С. 156–157.

²³ Полное собрание русских летописей (Далее: ПСРЛ). – Т. XXXVII. – С. 44, 87–88, 113.

²⁴ ПСРЛ. – Т. XII. – С. 112; Т. XXIII. – С. 156; Т. XXVI. – С. 217; Т. XXVII. – С. 120–121, 275, 349; Варнавинская старина. Очерки истории Поветлужья. – Варнавин; Н. Новгород 1993. – С. 16.

²⁵ ПСРЛ. – Т. XXIV. – С. 188; Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Казань, 1997. – № 1/2. – С. 32; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сб. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4. – С. 262.

²⁶ Серкин С.П. Аргументы и факты к пониманию реальных событий древней истории Вятского края. – Киров, 2013.

²⁷ Базилевич К.В. Указ. соч. – С. 199–200.

²⁸ Ковин В.Н. Истоки развития России по имперскому пути: восточный вопрос во внешней политике Русского государства в конце XV–XVI веков // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск, 1995. – Ч. 1. – С. 40.

²⁹ ПСРЛ. – Т. XII. – С. 114; Т. XVIII. – С. 214; Т. XXV. – С. 277.

³⁰ ПСРЛ. – Т. XXXVII. – С. 46, 90.

Аннотация

В статье рассмотрена политическая история Казанского ханства. Указывается, что во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с ближайшими соседями, так и отдаленными государствами. Скрупулезно исследованы и по возможности объективно изложены взаимоотношения в XV – первой половине XVI в. Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского и Тюменского ханств, а также Московии и Ногайской Орды.

Ключевые слова: политическая история, Среднее Поволжье, Казанское ханство, Московское государство, татары, русские, марийцы, мусульмане, христиане.

Summary

The article discusses the political history of the Kazan Khanate. Indicates that foreign policy of Khanate had diplomatic, economic and cultural relations and military conflicts with both immediate neighbors and distant countries. Meticulously researched and as possible objectively presented relationships of Kazan, Crimea, Kasimov, Tyumen, Astrakhan Khanates, Muscovy and the Nogai Horde in the XV – the first half of the XVI centuries.

Keywords: Political History, Middle Volga Region, Kazan Khanate, Moscow State, Tatars, Russians, Mari, Muslims, Christians.

УДК 94(47)

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОДСКИХ ТАТАР В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Л.Р. Габдрафикова, кандидат исторических наук

Одежда всегда являлась своеобразным социокультурным кодом. В дореформенное время она сообщала о сословной принадлежности, месте жительства, материальном достатке, семейном положении человека. Татары использовали в народной одежде яркие цвета, дополняли образ причудливыми украшениями и аксессуарами. «Если у татарина-мусульманина есть кое-какие средства, то у него всегда много одежды, он тратит много денег на наряды», – писал просветитель Каюм Насыри в конце XIX века¹. По замечанию советского этнографа Николая Воробьева, зажиточные татары «обращали на качество одежды, пожалуй, больше внимания, чем соседние народности»². К примеру, учительнице Фатиму Давлеткильдееву, приехавшую в 1910-х гг. из Уфимской губернии в Казань, ни в одном татарском богатом доме так и не приняли на работу. Никто не обратил внимания на профессиональные знания девушки, всех смутила ее бедная одежда³. Очевидно, ученость в сознании татарина крепко ассоциировалась с достатком и красивой одеждой. Например, Шигабутдин Марджани специально заказывал себе самую дорогую шубу только для того, чтобы в купеческо-мещанской среде подчеркнуть значимость собственной религиозной учености⁴.

Со второй половины XIX века начинается модифицироваться традиционный костюм казанских татар, появляются элементы городской моды: приталенные женские силуэты, муж-

ские казакины, новые аксессуары (очки, трость, часы) и т.д. Но даже при европеизированной одежде долгое время оставались неизменными национальные головные уборы: у женщин – калфаки, у мужчин – каляпуши (круглые тюбетейки). Ношение головного убора считалось обязательным для всех. По этому поводу существовали и определенные народные поверья. Татары верили, что на непокрытую голову может упасть случайное проклятие. По замечанию историка и писателя Гали Рахима, изучавшего в 20-е гг. XX века фольклор казанских татар, «если кто-нибудь в присутствии детей, сидящих без шапок, произнесет проклятие, то их гладят по голове и говорят «бисмилля»⁵.

Помимо охранительного значения, головные уборы подчеркивали религиозную и национальную принадлежность владельца. Не случайно казанский издатель Николай Харитонов в своем рекламном объявлении для татарского календаря начала XX века опубликовал собственную фотографию вместе с женой и детьми в традиционных татарских головных уборах⁶. Среди заказчиков его типографии было много издателей-татар. Вероятно, таким ходом Харитонов решил подчеркнуть свою общность с мусульманским сообществом и увеличить число клиентов.

Действительно, в конце XIX – в начале XX столетий вместе с европейскими костюмами мужчины продолжали носить каляпуши (молодежь

иногда заменяла его на турецкие фески). То же самое касалось и нарядов татарских женщин. Юбки и блузки, платья в стиле модерн очень часто дополнялись небольшими калфаками.

Каляпуши, или как их называли русские – «чаплашки», были популярны в первую очередь среди казанских татар, но на рубеже XIX–XX веков этот головной убор стал общепринятым и у татарского населения других регионов. У богатых мужчин обычно были десятки каляпушей, при этом они стоили немалых денег. Это стало своего рода вложением средств. Есть примеры, когда головные уборы наряду с остальным ценным движимым имуществом страховали на солидные суммы. Например, два «колпака с жемчугом» на сто рублей застраховал в 1907 г. в Московском страховом от огня обществе потомственный почетный гражданин Абдул-Карим Апанав⁷. У другого казанского потомственного почетного гражданина Юсупа Усманава одних только «жемчужных чаплашек» насчитывалось три: на малиновом бархате, на темно-зеленом бархате, на светло-синем бархате. Каждый каляпуш стоил около 150–200 рублей⁸. Для сравнения: обычный мещанский дом из трех жилых комнат в этот период (конец XIX века) оценивался в 150 рублей⁹. Из-за боязни, что нападут на дорогой головной убор, некоторые татарские купцы ходили даже с телохранителями. Эти опасения были не случайны, среди архивных дел можно найти судебные разбирательства, в центре которых мужские каляпуши или другие ценные предметы гардероба.

В период буржуазных реформ второй половины XIX века окончательное распространение по всей России получили и калфаки казанских татарок. Изначально этот предмет одежды был предназначен только для молодых девушек, то есть служил своеоб-

разным знаком отличия для окружающих. Но постепенно, по замечанию ученого-богослова Шигабутдина Марджани, женщины вплоть до пожилого возраста стали носить калфаки. Так социальная функция была заменена эстетическими задачами. На протяжении XIX столетия женский головной убор по-разному видоизменялся: была мода на шапочки белого цвета, далее появились образцы из шелка, потом их начали шить из бархата, украшали различными драгоценными и полудрагоценными камнями, золотыми монетами, жемчугом. Цена такой шапки могла доходить до двух тысяч рублей¹⁰. Если вначале помимо эстетических задач калфаки все же предназначались для покрытия головы и волос (имелись специальные длинные модели), то в начале XX века они играли лишь национально-декоративное значение. Появились калфаки-накладки (могез калфак), которые напоминали, скорее, миниатюрные шляпки. С 1910-х гг. и этот элемент народного костюма постепенно вытеснялся европейскими аксессуарами. Некоторые татарки-мусульманки предпочитали модные шляпы.

Безусловно, в начале XX века появились татарские девушки и юноши, которые вовсе пренебрегали традиционными правилами и ходили с непокрытой головой. Это осуждалось большинством татарского общества. Поэтому переход от привычных каляпушей и калфаков к разным европейским головным уборам воспринимался более терпимо, нежели их полное отсутствие. Конечно, турецкие фески вызывали меньше толков, чем европейские шляпы. Например, по словам Каюма Насыри, мусульманское духовенство осуждало мужчин в шляпах. «Шляпы бывают разные. Для тех, кто попроще – белая, побогаче – французская или московская, – пишет он. – Но муллам это не нравится, им все рав-

но, какая шляпа»¹¹. В 1890 г. турецкий посол был потрясен видом более чем двух сотен татар в Санкт-Петербурге, собравшихся на праздничный намаз в Александровском зале Городской думы (в Петербурге тогда не было мечети. – Л.Г.), все они были в шляпах¹². В других донесениях посол отмечал о том, что некоторые татары приходят на намаз в шляпах, но оставляют их привратникам и надевают во время службы традиционные каляпуши.

Вопросам внешнего вида татары придавали большое значение: они широко обсуждались в разных кругах, поднимались в прессе. Особенно много критики звучало по поводу внешнего вида татарских женщин. Этот вопрос был актуален и для мусульман других стран. В 1908 г. в журнале «Аль-манар» (издавался в Каире) была опубликована статья «Лицо свободной женщины», где авторы рассуждали о парандже¹³. Заметка «Вопрос о женском покрывале в Стамбуле», вышедшая в казанской газете «Кояш» в 1914 г., акцентировала внимание читателей на том, что турчанки из-за своей консервативности, в том числе в одежде, лишают себя замужества. «Большие чиновники, получившие европейскую цивилизацию, отбрасывают в одну сторону турецких девиц, сгноенных под покрывалами, и женятся на француженках, немках, англичанках, русских, гречанках, армянках и даже еврейках, – писал автор статьи, – слепые фанатики все еще берегут прежнее покрывало и гноят под ним несчастных турецких девиц»¹⁴. Татарские консерваторы же через свои печатные органы, в особенности на страницах журнала «Дин вэ магишат», призывали соблюдать нормы шариата, покрывать голову¹⁵. Женщин, не придерживающихся в одежде традиционного стиля, они называли «татарскими марджа (русскими. – Л.Г.)». Об этом в своей статье писал

один из идеологов консерваторов Ишмухамет Динмухаметов¹⁶. Джадиды придерживались умеренных взглядов. Например, по мнению известного общественного деятеля Рашида Ибрагимова, традиционная одежда была созвучна с традиционным (скромным) поведением татарской женщины¹⁷.

Связь внешнего вида и стремление женщин к эмансипации отмечали и русские авторы. «В настоящее время богатые татарки в Казани и Симбирске оказывают явную склонность к европейскому костюму и начинают тяготиться затворнической жизнью», – писал еще в 1880-х гг. С.Монастырский¹⁸.

Светско-ориентированная молодежь, а вместе с ней и большая часть либеральной прессы, выступала против этого. Модные наряды татарки могли не только заказывать или покупать, но и шить сами по журнальным выкройкам. Например, в татарском журнале «Сююмбике», который предназначался для женщин, имелась специальная рубрика «Модный отдел». Здесь же учили шить шляпы и делать искусственные цветы¹⁹.

Любопытную связь между внешним обликом татарской женщины и ее манерами подметил поэт Шайзада Бабич, описывая театральную публику в Уфе в 1916 г. Он выделял среди женщин-мусульманок, одетых в народные платья, а также дам в европеизированных нарядах, но с калфаксами; и в третью группу включал татарок с нарядами, полностью соответствующими европейской моде. Последних он называл «барышня, госпожа», «кукла» и «матрена». По замечанию Бабича, «куклы», одетые «как мадмуазели», разговаривали только на русском, девушки с калфаксами через два татарских слова добавляли одно русское²⁰. Следуя логике поэта, вероятно, женщины в народной одежде беседовали уже на родном языке.

В этой связи интересны иллюстрации в детском журнале «Ак юл» («Светлый путь») от 1913 г. В них активно использовались фотографии русских детей. Но если это было изображение девочки, то к снимку аккуратно дорисовывались миниатюрные калфаки-наколки. То есть этот момент для издателей журнала имел принципиальное значение²¹.

В 1910-е гг. многие татарские предприниматели в своих рекламных объявлениях подчеркивали, что товары у них «заграничные» или даже «модно-заграничные». Но продолжалась торговля традиционной «азиатской обувью» и головными уборами. Например, казанский купец Гайнутдин Сабитов в 1912 г. учредил «Товарищество на вере «Торговый Дом Г. Сабитов и К» – торговля мануфактурными товарами (основная специализация – продажа национальных головных уборов) с внушительным уставным капиталом в 50 000 рублей²². Вероятно, он рассчитывал на соответствующий спрос со стороны населения.

Действительно, традиционные восточные наряды и модно-заграничные предметы гардероба продолжали сосуществовать в культуре повседневности татар и в первые годы советской власти. Несмотря на влияние западной моды, большинство татар предпочитали ходить в национальных головных уборах. Например, в 20-е гг. XX века появились модели каляпушей со специальными отверстиями. Дело в том, что из-за постоянного ношения шапок среди татар была распространена головная парша. Кожные заболевания возникали из-за того, что каляпуши не пропускали воздух²³. Например, целая серия татарских народных сказок посвящена герою, которого называли «Таз» (в переводе с татарского языка – паршивец). Гали Рахим считал, что ни у одного тюркского народа нет подобного сказочного героя²⁴. И вот, наконец, были придуманы более

удобные варианты каляпушей. Интересно, что еще до 1917 г. Газиз Губайдуллин написал небольшой рассказ «Каляпуш с вентиляцией», где была высмеяна фантазия купца о выпуске подобных тюбетеек. Следовательно, идея эта витала еще до революции и была все-таки реализована уже в советское время. Конечно, с традиционными головными уборами ходили в основном более зрелые и пожилые люди. Например, описывая татарское население города Касимова Рязанской губернии в 1930 г., писатель и ученый Мухамед Гали отмечал, что «не только у молодежи, но и у стариков одежда напоминает русскую. Старики ходят в фуражках»²⁵. Безусловно, он их сравнивал с казанскими татарами.

Таким образом, в культуре повседневности городских татар придавалось большое значение национальным головным уборам. Они выполняли определенную охранительную роль. Каляпуши и калфаки являлись ценным движимым имуществом, нередко эти предметы люди страховали на солидные суммы. Если в конце XIX столетия как мужские, так и женские головные уборы имели социально-экономическое значение, то в начале XX века большее внимание акцентировалось на национально-религиозной стороне этих предметов гардероба. Кроме того, они сообщали об уровне образования, о мировоззрении и возрасте человека. Ученики гимназий и студенты университетов уже не могли ходить в татарских каляпушах и калфаках, они следовали общепринятому европейскому стилю одежды. Предпочитали покрывать голову люди более традиционных взглядов, представители старшего поколения татар. Постепенно молодежь полностью отказалась от национальных головных уборов, в повседневной жизни советских татар они надевались лишь во время домашних праздников, а также событий религиозного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Насыйри К.* Сайланма эсэрләр. – Т.3. – Казан, 2005. – С.235.
- ² Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М., 1967. – С.119.
- ³ Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.Р-4767. Оп.1. Д.2. Л.219.
- ⁴ *Мәрҗани Ш.* – Т.2. – Казан, 2001. – Б.48.
- ⁵ Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ЦПМН ИЯЛИ АН РТ). Ф.18. Оп.1. Д.34. Л.19.
- ⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.420. Оп.1. Д.227. Л.29.
- ⁷ НА РТ. Ф.165. Оп.19. Д.3. Л.9.
- ⁸ НА РТ. Ф.139. Оп.1. Д.161. Л.12.
- ⁹ Там же. Д.212. Л.14д.
- ¹⁰ *Мәрҗани Ш.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – Б.80–81.
- ¹¹ *Насыйри К.* Сайланма эсэрләр. – Т.3. – Казан, 2005. – Б.236.
- ¹² Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: сборник документов / Сост. И.А.Мустакимов. Казань, 2008. – С.297.
- ¹³ НА РТ. Ф. 420. Оп.1. Д.129. Л.6-об.
- ¹⁴ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.253. Л.20.
- ¹⁵ *Мухаметшин Р.Г.* Татарский традиционализм: особенности и формы проявления. Казань, 2005. – С.116.
- ¹⁶ Там же. С.120.
- ¹⁷ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.253. Л.20-об-21.
- ¹⁸ *Монастырский С.* Иллюстрированный спутник по Волге. – Казань, 1884. – С.175.
- ¹⁹ НА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.243. Л.2.
- ²⁰ *Бабич Ш.* Зәңгәр жырлар. – Казан, 1990. – Б.320.
- ²¹ Ак юл. – 1913. – 19 август. – №9. – Б.6,8,13.
- ²² *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань, 1993. – С.110.
- ²³ *Тагиров Р.Ш.* Татарская Казань в опыте экскурсионного изучения. Казань, 1928. С.16.
- ²⁴ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ. Ф.18. Оп.1. Д.35. Л.17.
- ²⁵ Там же. Ф.58. Оп.1. Д.359. Л.6.

Аннотация

В конце XIX – начале XX века происходила модернизация татарского мусульманского общества, которая отразилась и на внешнем облике татар. Важное место в повседневности городских татар занимали головные уборы, которые имели как социально-экономическое, так и эстетическое значение.

Ключевые слова: история повседневности, городские татары, ислам, татарская национальная одежда, головные уборы, история моды.

Summary

As the modernization of the Tatar Muslim society unfolded in the end of XIX and the beginning of the XX century, the appearance of Tatars started to change. Head-dresses occupied major place in everyday life of Tatars. A person's outfit highlighted both the social status of the wearer and his worldview.

Keywords: history of everyday life, urban Tatars, Islam, national clothing, head-dresses, history of fashion.

УДК 930(091)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН С САМОДЕРЖАВИЕМ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Л.А. Мухаммадеева, кандидат исторических наук

Изучение основных этапов и особенностей социально-политического развития России в XIX – начале XX веков и воссоздание объективной картины формирования новых общественных институтов, политических структур, невозможно без всесторонней и аргументированной оценки роли российского духовенства и предпринимательства в модернизационных процессах пореформенного периода.

Среди десятков знаменитых мусульман Казани, внесших выдающийся вклад в развитие общественно-политической жизни второй половины XIX – начала XX веков, особое место занимает купеческая династия Сайдашевых.

Интересы видных деятелей татарского предпринимательства не ограничивались лишь профессиональной деятельностью. Большинство крупных торговцев и промышленников активно проявляли себя на общественном поприще, щедро финансировали духовные и культурные потребности татарского народа. Сайдашевы поддерживали медресе «Мухаммадия» и «Усмания» в Казани, содействовали развитию сети русско-татарских школ, активно пропагандировали со страниц собственных газет «Баянуль-хак» и «Казан мухбире» идеи нравственного и культурного просвещения татарского народа.

Ахметзян Яхьич и его сын Мухаметзян сыграли огромную роль в национальном возрождении начала XX

века. Их взгляды претерпели существенную эволюцию от жестких охранительных позиций до признания насущной необходимости решительных социальных и культурных преобразований в жизни нации. Неизменным оставалось одно – преданность религии предков, неукоснительное соблюдение исламских традиций.

Осторожный и расчетливый купец часто не мог открыто выступать за преобразования в татарском обществе, поэтому нередко приходилось лавировать между царским самодержавием, ортодоксальным мусульманским духовенством и другими слоями населения, негативно относящихся к преобразовательным процессам у татар.

По словам Л.Климовича, «имевшиеся реформистские течения в исламе не были враждебны власти эксплуататоров». Более того, даже наиболее «левые» из джадидов не выступали против монархического образа правления¹. Несмотря на внешнюю оппозиционность к русской монархии, татарская буржуазия зачастую действовала рука об руку с ней. Тому подтверждением могут послужить революционные октябрьские дни 1905 г., где произошло слияние интересов татарской и русской буржуазии и духовенства.

21 октября – день годовщины восшествия на престол Николая II казанские торговцы решили объявить праздничным днем. Объединенный

комитет партий постановил открыть торговлю, но было уже поздно: в городе образовалась многотысячная патриотическая манифестация², в которой приняли участие различные слои населения: домовладельцы, ремесленники, торговцы, офицеры, чиновники и т.д.³. Вскоре к ней присоединилась татарская процессия во главе с религиозным деятелем Г.Баруди и купцом А.Я. Сайдашевым.

Вот как описывают это событие современники тех лет: «В строгом и чинном порядке следовали представители благоразумного мусульманского населения... Сначала, предводительствуемые муллами, шли попарно почетные, убеленные сединами старцы и несли портрет государя, флаги национальных цветов и знамена с патриотическими надписями; за ними следовали солидарные с ними серьезные мужи. Шествие замыкали молодые юноши с ясными, радостными взорами, бросавшие взгляды и улыбки русскому населению. На всем пути следования из Забулачной части города они пели своеобразным мотивом мусульманские религиозные песнопения и останавливались для краткой молитвы не только перед мечетями, но и пред храмами христианскими»⁴.

Далее процессия, обойдя Кремль, подошла к зданию Городской думы, где «почетный представитель мусульманского населения г.Сайдашев явился перед г.губернатором выразителем тех чувств, которыми было одушевлено казанское мусульманство»⁵. «Крупный фабрикант и торговец» А.Я. Сайдашев выступил с краткой, трогательной речью от имени демонстрации: «Мои единоплеменники и единовѣрцы непоколебимы в своей твердой преданности законному русскому государю, и никакие революционные проiski не в состоянии ослабить эту преданность. Россия – наше дорогое отечество; в нем мы спокой-

но можем исповедовать свою религию, особенно со времени полного укрепления начал веротерпимости (17 апреля 1905 г.), и заниматься своим честным трудом. Большого и лучшего мы не пожелаем и поэтому вполне присоединяемся к молитве русских за державного монарха, от всей души радуясь тому, что снова в городе восстановлено повиновение законным, от его величества поставленным властям»⁶.

На имя царя посылались «верноподданнейшие» телеграммы от имени русского и татарского населения г.Казани во главе с татарскими торговцами и муллами для того, чтобы доказать свою лояльность по отношению к правительству. В них главной просьбой звучало удаление из города студентов и евреев как главных революционных элементов⁷. Муллы в мечетях произносили проповеди такого содержания: «Мусульмане! Кругом идет смута. Участие в этой смуте есть деяние против ислама, остерегайтесь!»⁸. Необходимо отметить, что наряду с буржуазией и духовенством татарская интеллигенция тоже была напугана революцией и при каждом удобном случае выражала властям свое сочувствие в ее подавлении.

По сведениям Л.Климовича, считавшийся прогрессивным мулла Галимджан Баруди написал после этих событий и в 1906 г. выпустил брошюру «Основы Ислама», смысл которой сводился к призыву верующих «не поднимать руки на эксплуататоров, ибо они тоже мусульмане»⁹.

В связи с вышеприведенными событиями, 5 января 1906 года в № 4 газеты «Ульфят» появилась статья, в которой, помимо прочего, говорилось, что 26 ноября 1905 г. в зале «Шура» казанские мусульмане объявили бойкот Ахметзяну Сайдашеву за его участие в «черносотенной» манифестации¹⁰. На что А.Я. Сайда-

шев незамедлительно послал ответ на имя главного редактора этой газеты, где потребовал на основе 139 статьи Цензорного устава написать опровержение, мотивируя это тем, что он на страницах своей газеты подал неверную и клеветническую информацию. А.Я. Сайдашев, в частности, писал, что:

ни к какой «черносотенной» партии он не принадлежал и принадлежать не будет;

ни за каким «крестным ходом» в те дни ни один мусульманин не ходил;

несколько тысяч мусульман во главе с имамами ходили к губернатору, чтобы выразить благодарность за манифест 17 октября;

информация о том, что в те дни произошел конфликт между русским и татарским населением Казани, – неправда, т.к. мусульмане на протяжении нескольких веков мирно проживают с русскими;

испугавшись погромов, устроенных шакирдами медресе, которые, переодевшись милиционерами, убивали студентов и евреев, мы своей манифестацией обрадовали властей, даже среди русских было много плачущих людей;

поданная в газете информация о телеграмме, посланной от имени мулл и Сайдашева на имя графа Витте, о том, что они против преподавания русского языка учащимся, а также ответа Витте: «Спасибо! Не отходите от невежества!», не верна, и если понадобится, то он предоставит копии этих телеграмм;

никакого бойкота большинство мусульман Казани ему в зале «Шура» не устраивали, т.к. это было, скорее, не мусульманское, а шакирдское собрание, лишь в конце, когда почти все разошлись, несколько шакирдов, поддерживающих революцию, прокричали ему вслед разные неприличные слова;

он заявляет, что среди мусульман Казани, состоящих в социал-демократической партии, а также среди деревенских татар сочувствующих революционерам людей нет.

«Самое спокойное население – это наши мусульмане, а данные в газете новости о них все ложь и клевета»¹¹, – заключает в конце А.Я. Сайдашев.

Тем не менее, как отмечали А.Аршаруни и Х.Габидуллин, патриотические мусульманские манифестации не явились неожиданностью, а были подготовлены процессом консолидации мусульманской буржуазии как контрреволюционной силы, требующей установления в стране твердого «порядка»¹². Развязка октябрьских событий в Казани свидетельствовала о том, что основная часть городского населения придерживалась традиционалистских взглядов¹³.

Средства массовой информации того времени постоянно находились под контролем цензуры. Из года в год члены Казанского временного комитета по делам печати предоставляли подробнейший отчет казанскому губернатору о содержании газет, их направленности и принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Внимание властей к печатным органам, издаваемым купцами Сайдашевыми, свидетельствовало об их большом влиянии на общественную жизнь мусульман не только Казани, но и всей России.

Надо учитывать, что в Российской империи всякая общественно-политическая активность, особенно среди инородцев, бдительно отслеживалась и жестко пресекалась. Каждой отдельной личности приходилось по-разному выстраивать стиль социального поведения в непростых условиях политической жизни. Тем более что чины жандармерии, а также православные миссионеры оказывали постоянное давление на лидеров мусуль-

манского движения. Соответственно, Сайдашевым при написании и публикации своих прогрессивных статей и заметок приходилось выражать и верноподданнические чувства властям Российской империи.

Например, в февральском номере (№ 1186) «Баянуль-хак» за 1913 г. была помещена большая статья «Высочайшие заслуги царей из дома Романовых перед Россией», в которой были перечислены разные благодарения, оказанные России государями царствующего дома.

Через месяц в мартовском номере той же газеты появилась статья под заглавием «Юбилейные торжества среди казанских мусульман», автор которой указывал на неизменную верность российских мусульман престолу, всегда столь милостивому к своим подданным, исповедующим учение ислама. В статье говорилось, что Казанская первая соборная мечеть, в которой празднование юбилея было совершено с особым торжеством, была основана 150 лет назад с милостивого разрешения императрицы Екатерины II, «бабушки царицы», как зовут ее казанские татары до сих

пор, и каким образом является драгоценным историческим памятником, свидетельствующим об отношении государей из дома Романовых к мусульманам¹⁴. По стилю и характеру содержания данной заметки можно предположить, что она принадлежала Мухаметзяну Сайдашеву.

Подобного рода статьи встречались и в последующих номерах.

Таким образом, финансируемые Сайдашевыми газеты «Баянуль-хак» и «Казан мухбире» были рупором умеренного крыла мусульманской буржуазии, выступавшей за реформы в жизни нации при безусловном сохранении конфессиональной и этнической самобытности. Представители династии Сайдашевых олицетворяют уникальный опыт социального лидерства буржуазии, возглавлявшей в указанный период движение, направленное на реформу традиционного уклада жизни мусульман России. История купеческой династии Сайдашевых свидетельствует об определяющей роли татарских предпринимателей и прогрессивных религиозных деятелей в общественно-политической жизни второй половины XIX – начале XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Климович Л.* Ислам в царской России. Очерки. – М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1936. – С. 87.

² Ульфят. – № 4. – 1906. – 5 января.

³ Ульфят. – 1906. – 23 февраля.

⁴ *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Лондон, 1990. – С. 97.

⁵ *Хабибрахманова А.В.* Деятельность политических партий в Казани в годы Первой российской революции. – Казань, 2006. – С. 112.

⁶ НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 228. Лл. 52 об.-53 об.

Аннотация

Автор статьи на примере татарских купцов Сайдашевых раскрывает взаимоотношения мусульман Казанской губернии с царским правительством. Купцы Сайдашевы, ставшие в начале XX в. одними из лидеров преобразований, направленных на реформу традиционного уклада жизни мусульман России, не включаясь в противоборство с самодержавием, способствуют модернизационным процессам среди казанских татар.

Выстраивание особых отношений с царскими властями позволяет им успешно проводить в жизнь прогрессивные идеи.

Ключевые слова: самодержавие, мусульмане, буржуазия, купцы, Сайдашевы, реформа, возрождение, общественная деятельность, финансирование, печать.

Summary

The author of the article on the example of the Tatar merchants Saidashevs reveals relationship of Muslims of Kazan Province with the tsarist government. Merchants Saidashevs, who at the beginning of the twentieth century became one of the leaders of transformations which aimed reforming the traditional way of life of the Russian Muslims, promote modernization processes among the Kazan Tatars, without confrontation with the autocracy. Forming a special relationship with the royal authorities allows them to successfully implement progressive ideas.

Key words: autocracy, the Muslims, the bourgeoisie, merchants, Saidashevs, reform, revival, public activity, financing, press.

УДК 001(091)

НАФИГОВ Р.И. – ИСТОРИК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ: ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭПОХИ

Р.А. Набиев, доктор исторических наук;

А.А. Гафаров, кандидат исторических наук

Академик АН РТ, заслуженный деятель науки РСФСР Рафик Измайлович Нафигов пятьдесят лет (1951–2001) посвятил Казанскому университету, был деканом историко-филологического факультета, с 1963 по 1993 г. заведовал кафедрой, а также являлся членом Учебно-методического совета Минвуза СССР. В 1992 г. он был среди первых академиков-учредителей Академии наук Республики Татарстан, где стал председателем проблемного совета по истории общественной мысли. Р.И. Нафигов выступил создателем целого ряда научных направлений в обществоведении Татарстана: истории татарской общественной мысли, истории национально-освободительного движения и становления татарской интеллигенции. Он внес значительный вклад в разработку проблем истории народов Востока России, истории татарской национальной культуры, литературы и искусства, способствовал вовлечению в научный оборот огромного массива архивных документов. Нафигов был автором более 15 монографий и сотен статей, в том числе книг «Мулламур Вахитов» (Казань, 1960, переиздание 1966, 1975), «Формирование и развитие татарской передовой общественно-политической мысли (1895–1917 гг.)» (Казань, 1964), «Тай-

ны революционного подполья» (Казань, 1981), «Тукай и его окружение» (Казань, 1986) и др.

«Родился 15 июля 1928 г. в г. Уральске Западно-Казахстанской области, в семье служащего. Отец мой, Измаил Сагдеевич Нафигов, 1904 г. рождения, с семи лет находился «в людях», работал до революции чернорабочим, умер в 1950 г. Мать, Фатиха Мусеевна Нафигова, 1907 г. рождения, родилась в пос. Малый Чаган Западно-Казахстанской области, до революции учащаяся сельской школы. В 1936 г. я поступил в школу и окончил десятилетку в 1946 г., год учился заочно в Московском пушно-меховом институте. В 1947 г. поступил в Уральский пединститут, который и закончил в 1951 г. Ученым советом института был направлен в аспирантуру. В 1947 г. вступил в ряды ВЛКСМ, с 1951 года – член КПСС. Закончил аспирантуру и был направлен на работу в Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина». Эти автобиографические данные Р.И. Нафиговым приведены в 1954 г. при поступлении на работу в Казанский университет на должность ассистента по кафедре марксизма-ленинизма.

Вся научная и преподавательская деятельность Р.И. Нафигова была не-

разрывно связана с Казанским университетом. С 1951 по 1954 г. он обучался в аспирантуре университета, в 1954 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию. В этом же году Нафигов начал работать на кафедре истории КПСС, а с конца 1963 г. становится заведующим этой кафедрой. В 1959 г. ему присуждается ученое звание доцента, а после защиты докторской диссертации (1964) – звание профессора (1966). Нафигов был отмечен высшими степенями отличия научного работника – почетными званиями заслуженного деятеля наук Татарстана в 1978 г. и России в 1989 г. В 1992 г. он первым из историков был избран академиком Академии наук Татарстана. Его большой вклад в историческую науку и активная педагогическая деятельность были отмечены орденом «Знак Почета», медалями и высокими званиями. Но самое главное – признание научной общественности и благодарность многочисленных учеников.

* * *

Рафик Измайлович пришел в науку в тяжелейший период советской историографии. Это время характеризуется наиболее грубым административным вмешательством в научный процесс, когда тематические, оценочные установки «спускались сверху» в виде обязательных партийных постановлений. «Историографическая» дилемма между «врагами» и «заблуждающимися» решалась подчас органами ОГПУ. Научные труды репрессированных в 1930-х гг. ученых (Г.Г.Ибрагимов, Д.Валиди, Г.С.Губайдуллина, Г.М.Рахима, М.С.Сагидуллина, К.Ф. Сайфи и др.) объявлялись «буржуазными», «контрреволюционными» и изымались из научного оборота. Постановление ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-поли-

тической и идеологической работы в Татарской парторганизации» осудило «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии» ряда татарских историков и литераторов. После «исторического» постановления были сделаны оргвыводы, пересмотрены научные планы и направления. Исследования национальной истории неуклонно трансформировались в сторону «поисков» революционно-демократических составляющих. Вместе с тем «работа над ошибками» выявила сохраняющиеся проявления «буржуазного объективизма»¹. Острота вопроса во многом определялась позицией Института истории АН СССР. Татарское национальное движение провозглашалось главным проводником джадидизма, панисламизма и пантюркизма, что в идеологических координатах того времени, как минимум, блокировало мало-мальски объективное исследование процессов развития татарской общественно-политической мысли².

Разработка наиболее важных направлений была взята под строгий контроль. Сначала в АОН ЦК ВКП(б) в Москве, затем и в Казани были защищены диссертации по различным аспектам татарской общественно-политической мысли, которые рассматривались исключительно в свете российской аккультурации, в неразрывной связи с расширяющимся революционно-демократическим движением. В этой обстановке Нафигов обратился к общественно-политическому анализу татарской публицистики в период первой российской революции. Отдавая должное духу времени, он рассматривает, прежде всего, влияние социал-демократических идей на формирующуюся татарскую периодическую печать³. Исследование проблем становления и развития революционного движения

в Казанском крае и впредь останется важным направлением его научной деятельности («лениниана», казанские народники и социал-демократы, татарские социалисты и др.)⁴.

В центре внимания во многих его исследованиях была фигура В.И. Ульянова-Ленина и его соратников. Наряду со многими сюжетами, раскрывающими процесс формирования мировоззрения членов семьи Ульяновых, Р.И. Нафигов рассматривает новые грани биографии вождя российской революции. В частности, историк подробно освещает и анализирует литературу и периодическую печать, которую читал молодой Владимир Ульянов, а также круг его непосредственного общения. Он приводит факты о деятельности известных, малоизвестных и совсем до тех пор неизвестных участников социал-демократического и рабочего движения. В его работах фигурируют имена А.П. Шапова, профессора, выпускника Казанского университета В.В. Бervi-Флеровского и многих других деятелей демократического движения. Тема о первых марксистах края воплотилась и в публикациях, посвященных Н.Е. Федосееву. Большое место в научных поисках Рафика Измайловича занимала история студенческих и ученических социал-демократических организаций. Бесспорным достоинством этих исследований является их обширная источниковая база, что позволило ему вывести исследования за пределы чисто партийного и узкоклассового подхода.

Во второй половине 1950-х гг. под влиянием решений XX съезда КПСС произошла относительная либерализация идеологического режима. Ситуация в области исторических исследований значительно изменилась с приходом в науку молодых прагматиков, новой генерации ученых, не обремененных догматической

идиосинкразией. По мере общей демократизации круг научно-исследовательских сюжетов существенно расширился. К официально признанным «национальным героям» («революционным демократам» Г. Тукаю и М. Гафури, большевикам Г. Кулахметову и Х. Ямашеву) благодаря усилиям Р.И. Нафигова присоединился лидер леворадикального крыла татарского национального движения – Мулланур Вахитов⁵. Рафик Измайлович и его первые ученики на базе скрупулезного научного поиска сумели дать объективную оценку деятельности Вахитова и Мусульманского социалистического комитета. Потребовался значительный научный труд, чтобы в деталях восстановить последние дни комиссара по мусульманским делам. Благодаря активности и настойчивости ученого в центре Казани был сооружен памятник Вахитову, его именем названа площадь и улица. Могила Вахитова обнаружена Нафиговым на Архангельском кладбище.

Безусловным прорывом в изучении истории народов Поволжья и Приуралья стала работа Р.И. Нафигова «Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли» (1964). Новые условия позволили автору существенно расширить спектр и контекст исследования. Им были выявлены неизвестные прежде поэты и писатели, общественные деятели: поэты Сыздыков и Л. Хорова, ученый Д. Аитов и скрипач международного класса Изм. Аитов. Им были восстановлены имена Н. Муранской и Г. Трейтер, гуслирши М.Г. Лукьяновой и певицы Н. Булычевой, учителей-просветителей из мордвы и мари, казахов и калмыков. Уникальная память Нафигова помогла сохранить для истории сотни имен участников общественных движений, нюансы формирования их убеждений, их взаимоотношений.

Отмечая слабую разработанность проблемы джадидизма, Р.И. Нафигов подчеркивал внутреннюю социальную неоднородность и социально-политическую противоречивость этого движения. Выделяя демократическое крыло, он вслед за Г.М.Халитовым, М.Г. Вахабовым предложил разделить джадидизм на демократическое и буржуазно-националистическое направления. На I этапе – с середины XIX в. до 1880-х гг. джадидистское движение (в котором преобладало просветительство) носит в целом прогрессивный характер: требования были направлены против абсолютизма и способствовали пробуждению чувства национального самосознания. На II этапе – с начала 1880-х гг., по мнению автора, нарастают узкоклассовые интересы национальной буржуазии, вставшей во главе движения. «Джадид»... превращается в знамя буржуазного националистического движения»; он «идейно захлестнул демократическое просветительство»; «джадидизм как направление политической мысли был погребен революцией 1905 г.». «Итак, намечались два течения внутри джадидизма, но неразвитость, незрелость демократического направления, гонения на него царизма не позволяли ему в 80-е годы выделиться из общего «джадидизма»⁶.

Вслед за Р.И. Нафиговым с аналогичными (умеренными) трактовками татарского, башкирского джадидизма выступили К.Ф. Фасеев, Г.И. Исмагилов и Б.Х. Юлдашбаев и др. Впрочем, дискуссия продолжалась вплоть до конца 1970-х гг.⁷. Очевидно, что тема джадидизма, ставшая предметом ожесточенных споров, представляла историкам не просто «полигон» для изучения общественно-политических течений небольшевистского толка, но и сохраняла в поле научного контента концепты национальной идеологии. Специфика темы позволяла под при-

крытием «просветительства» относительно безболезненно затрагивать аспекты национального тюркско-татарского движения второй половины XIX – начала XX в.

Важным направлением в этот период (60–70-е гг.) стала борьба за «очищение» татарской общественно-политической мысли от обвинения в панисламизме и пантюркизме⁸. Р.И.Нафигов, допуская некоторое «культивирование панисламизма и пантюркизма представителями национальной буржуазии и духовенством»⁹, вместе с тем решительно выступил против утверждения о каком-либо существенном влиянии этих идеологий¹⁰. В полемическом запале Р.И.Нафигов был готов признать, что «нарождающаяся татарская печать, литература, скорее, была национальной и националистической, но не панисламистской или пантюркистской». «Великая провокация, – по мнению исследователя, – организованная царским правительством во всероссийском масштабе, нужна была ему для отвлечения масс от социальных проблем, от революции...»¹¹. На эту же позицию встали М.А.Усманов, М.С.Магдеев, И.Р. Тагилов и др.

Вместе с тем исследователи этого периода, несмотря на отрицание влияния исламизма, османизма, тюркизма, не могли не признать оппозиционность царизму «национализма угнетенной нации». Оговаривая компродорский характер национальной буржуазии, Р.И. Нафигов писал, выражая общую точку зрения: «В этой части есть некоторая точка соприкосновения национально-освободительного движения с борьбой пролетариата против самодержавия»; «борьба татарской буржуазии... приняла наступательный характер в начале XX в.»¹². Вне зависимости от субъективных убеждений авторов в этот период, на наш взгляд, была принята абсолютно правиль-

ная стратегия, поскольку речь шла не только о реабилитации джадидизма, но и о развитии всей тематики.

В определенном русле научных исследований в 70–80-е гг. достаточно плодотворно реализовывался ряд направлений, на основе которых сложились ведущие научные школы (Р.И. Нафигова, Я.Г.Абдуллина, М.А. Усманова и др.). Изучение процессов становления и развития татарской общественной мысли в советской историографии было целиком подчинено революционной тематике. В исследованиях этого периода данная проблема рассматривается с позиций социально-классовой борьбы в среде татарского общества, становления татарского большевизма и других леворадикальных национальных групп, противостоящих идеологии «либерально-националистической» буржуазии и их «мелкобуржуазных соглашателей». Вплоть до начала 1990-х гг. в отечественной историографии господствовал взгляд на национальное движение как на резерв общероссийской революции. Не отрицая в целом эти подходы, нельзя не признать, что они приводили к естественным перекосам – одностороннему освещению татарской общественной мысли, к выпячиванию одних сторон и затушевыванию других. В известном смысле, это была «плата» за возможность продолжить научные разработки проблем национального строительства.

Важным направлением его научной работы стала проблема, которая начала его волновать еще в юности, проведенной в родном городе. В Уральске уже в годы первой российской революции издавались газеты на татарском языке, именно здесь начал свой путь в поэзию Габдулла Тукай. Еще до приезда в Казань Рафик Измайлович начал изучать татарские газеты с арабской графикой. Интерес к Тукаю подпитывался рассказами

матери, которая хорошо знала родных поэта, близко общалась с ними. Первые результаты научного поиска нашли отражение в кандидатской диссертации. Благодаря Р.И. Нафигову была осуществлена огромная работа по исследованию уральского периода творческого пути поэта Г. Тукая. Его первые статьи на эту тему были опубликованы в газетах и журналах Казани еще в начале 1950-х гг.: «Новые документы и материалы о народном поэте Г. Тукае» (1952), «Общение Г. Тукая с рабочими г. Уральска» (1954), «Книга народного поэта» (1954) и т.д.

Многочисленные поиски в архивах, ЗАГСах, встречи и беседы со старожилами Уральска дали положительные результаты. Были представлены данные, которые внесли ясность и достоверность в историю жизни молодого поэта. Нафигов был страстно предан начатому в юности делу, и его последующие работы продолжали говорить об этом («В поисках материалов о жизни Г. Тукая» (1997), «Проблемы изучения биографии Тукая: итоги и перспективы» (1997) и др.). Книга «Тукай и его окружение» (Казань, 1986) «зрела в сознании долгие годы, – пишет автор. – С детских дошкольных лет запомнились стихи его: то мама, то отец, то бабушка напевали их, по памяти читали «Шура-ле». А «Туган тел» нередко пели мы, мальчишки, и он казался нам самым, каким-то могучим заклинанием, гимном жизни».

Одной из последних крупных работ Р.И. Нафигова стала книга «Наш Тукай: Новые страницы из жизни поэта» (Казань, 1998). Благодаря поискам исследователя существенно расширился круг известных произведений, принадлежащих перу классика татарской литературы, но не изданных в свое время из-за запретов. В результате исследований Нафигова гораздо более

полными стали наши представления о тенденциях развития татарской культуры, литературы и публицистики в период сложных социально-политических конфликтов начала XX века.

Через всю свою жизнь Р.И. Нафигов пронес чувство глубокой любви к творчеству великого татарского поэта. Он, как признанный тукаевед, принимал участие в издании многотомной истории татарской литературы и сочинений Г. Тукая. В том числе единственного издания прозы Тукая на русском языке в Казани и Москве. Он был членом комиссии по присуждению Тукаевской премии, оказывал помощь в создании мемориального комплекса в с. Кырлай, где родился поэт. В 1985 г. им был заключен договор с Казанской студией кинохроники о написании литературного сценария документального фильма «Габдулла Тукай» в 2-х частях и дикторского текста к нему. Его любовь и интерес к литературе, искусству и поэзии оставались неизменными до конца жизни. Он старался быть в курсе новых литературных явлений и процессов. Поэтому неудивительно и то, что он сам для души пробовал излагать свои мысли и чувства в разных литературных жанрах. У него вышли несколько сборников стихов и поэм.

Научное руководство, наставничество среди студенческой молодежи представляли важное поприще приложения его творческих сил. Р.И. Нафиговым было подготовлено 50 кандидатов наук и 10 докторов наук. Его ученики работают во многих регионах нашей страны и, конечно, основная часть его воспитанников трудится в Татарстане. Многие его ученики, которые слушали его лекции, работали под его руководством над диссертационными исследованиями, до сих пор благодарны ему. Рафик Измайлович был во всех отношениях неординарным человеком, прежде всего, весьма щедрым во взаимоотношениях

с окружающими его людьми. В итоге научной деятельности им было издано более 300 научных работ, учебных публикаций и лекций, в том числе около 15 монографий. Они опубликованы на русском, татарском, украинском, башкирском, казахском языках. Большим успехом пользовались его спецкурсы, лекции и доклады, прочитанные в различных вузах нашей страны. Учебно-методическая деятельность в Казанском университете также широко известна: его труды до сих пор изучаются и в школах, и в стенах университета, используются в спецкурсах и т.д. Нафигов приглашался также для чтения лекций в Чехословакию, Польшу, Венгрию, Болгарию. Он участвовал в зональных, республиканских и Всесоюзных научно-теоретических конференциях. О нем хорошо знала научная общественность за рубежом; на его книги приходили заказы из ФРГ, Франции, Болгарии и др.

Р.И. Нафигов в жизни занимал активную и ответственную гражданскую позицию, вел большую общественную работу: был членом учебно-методического Совета Министерства высшего образования СССР; членом редколлегии Общества истории, археологии, этнографии, председателем совета КГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций. Он долгие годы являлся членом редколлегии ряда научных и художественных журналов. Именно за активное участие в пропагандистской и массово-политической работе он был включен в республиканскую Книгу почета.

Жизнь и творчество крупного ученого, неординарной личности и сегодня вызывают неподдельный интерес. Подтверждением этому служат различные научные мероприятия, посвященные анализу его творческого пути и научного наследия. В частности, видным событием стала конференция, посвященная памяти Р.И. Нафигова, которая была проведена КФУ в

2008 г. совместно с Академией наук Республики Татарстан. На это событие живо откликнулись представители научной общественности, руководители вузов и академических учреждений, Западно-Казахстанский педагогический университет, благодарные ему ученики и т.д.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановления бюро Тат. ОК ВКП (б) (сентябрь, 1948; февраль, 1952).

² В итоге с конца 1940-х – начала 1950-х гг. начинается всеобщее «разоблачение сущности джадидизма» как общественного явления. См.: *Усманов М.А.* О триумфе и трагедии идей Гаспринского // Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань, 1993. – С. 6.

³ *Нафигов Р.И.* Влияние марксистско-ленинских идей на татарскую демократическую публицистику в период первой русской революции. Дисс... канд. ист. наук. – Казань, 1954.

⁴ *Нафигов Р.И.* Мулланур Вахитов: Историко-биографический очерк. – Казань, 1960; его же. Казанская социал-демократическая организация в 1907–1914 гг. – Казань, 1961; его же. Первый шаг в революцию. В.И. Ульянов и казанское студенчество 80-х гг. XIX в. – Казань, 1970; его же. Тайны революционного подполья: Архивные поиски и находки. – Казань, 1981, и др. Нафигов Р.И. участвовал в подготовке и издании таких фундаментальных трудов, как «История Татарской АССР», «Очерки истории партийной организации Татарии», «Лениниана Советской Татарии», «Борцы за счастье народное», многочисленных сборников документов, материалов и воспоминаний о деятелях социал-демократии, по истории культуры и литературы.

⁵ *Нафигов Р.И.* Мулланур Вахитов. – Казань, 1960.

⁶ *Нафигов Р.И.* Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли... – С. 88, 98, 92, 93, 95.

⁷ Например, рецидивы жесткой постановки вопроса мы находим в работах Хасанова Х.Х. См.: *Хасанов Х.Х.* Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977. – С. 147–151.

⁸ Концептуальные истоки официальной версии относятся к дореволюционной партийной литературе: например, «татарский панисламизм» (Шаумян С.Г., 1905), «панисламизм среди татар» (Сталин И.В., 1913) и др.

⁹ *Нафигов Р.И.* Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли... – С. 325, 37, 372.

¹⁰ Там же. – С. 40–43.

¹¹ Там же. – С. 53.

¹² Там же. – С. 29, 101.

Аннотация

Статья посвящена научно-педагогической деятельности действительного члена Академии наук РТ Рафика Измайловича Нафигова, автора многих трудов по истории общественной мысли татарского народа.

Ключевые слова: Нафигов Рафик Измайлович, ученый, педагог, Мулланур Вахитов, Габдулла Тукай, лениниана.

Summary

The article is devoted to the scientific and pedagogical activity of Rafik Nafigov the Fellow of Tatarstan Academy of Sciences, author of many works on the history of social thought of the Tatar people.

Keywords: Rafik Nafigov, scientist, educator, Mullanur Vahitov, Gabdulla Tukay, Leniniana.

УДК 23/29

МОНАСТЫРИ ТЕТЮШСКОЙ ОКРУГИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–XVII вв.

Е.В. Пашина, аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

С завоеванием Казани начался процесс становления новой системы управления присоединенными землями. Наряду с формированием новых органов власти одним из важных мероприятий русского правительства было создание в крае опорных военных пунктов – укрепление старых и основание новых крепостей, в которых сосредоточивались военная администрация и военные части.

Главным военным центром, где сосредоточивалось административное управление краем, была Казань. Еще до завоевания Казани, в 1551 г., с целью создания в тылу опорного стратегического пункта и обеспечения воинских коммуникаций в устье реки Свияги была построена крепость Свияжск. После присоединения Казанского ханства, в 1552 г., был образован Свияжский уезд. С этого времени, с целью подавления восстаний коренных народов и подчинения их новой администрации, во II половине XVI в. были построены новые крепости, в которых размещались гарнизоны и заседали воеводы. В 1571 г. на правом берегу Волги опорным пунктом стала крепость Тетюши. С 1582 г. в документах стал упоминаться Тетюшский уезд¹.

Таким образом, к концу XVI века на территории Среднего Поволжья сформировалась сеть русских крепостей, главными центрами которой являлись крепости Свияжск и Казань. Свияжск стал важным администра-

тивным центром на Горной стороне Волги, в то время как Казань была центром Луговой стороны. Крепости являлись главными проводниками политики Русского государства как в политико-экономическом, так и в духовном вопросах.

Нагорная сторона Волги состояла преимущественно из представителей татарского и чувашского народов, а после формирования Свияжского воеводства эта земля постепенно стала заселяться русскими. Татары «жили на правом берегу Волги на западе от Свияги и на юге до г. Тетюши»². Как указывает историк С.Х. Алишев, «после вхождения в состав России чувашаи частично переселялись со своей центральной территории (современная Чувашия, Приказанье и Заказанье) на юго-восток»³ (районы Свияжского и Тетюшского уездов), образовав здесь одну из многочисленных народностей.

Правобережье Волги, как известно, осваивалось русским населением быстрее, чем левобережье. Об этой тенденции свидетельствует, в частности, тот факт, что по данным писцовых книг 1565–1568 гг. на Горной стороне в поместных землях русского населения было больше, чем на Казанской стороне.

В этноконфессиональном плане население Горной стороны Волги было весьма разнообразным: «Язычество чувашей, марий, мордвы, удмуртов в XVI–XVIII вв. представляло

собой развитые формы политеизма, в нем оформилась классификация богов по ступеням»⁴. Языческие верования народов Поволжья представляли довольно цельный комплекс политеистических воззрений с добавлением этнической специфики. Татары исповедовали ислам, чувашаи являлись последователями традиционных верований, русские были приверженцами православной религии. Выход из ситуации был очевиден.

С целью духовного подчинения местных народностей Русское государство начало проводить политику христианизации. В мае 1555 г. правительство учредило казанское архиепископство во главе с Гурием. Царь снабдил архиепископа Казанского и Свияжского инструкцией-памятью, которая является первым в истории России наказом верховной власти по вопросу о христианизации нерусских народов⁵. В «Наказной памяти» вопрос христианизации был поставлен в один ряд с другими мероприятиями государственной политики, проводившейся по управлению покоренных народов. «Наказная память» предполагала наличие центра, около которого могли быть объединены все христианские элементы края и совместно могли осуществлять миссионерскую задачу между иноверцами. Такими центрами стали Казань и Свияжск.

Открытие Казанской епархии было важнейшим моментом в истории православной церкви и Русского государства, т.к. Москва закрепила за собой весь европейский юго-восток. Так, историк И.М. Покровский считает, что границы Казанской епархии на юго-востоке не заходили за реку Суру, в ее пределы входили также Нагорная сторона, занимавшая пространство между Сурой и Волгой, и Луговая сторона с городами Санчурском и Царевококшайском, лежавшая

на казанской стороне Волги, занимавшая земли между левым притоком Камы и р. Вятка, южные уезды Вятской губернии составляли северную часть территории Казанской епархии, доходившей до среднего течения р. Вятка⁶.

Центрам церковного управления отводилась такая же важная роль в колонизации бывших земель Казанского ханства, что и вновь устроенным административным учреждениям.

В идеологической сфере освоение Казанского края происходило с помощью внедрения православия во всех населенных пунктах региона, в которых с течением времени появились свои служители церкви. Опорными пунктами выбранной политики Русского правительства служили монастыри и церкви, которые на территории Среднего Поволжья стали возникать с середины XVI века как центры христианизации и колонизации края.

В геополитическом плане устройство как крепостных, так и монастырских сооружений на всем протяжении р. Волга и вдоль ее притоков (севернее и южнее Волги) являлось весьма удачным решением вопросов безопасности и обороны края от нападения ногайцев. Река Волга служила естественной преградой от нападений, поэтому русские власти успешно вели строительство монастырских комплексов как внутри самих крепостей, так и на территории их уездов, располагавшихся возле основного центра. Наглядным примером этого служат так называемые пустыни, которые возникали не в главных городах и населенных пунктах, а в глуши лесов среди языческих инородческих селений, так как эти места являлись малодоступными для русской колонизации⁷ (в начале XVII в. возникла Раифская пустынь вблизи Казани; в I половине XVII в. – Макарьевс-

кая пустынь в версте от Свяжска; в XVII в. – Сретенская пустынь в версте от Чебоксар; в 1647 г. – Мироносицкая пустынь в 15 верстах от Царевококшайска⁸ и др.). Поэтому можно утверждать, что монастыри и пустыни также являлись своего рода крепостями, которые при необходимости служили опорными пунктами в периоды экстрима, а монастырские стены защищали и помогали вести оборону от нападения извне. Монастыри в то время служили главными пунктами военных действий: «Духовенство не только выставляло в поле, для защиты законного правительства, своих крестьян и слуг, но и само нередко бралось за оружие и принимало действительное участие в военных действиях»⁹. Так, например, «в смутное время в Свяжском Богородицком мужском монастыре от воровских людей отсиживались воеводы, дворяне, боярские дети, служилые и земские люди, даже татары. В тревожное время после смут не только монастыри, но и их вотчины превращались в крепости»¹⁰. Вследствие этого стратегического значения монастыри на протяжении длительного времени, вплоть до начала XVIII века, удерживали характер крепостей: правительство заботилось о сохранении в них прежних и построении новых укреплений, в монастырях среди постоянного населения были стрельцы, многие монастыри имели в запасе разного рода оружие¹¹.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что на территории Среднего Поволжья с середины XVI века создавалась целая сеть монастырских комплексов, служивших не только центрами колонизации и христианизации местных народов края, но и являвшихся местом безопасности и защиты от нападения иноземных захватчиков, «выполняя при этом такие

же функции, что и построенные светскими властями города-крепости»¹².

Именно монастырские земли становились центрами распространения и утверждения христианства среди местного мусульманского и языческого населения. «Просветительный и благотворительный подвиг среди инородцев Среднего Поволжья должны были нести монастыри: Свяжский Успенский (1552 г.), Казанский Зилантов (1552 г.), Казанский Спасо-Преображенский (1556г.), Чебоксарский Троицкий (1567 г.), казанский Иоанно-Предтеченский (1567г.), Троицкая лавра и другие монастыри, имевшие земли в инородческом Поволжье»¹³.

Историк Д.М. Макаров считает, что «главную силу в «миссионерском освоении» иноверческого общества составляли архиерейский дом и основанные здесь монастыри»¹⁴, среди которых он называет Казанские Троице-Сергиев и Спасо-Преображенский, Свяжский Успенский (Богородицкий) монастыри. Таким образом, вопросами христианизации на территории Среднего Поволжья в указанный период призваны были заниматься все монастырские комплексы, но главную роль играли наиболее крупные монастыри – это монастыри городов Казани и Свяжска.

В XVII веке монастырская колонизация меняет свое направление: «монастыри приобретают земли в нынешних Тетюшском и Чистопольском уездах. Земли эти в то время граничили еще с ненаселенными местами: они лежали на пути, по которому часто ногайские татары делали свои набеги»¹⁵.

Строительство монастырей на территории Среднего Поволжья во II половине XVI–XVII вв. условно можно разделить на три хронологических этапа:

1. С середины XVI в. до Смутного времени;

2. После Смуты до 1648 г. (строительство Симбирска и Симбирской укрепленной линии защиты);

3. С 1648 г. и до конца XVII в.

Первый этап характеризуется активным повсеместным строительством монастырских комплексов и пустынь на территории Среднего Поволжья с целью христианизации местных народов, колонизации земель и управления вновь завоеванным краем. С началом Смутных событий монастыри превращались в убежище служилых и ясачных людей, т.е. исполняли функции крепостей. Вплоть до 1648 г. велось планомерное строительство монастырей. Со времени основания Симбирска и его засеки граница оборонительной линии Среднего Поволжья сдвигается далее на юг (с линии Алатырь–Тетюши до линии Арзамас–Симбирск) и темпы строительства монастырей постепенно снижаются, приобретая характер укрепления и дальнейшего устройства уже существующих комплексов.

Благодаря активной деятельности военной власти и огромному масштабу строительства центров православной религии на территории Среднего Поволжья во II половине XVI–XVII вв. число монастырей достигло более 30. Была создана целая сеть церковных поселений, которые не только образовали центр расселения русского населения в городах-крепостях, но и, без сомнения, были призваны закрепить господство московского правительства.

В Российском государстве в XVI–XVII вв. имелись только две силы – это правительство и церковь, которые обладали не только властью и незыблемым авторитетом, но и значительными материальными средствами и людскими ресурсами, поэтому с подчинением Казанского ханства нача-

лась активная колонизация его земель. Как правило, земельные пожалования происходили после крестьянских волнений, а также после событий Смутного времени (это подтверждается на примере роста вотчинного землевладения Тетюшского Покровского монастыря, о котором речь пойдет далее). «Крупные пожалования монастырям в Среднем Поволжье начались с 20-х гг. XVII в.»¹⁶. В окрестностях Казани были внедрены все формы землевладения, типичные для Русского государства – поместное, дворцовое и церковное (т.е. монастырское). Наделение монастырей земельной собственностью для самого правительства имело важное значение. «Составляя социальную и политическую опору самодержавия и православия в крае, дворянство и духовенство должны были выполнять, сообразно обязанностям государевой службы, и функцию насаждения христианства среди местного населения»¹⁷. Получая государственные пожалования, духовенство чувствовало себя обязанным охранять государственные интересы и старалось населять свои земли русскими людьми, пользуясь льготными владельческими правами. При льготных условиях отбывания разных повинностей крестьянство охотно селилось на церковных землях. Кроме того, раздачу монастырям земли следует рассматривать как создание материальной базы для дальнейшей христианизации. Таким образом, формирование монастырского землевладения со стороны русских властей, укрепление материальной базы и своего благосостояния со стороны священнослужителей являлись важным направлением деятельности православной церкви в регионе и неотъемлемой частью правительственной военно-феодальной колонизации.

Материальное положение монастырей было различным: от очень бо-

гатых до очень бедных, которые едва поддерживали свое существование. Источниками содержания любого монастырского комплекса являлись: вклады за пострижение, поминовенные и добротные приношения, а также сборы милостыни, некоторые пользовались царской ругой. Многие монастыри имели свою недвижимую собственность, которая могла быть представлена в виде земли (заселенной людьми или же пустыми местами), угодьями (мельницы, перевозки, соляные варницы, рыбные ловли и т.п.), лавками и домами в самих крепостях, и даже целыми слободами ремесленников¹⁸.

Наделение монастырей земельной собственностью, начавшееся во II половине XVI–XVII вв. и продолжавшееся еще многие столетия, а также об их роли в общероссийской системе существования и развития монастырских комплексов можно проследить на примере города Тетюши и Тетюшского уезда.

Тетюшский приход существовал с середины XVI века¹⁹. В центре военного городка всегда возвышалась церковь, которая являлась непременным атрибутом новой утверждающейся русской власти на покоренных землях. Несколько церквей можно увидеть и на гравюре австрийского путешественника Адама Олеария, который проплыл по Волге в августе 1638 г. Этот рисунок считается самым древним из изображений города. «Он состоит из разбросанных домов и церквей, весь построен из дерева и вместо стены окружен частоколом»²⁰, – отметил Адам Олеарий о Тетюшах.

На территории Тетюшского уезда располагались владения трех монастырей, существовавших на протяжении II половины XVI–XVII вв. Первый был основан во II половине XVI века. Мужской монастырь Николая Чудо-

творца, да Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, по описаниям XIX века, находился в 7 верстах от города Тетюши: на месте, известном позже как «Богородицын рынок» (сейчас это место называется «Старыми» или «Нижними» Тетюшами, в 1957 г. в связи со строительством Куйбышевского водохранилища эта территория оказалась затопленной)²¹. Он был основан в 1559 г.²², что подтверждает «Грамота боярина и воеводы князя Федора Дмитриевича Шестунова «с товарищи», по указу царя Федора Ивановича, священнику Соловецкого монастыря Ионе «с братьею» о пожаловании пустоши Отары на речке Черемись в монастырь Нового Николая и Изосимы и Савватия Соловецких, что в Нижних Тетюшах»²³. Русское военное укрепление располагалось в нескольких верстах от монастыря.

В этой же грамоте, данной 19 апреля 1589 г., имеется не только указание на дату основания первого монастыря в Тетюшах, но и говорится о том, что Никольскому монастырю была пожалована в собственность земля: «...дали в пустыню в нижние Тетюши в монастырь, что стал ново Николая Чудотворца, ..., черному священнику Ионе, да старцу Нилу с братией, понижее монастыря на речке Черемше-Отары..., и буде на той пустоши пашню пахать, и сено косить, и всеми угодьями владеть...»²⁴. Итак, за монастырем были закреплены следующие земли в Тетюшском уезде: «Нижние Тетюши» и пустошь вдоль реки Черемша-Отары²⁵.

В период «Смуты» в Среднем Поволжье сложились условия, близкие к тем, которые толкали крестьян на борьбу в центрально-русских уездах. В этом движении в Среднем Поволжье выделяют три этапа, район Тетюшей был охвачен восстанием лишь в 1610 г.²⁶. В окрестностях Тетюшей шли военные действия между казан-

цами, поддерживавшими Василия Шуйского, и сторонниками Лжедмитрия II. Территория города пострадала – был разорен и больше не восстанавливался (т.е. был закрыт) Никольский монастырь²⁷.

Некоторые письменные источники свидетельствуют, что на территории города существовала церковь Николы Чудотворца. Исходя из данных этих источников неясно: была ли эта церковь частью монастырского комплекса, описанного нами ранее, или же существовала независимо от Никольского монастыря? Так как нет прямых указаний ответа на этот вопрос, мы приведем цитату из источника о церкви Николы Чудотворца: «Тетрадь записная Казанского уезда Нагайские дороги за рекою за Волгою на Нагорной стороне письма и меры 158-го и 159-го году». Документ содержит сведения о том, что «наружная церковь Николы Чудотворца» имела во владении полянку, которая находилась «от города едучи к государеву селу Федоровскому на правой стороне от первого мосту по конец животинного выпуска и по конец стрелецкого поля меж перелесков и меж врагов и Жолтого болота»²⁸. Размер полянки Никольской церкви в 1648–1649 гг. составлял 10 десятин, «и в том числе под пашню пять десятин, а в дву потому ж, а на сенные покосы три десятины»²⁹. Итого 20 десятин земли было во владении церкви Николы Чудотворца в 1648–1649 гг.

«Переписная книга города Тетюши», которая может быть датирована не ранее 1649 г., сообщает о Никольской церкви следующее: «Двор церковного Никольского дьячка Елизарка Федорова сына Шибанова; Двор церкви Никол Чюдотворца попа Федора Харитоновна»³⁰. Когда церковь была закрыта, или же прекратила свое существование вследствие каких-либо народных волнений, или она пере-

шла в ведение какого-то монастыря, в источниках нет сведений.

В 1589 г. в Тетюшском уезде строителем игуменом Ионой был основан другой мужской монастырь – Покровский, который находился «к северу от Тетюш, в районе нынешних деревень Любимовка и Федоровка»³¹.

В 1646 г. Тетюшский Покровский монастырь был приписан к Московскому Новоспасскому монастырю,³² основанному еще великим князем Юрием Долгоруковым. Что касается термина «приписной монастырь», то здесь следует упомянуть о том, что «малые», занимающие второстепенное значение, монастыри в значительной мере не имели самостоятельности, а зависели от «больших» и управлялись их настоятелями. «Большие обители высылали от себя как бы монастыри-колонии – приписные монастыри, которые и оставались в их заведовании. Иногда одни монастыри приписывались к другим по распоряжению своего основателя или правительства»³³. Из этого следует, что Покровский монастырь, потеряв свою самостоятельность, являлся вотчиной Новоспасского монастыря.

Как известно, внутренний строй в монастырях был различен: общежительный или скитский и отшельнический. «Одни зависели от больших монастырей, к которым были приписаны, другие были подчинены местному епархиальному архиерею, третьи (домовые и приписные) патриарху или же епископу иной епархии, некоторые, как привилегированные, приказу Большого Дворца»³⁴.

В центре управления монастырской общины стояли настоятель (строитель, игумен, архимандрит) и собор из лучших братий. Настоятели, как правило, избирались монастырским собором, но могли и назначаться епархиальным архиереем, если монастырь от него зависел³⁵.

Историк Павел Строев в своей работе «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» привел наиболее полный список настоятелей Тетюшского Покровского монастыря:

«Игумены:

Иона (строитель), 1589 г.

Моисей, в феврале 1601 г.

Марк, 1619 г.

Иона, 1623 г.

Дионисий, 1629–1632 гг.

Строители:

Авраамий, 23 января 1646 г.

Александр, в ноябре и декабре 1646 г.

Иосиф, 1688 г.»³⁶.

Список настоятелей Покровского монастыря последней четверти XVII – начала XVIII вв. имеется в «Актах исторических и юридических, собранных Степаном Мельниковым». В 1672–1674 гг. в качестве строителя монастыря отмечен старец Феодосий³⁷, в 1675 г. также строителем указан Игнатей,³⁸ в 1700–1704 гг. – Пимин Чарыков³⁹.

Как видим, Покровским монастырем с момента его основания и до 1646 г. управляли игумены. Когда же он был приписан к Новоспасскому монастырю, вполне закономерно, что, потеряв статус самостоятельности, Покровским монастырем заведовали «строители». Это понятие стоит рассматривать как некий собирательный термин, обозначающий руководителя

монастырской общины, который мог и не иметь церковного сана. Такое явление встречалось в управлении «малых» монастырей в России вплоть до XVIII века.

Рассмотрим земельные владения монастыря. Из отрывка «Дозорной росписи Тагаша Глядкова» известно, что в 1636 г. за Покровским монастырем значилось 120 крестьянских и бобыльских дворов⁴⁰. К сожалению, в документе не указано, где именно находилось подворье монастыря.

После 1646 г., когда Тетюшский монастырь был приписан к Новоспасскому монастырю, он получил довольно значительные земельные пожалования. По данным переписи 1646 г., монастырь имел подворье в самом городе Тетюши: «Двор поп Карп Михайлов с сыном с Федькою. Двор поп Игнатей Семенов с сыном с Ондрушкою, да з братом с Ывашком. Двор дьякон Федор Никонов з детьми с Митькою, да с Олешкою, да з братом с Олешкою ж. И всего два двора поповых, да двор дьяконов»⁴¹. Кроме того, за монастырем значился двор дворника⁴². Таким образом, в городе Покровский монастырь имел весьма небольшое подворье (всего 4 двора). В уезде монастырское хозяйство было намного шире: располагалось в четырех поселениях (см. табл. 1–5 «Вотчины Покровского монастыря в Тетюшском уезде в 1646 г. Село Ильинское. Деревня Средняя. Деревня Задняя. Дворская слобода»⁴³).

Таблица 1

Вотчины Покровского монастыря в Тетюшском уезде в 1646 г.

Вотчины	Количество дворов (монашеских, крестьянских, бобыльских)	Количество человек
Село Ильинское	22	49
Деревня Средняя	21	86
Деревня Задняя	30	44
Дворская слобода	28	85
Всего	91	264

Таблица 2

Вотчины Покровского монастыря в селе Ильинское в 1646 г.

Дворы	Количество дворов	Численность душ мужского пола
Монашеские	2	5 (2 слушка; дворник с 2-мя детьми)
Крестьянские	16	38 (16 чел. крестьян; их детей 22 чел.; 2 внучат)
Бобыльские	4	6 (4 чел. бобыля; 2 детей)
Всего	22	49

Таблица 3

Вотчины Покровского монастыря в деревне Средняя в 1646 г.

Дворы	Количество дворов	Численность душ мужского пола
Монашеские	–	–
Крестьянские	20	85 (20 чел. крестьян; их детей 44 чел.; пасынок 1 чел.; 10 внучат; братьев 3; племянников 4 чел.; соседей 3 чел.)
Бобыльские	1	1
Всего	21	86

Таблица 4

Вотчины Покровского монастыря в деревне Задняя в 1646 г.

Дворы	Количество дворов	Численность душ мужского пола
Монашеские	1	1 (дворник)
Крестьянские	11	42 (11 чел. крестьян; их детей 26 чел.; 4 внучат; брат)
Бобыльские	1	1
Всего	30	44

Таблица 5

Вотчины Покровского монастыря в Дворской слободе в 1646 г.

Дворы	Количество дворов	Численность душ мужского пола
Монашеские	–	–
Крестьянские	–	–
Бобыльские	28	85 (66 чел. бобылей; пасынков 3; внучат 2; братьев 3; соседей 11)
Всего	28	85

Таким образом, в 1646 г. Тетюшскому Покровскому монастырю принадлежало 4 поселения, в которых насчитывался 91 двор (264 души мужского пола (м.п.)). В селе Ильинское размещалось: 2 монашеских двора, в которых насчитывалось 5 душ м.п.; 16

крестьянских дворов с численностью в 38 душ мужского пола; 4 бобыльских двора с 6-ю душами м.п. Таким образом, село Ильинское состояло из 22 дворов. Деревня Средняя располагала 21 двором, среди которых 20 крестьянских (85 человек м.п.) и 1

двор бобыля. Деревня Задняя имела 1 монашеский двор, 11 крестьянских дворов с 42 душами м.п. и 1 бобыльский двор. В Дворской слободе размещалось 28 дворов бобылей (85 душ м.п.).

Как видим, село Ильинское и деревня Задняя состояли из монашеских, крестьянских и бобыльских дворов, деревня Средняя не имела монашеского населения, а Дворская слобода целиком и полностью состояла из бобылей. Многочисленными вотчинами были деревня Средняя и Дворская слобода – 86 и 85 душ м.п. соответственно. Наибольшее количество дворов имела деревня Задняя – 30. Все население вотчин Покровского монастыря по этноконфессиональному признаку являлось русским.

«Записная тетрадь Ногайской дороги Казанского уезда 1648–1649 гг.» характеризует размер и состав землевладения Покровского монастыря, который на момент ее составления уже являлся, как отмечено ранее, вотчиной Московского Новоспасского монастыря. Эти сведения нами систематизированы и оформлены в виде таблицы 6.

Таким образом, можно отметить, что монастырь имел довольно большие земельные владения: 852,9 десятины пашни с правом косить сено на этих землях. Кроме того, за монастырем в 1649 г. значилась пустошь Атары, которая ранее принадлежала Тетюшскому Никольскому монастырю. Из «Записной тетради Ногайской дороги Казанского уезда 1648–1649 гг.» видно, что дворы деревни Атары (монастырский и крестьянские) запустели, а сама пустошь перешла в собственность Покровского монастыря⁴⁵. К сожалению, в источнике отсутствуют сведения о численности и этнословном составе населения.

Вышеизложенные данные свидетельствуют о том, что размеры вотчин монастыря с 1646 г. по 1648–1649 гг. (за 3–4 года) увеличились. Если в 1646 г. монастырь имел 4 вотчины, то в 1648–1649 гг. в его распоряжении находились: два села, три деревни, одна слободка, две поляны и одна пашня. Известно, что в последующие три десятилетия за монастырем числились: село Ильинское⁴⁶ и деревня Средняя⁴⁷.

Таблица 6

Вотчины Покровского монастыря в Тетюшском уезде в 1648–1649 гг.⁴⁴

Вотчины	Земельные угодья (в десятинах)
Село Спасское Преображенья Господня	18 поперечников (0,4 десятины)
Свободка Ввозная	5 десятин
Убогий дом	
Село Ильинское (поляна «Безымянная»)	3 поля = 184,5 десятины (1 поле – 30 дес.; 2 поле – 60 дес.; 3 поле – 94,5 дес.)
Деревня Средняя («Дружининский починок»)	3 поля = 225,5 десятины (1 поле – 71,5 дес.; 2 поле – 71,5 дес.; 3 поле – 82,5 дес.)
Деревня Задняя (починок «Мордовский и Юмаческий и Выползово»)	3 поля = 241 десятина (1 поле – 45 дес.; 2 и 3 поля – 196 дес.)
Пашни за оврагом Отрясовским	33 десятины
Поляна Медведева	33 десятины
Поляна Кортаевская	108 десятин
Деревня Атары	3 поля = 22, 5 десятины
Всего	852,9 десятины

Об истинных масштабах вотчинного землевладения Тетюшского Покровского монастыря можно судить, сравнив его, например, с Казанскими и Свияжскими монастырями. Так, Спасо-Преображенскому монастырю в одном Казанском уезде во II половине XVII века принадлежало 6 населенных мест, а общая численность владений доходила до 29 сел и деревень; Федоровский монастырь в 1646 г. владел деревней и починком; Троице-Сергиевскому монастырю принадлежали село Пестрецы и три деревни; Свияжский Богородицкий монастырь в уезде владел селом Мамадыш и 5-ю деревнями⁴⁸. Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что Тетюшский Покровский монастырь в размерах вотчинного землевладения уступал наиболее крупным монастырям Казанского и Свияжского уездов, но был богаче многих «малых» монастырей.

По Переписной книге города Тетюши, датируемой не ранее 1649 г., в самом городе у монастыря осталось только 2 двора: «Двор Тетюшского Покровского монастыря, а в нем живет огородник монастырский Бориско Елистратов; Двор Покровского монастыря просвирни старицы Анисьи Яковлевы дочери»⁴⁹.

На протяжении своего существования монастырь имел рыбные ловли в реке Волга, а также в озере Белое и других озерах⁵⁰.

В 1700 г. монастырь имел 47 крепостных дворов⁵¹. Постепенное ослабление монастыря и уменьшение его владений следует трактовать как общую тенденцию, которая наблюдалась на территории Среднего Поволжья в конце XVII века. Причин было множество. Считалось, что после строительства Закамской засечной черты в 1652–1656 гг. край достаточно прочно интегрируется в состав государства, к местным монастырям

стали распространять единый внутриполитический курс правительства, к этому времени монастырская колонизация была заменена правительственной: служилые люди получали поместья и вотчины⁵².

Существование Покровского монастыря в 1700 г. подтверждает «Грамота архимандрита Спаса Нового монастыря Илариона казначею приписного Тетюшского Покровского монастыря Иоакиму о получении условной рыбы и об отсылке на жительство в монастырь приказчика Луки Григорьева, дворника Фетки Копыто и старца Викентия»⁵³.

В работе В.В. Зверинского «Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи» в списках закрытых монастырей до царствования императрицы Екатерины II значится и Тетюшский Покровский монастырь, который был «упразднен задолго до издания штатов»⁵⁴. Как известно, духовные штаты учреждались манифестом от 26 февраля 1764 г.: с этого момента все епархии, монастыри и приходы делились на три класса, каждому из которых определялись штат и сумма. Таким образом, I половину XVIII века можно считать временем закрытия Покровского монастыря.

В начале XVII века самым богатым монастырем Казанской епархии – Спасо-Преображенским был основан Троицкий монастырь. Он находился на острове Чертык, расположенном чуть выше Тетюш, ближе к левому берегу Волги⁵⁵. Согласно Переписной книге, датируемой не ранее 1649 г., за Троицким монастырем числилось следующее подворье: дворы дьякона, трапезника, трех попов, дьячка, понамаря, просвирни; всего 8 дворов⁵⁶. Кроме того, у соборной Троицкой церкви (за двумя попами и за дьяконом) значилась «полянка Поповка»,

расположенная «подле Черного лесу за ключем, которой ключ ис Черного лесу из болотины, и позади мостку, которой через тот ключ, и подле дороги, что в государево дворцовое село Федоровское, от города по левой стороне от ключа меж мостков по Моховое болото»⁵⁷. Площадь «Полянки Поповка» равнялась 6 десятинам в поле. Вопрос о дальнейшей судьбе этого монастыря требует специального изучения.

В Тетюшах имел подворье и Троице-Сергиев монастырь. Была ли это собственность Казанского Троице-Сергиева монастыря, расположенного на территории Казанской крепости и просуществовавшего с 1552 г. до начала XVIII века⁵⁸, или Свяжского Троице-Сергиева монастыря, находящегося в посаде города с 1557 г. и упраздненного во II половине XVIII века⁵⁹, неизвестно. Оба монастыря (и Казанский, и Свяжский) являлись дочерними Московского Троице-Сергиева монастыря⁶⁰. В Переписных книгах 1646 и 1649 гг. сообщение об этом ограничивается следующим сообщением: «Двор Троицкого Сергиева монастыря, а в нем живет слушка монастырской Федька Иванов»⁶¹; «Двор Троицы Сергиева монастыря, а в нем живет служебник Троецкой Федька Иванов сын Горбунов»⁶². В РГАДА сохранился документ под названием «Купчая крепость, данная старцу Троице-Сергиева монастыря Боголепу на проданный ему амбар посадским г. Тетюш Бажаном Берцовым, 1641 г.»⁶³, который также свидетельствует об имеющемся в Тетюшах подворье Троице-Сергиева монастыря.

Складывание земельной собственности монастырей в Тетюшском уезде является особой темой для изучения, составной частью которой можно считать деятельность русских монастырских комплексов по эксплуатации рыбных богатств акватории района города Тетюши и его уезда. Следует

выделить два основных направления этой деятельности. Первое из них характеризуется обеспечением монастырскими властями иммунитетными льготами свои суда, которые отправлялись «на Низ» с «запасами», а также за рыбой. Так, Московскому Троице-Сергиеву монастырю в 1593 и 1594 гг. была дана грамота о невзимании таможенных пошлин с судна, идущего за рыбой в Тетюши⁶⁴.

Другим направлением предпринимательской деятельности монастырей являлась организация собственных промысловых предприятий. По грамоте 1576 г., старцы Троице-Сергиева монастыря получили право ловить рыбу на Волге в районе Тетюшей «по все лето на монастырской обиход ... 15 связками»⁶⁵. Право на рыболовство в этих местах подтверждалось также грамотами 1579 и 1588 гг.: Троице-Сергиев монастырь имел право на беззоборочную и беспошлинную рыбную ловлю в реке Волге у города Тетюши⁶⁶. Этот промысел монастыря был довольно крупным: вылавливалось 2000 осетров, которые не облагались пошлинами.

Развивая дальнейшую деятельность в акватории «тетюшских вод» по созданию серьезной промысловой базы на Волге, Московский Троице-Сергиев монастырь основал свои одноименные приписные монастыри в Казани (1553 г.) и Свяжске (1572 г.), которые также получили право беспошлинной ловли рыбы. В 1575 г. такую грамоту получил Свяжский Троицкий монастырь, в 1576 г. землю (деревню) и рыбные ловли здесь приобрел Казанский Троицкий монастырь⁶⁷. Таким образом, промысловая деятельность Троице-Сергиева монастыря в районе Тетюшей была хорошо организованной, т.к. он сам и его приписные монастыри к началу 1580-х гг. приобрели участки вод и создали крупный рыболовецкий центр в акватории Волги в районе Тетюшей.

Группа центральных монастырей, избравших для промыслового рыболовства Среднюю и Нижнюю Волгу, дополняется Ярославским Спасским и Костромским Ипатьевым монастырями. Грамота 1587 г. пожаловала Спасскому монастырю право на беспошлинную покупку и провоз из Тетюшей 3 тысяч рыб⁶⁸. Костромской монастырь получил льготу на беспошлинный проезд судна в Тетюши и покупку там рыбы в 1595 г., которая была подтверждена в 1613 и 1623 гг.⁶⁹.

Помимо центральных монастырей Московской Руси промысловые мероприятия проводили и местные поволжские монастыри. В 1555–1557 гг. Казанскому Спасо-Преображенскому монастырю были пожалованы рыбные ловли на Волге, ниже Камского Устья в «тетюшских водах» 12 связок. В это же время получил на Волге тетюшские воды Казанский Успенский Зилантов монастырь, где мог промышлять 3 связками (по грамоте 1560 г. он ловил рыбу уже 5 связками)⁷⁰. По царской грамоте 1624 г. протопопу Дионисию с братьею Казанской церкви Благовещения Пресвятой Богородицы разрешено «велено им в реке Волге, в Тетюшских водах, ловити рыбу 15-ью связками».⁷¹

Определенную роль в хозяйственном освоении Тетюшей в XVII в. сыграл Патриарший дом. Это ведомство формировало свою деятельность в следующих направлениях: эксплуатация рыбных и соляных богатств Понизового Поволжья путем создания собственных промысловых предприятий и приписных монастырей; приобретение крупных земельных владений, заселение их территории. Эти меры способствовали появлению и росту крупных промысловых и земледельческих центров⁷². Важнейший административный, распорядительный, торговый пункт для всего Понизового Поволжья находился в Нижнем Новгороде на базе Благовещенского

монастыря. Основание монастыря относится к началу XIII века⁷³. Монастырь являлся важнейшим центром, связывающим Волжское Понизовье с Москвой. К 1646 г. части околмонастырской застройки слились в единую слободу, крестьяне которой владели собственными кораблями, «занимаясь перевозкой хлеба, холста и лесных припасов в волжское Понизовье, а обратно доставляя в Нижний Новгород восточные товары – соль-бузун, рыбу и икру»⁷⁴. Благовещенский монастырь осуществлял общее руководство над этим так называемым «насадным промыслом», управляя организацией, распределением, снабжением, продажей товаров на огромной территории от Москвы до Астрахани. Такие патриаршие насады могли найти помощь и пристанище едва ли не в каждом поволжском городе. Так, в начале 1670-х гг. такое зимовье было устроено в Тетюшах, где жил старец Моисей, приставленный к «насаду и иным делам»⁷⁵.

Как видим, активная промысловая деятельность центральных русских и местных поволжских монастырей в водном пространстве в районе Тетюшей привела к хозяйственному освоению этой местности начиная с 1550-х гг., что способствовало более интенсивному развитию монастырской жизни Тетюшского уезда.

Таким образом, распространение монастырской колонизации и православия среди местных народов во II половине XVI–XVII вв. являлось одной из главных задач внутривосточного курса царского правительства в Среднем Поволжье. Православные монастыри в крепости Тетюши и ее округе выступали, прежде всего, как институты русской колонизации и хозяйственного освоения региона.

Все тетюшские монастыри располагались за пределами крепости, т.е. за городской чертой, и имели подворье в самом городе (Покровский и Троицкий монастыри). Эти православные

центры сооружались в первую очередь как опорные пункты новой власти, выполняя при этом второстепенную роль распространителей православной веры и христианской культуры.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что здесь наибольшее развитие и распространение монастырская жизнь получила в I половине XVII века. Впоследствии монастыри Тетюшского уезда прекратили свое существование: Никольский монас-

тырь был razoren повстанцами в начале XVII века и в связи с этим был упразднен; Покровский монастырь, который с 1646 г. перешел в ведение Московского Новоспасского монастыря, был закрыт в I половине XVIII века; судьбу Троицкого монастыря с середины XVII века не удалось выявить. Так или иначе, к концу XVII века монастырская жизнь на территории Тетюшского уезда прекратила свое существование.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мельников С. Акты исторические и юридические, собранные Степаном Мельниковым. – Казань, 1859. – С. 5–6; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во II половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – С. 61.

² Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв. – М.: Наука, 1990. – С. 56.

³ Алишев С.Х. Указ. соч. – С. 98.

⁴ Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во II половине XVI–XVII вв. Учебное пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1981. – С. 27; Загидуллин И.К. Христианизация татар Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. // Ученые записки ТГГПУ, 1997. – № 1. – С. 128.

⁵ Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во II половине XVI–XVII вв. Учебное пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1981. – С. 32; Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во II половине XVI–XVII вв.: Монография. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2000. – С. 29.

⁶ Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. – Т. 1. – Казань: Типо-литограф. Импер. ун-та, 1897. – С. 132–134.

⁷ Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 года. – Казань: Типо-литограф. Импер. ун-та, 1902. – С. 10.

⁸ Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. Исторический очерк // ИОАИЭ, 1912. – Т. 28. – Вып. 1–3. – С. 51–52; Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 года. – Казань: Типо-литограф. Импер. ун-та, 1902. – С. 67; Покровский И.М. Русские епархии в XVI – XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. – Т. 1. – Казань: Типо-литограф. Импер. ун-та, 1897. – С. 512.

⁹ Милютин В.А. О недвижимых имуществах духовенства в России. – М.: Универ. типогр., 1862. – С. 471.

¹⁰ Покровский И.М. К истории казанских монастырей до 1764 года. – Казань: Типо-литограф. Импер. ун-та, 1902. – С. 69.

¹¹ Милютин В.А. О недвижимых имуществах духовенства в России. – М.: Универ. типогр., 1862. – С. 473.

¹² Загидуллин И.К. Христианизация татар Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. // Ученые записки ТГГПУ, 1997. – № 1. – С. 115.

¹³ Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. Исторический очерк // ИОАИЭ, 1912. – Т. 28. – Вып. 1–3. – С. 35.

¹⁴ Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во II половине XVI–XVII вв.: Монография. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2000. – С. 32–33.

¹⁵ Нурминский С. Влияние монастырей на население народное в Казанском крае // Православный собеседник, 1864. – Ч. 1. – С. 209.

- ¹⁶ *Ошанина Е.Н.* К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 65.
- ¹⁷ *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Поволжья во II половине XVI–XVII вв.: Монография. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2000. – С. 76.
- ¹⁸ *Доброклонский А.* Руководство по истории русской церкви. – Вып. 3. – М.: Универ. типогр., 1889. – С. 240.
- ¹⁹ *Чекмарев П.А.* Есть на Волге городок... (из прошлого и настоящего города Тетюши и Тетюшского района Татарстана). – Казань: По городам и весям, 2004. – С. 76.
- ²⁰ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. – Смоленск: Русич, 2003. – С. 323.
- ²¹ *Чекмарев П.А.* Указ. соч. – С. 74.
- ²² *Вечеслав Н.Н.* Заметки по истории и древностям Казанской губернии // Труды Казанского губернского статистического комитета. Вып. 1, 1869. С. 85; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. – СПб.: Синод. типогр., 1897. – Т. 3. – С. 100–101.
- ²³ *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – С. 35.
- ²⁴ *Чекмарев П.А.* Указ. соч. – С. 22.
- ²⁵ Волга от Твери до Астрахани. – СПб.: Типогр. Гогенфельдена и Ко, 1862. – С. 260; *Чекмарев П.А.* Есть на Волге городок... (из прошлого и настоящего города Тетюши и Тетюшского района Татарстана). – Казань: По городам и весям, 2004. – С. 22, 75.
- ²⁶ История Чувашской АССР с древнейших времен до наших дней (Краткие очерки). Кн. 1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1962. – С. 70.
- ²⁷ *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. – СПб.: Синод. типогр., 1897. – Т. 3. – С. 100–101.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 155. Л. 334.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 155. Л. 334.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6479. Л. 22 об., 23.
- ³¹ *Чекмарев П.А.* Указ. соч. – С. 75.
- ³² *Зверинский В.В.* Указ. соч. – С. 128.
- ³³ Христианство: Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – Т. 2. – С. 161.
- ³⁴ *Доброклонский А.* Указ. соч. – С. 242.
- ³⁵ Христианство: Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – Т. 2. – С. 161.
- ³⁶ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1877. – С. 306.
- ³⁷ Акты исторические и юридические, собранные Степаном Мельниковым. – Казань, 1859. – С. 55–57, 62–64.
- ³⁸ Там же. С. 65.
- ³⁹ Там же. – С. 187–190.
- ⁴⁰ Там же. – С. 22–23.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6445. Л. 835 об.
- ⁴² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6445. Л. 846 об. – 847.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6445. Л. 847 – 853 об.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 155. Л. 524–529 об.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 155. Л. 529–529 об.
- ⁴⁶ Акты исторические и юридические, собранные Степаном Мельниковым. – Казань, 1859. – С. 51–52, 56–57, 64.
- ⁴⁷ Там же. – С. 55–58, 65.
- ⁴⁸ *Покровский И.М.* К истории казанских монастырей до 1764 года. – Казань: Типо-литогр. Импер. ун-та, 1902. – С. 16–19.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6479. Л. 8 об., 15.
- ⁵⁰ *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – С. 90, 175.

⁵¹ *Водарский Я.Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII вв. // Историческая география России. XII – начало XX вв.: Сб. ст. – М.: Наука, 1975. – С. 79.

⁵² *Покровский И.М.* К истории казанских монастырей до 1764 года. – Казань: Типо-литогр. Импер. ун-та, 1902. – С. 25.

⁵³ *Ермолаев И.П.* Указ.соч. – С. 238.

⁵⁴ *Зверинский В.В.* Указ.соч. – С. 128.

⁵⁵ *Чекмарев П.А.* Указ.соч. – С. 20.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6479. Л. 1, 1 об., 2, 4, 7, 22 об.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 155. Л. 333 об.

⁵⁸ *Покровский И.М.* К истории казанских монастырей до 1764 года. – Казань: Типо-литогр. Импер. ун-та, 1902. – С. 5.

⁵⁹ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1877. – С. 305.

⁶⁰ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во II половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1982. – С. 71.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6445. Л. 832.

⁶² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6479. Л. 24.

⁶³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 37. Д. 15181 Л. 1.

⁶⁴ *Дубман Э.Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1999. – С. 32.

⁶⁵ *Дубман Э.Л.* Указ.соч. – С. 32.

⁶⁶ *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – С. 26, 28.

⁶⁷ *Дубман Э.Л.* Указ.соч. – С. 33.

⁶⁸ *Вахрамеев И.А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. – Т. 1. – М.: Синод. типогр., 1896. – С. 76.

⁶⁹ *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 406, 500–504.

⁷⁰ *Дубман Э.Л.* Указ.соч. – С. 35–36.

⁷¹ *Нурминский С.* Влияние монастырей на расселение народов в Казанском крае // Православный собеседник, 1864. – Ч. 1. – С. 186.

⁷² *Дубман Э.Л.* Указ.соч. – С. 136.

⁷³ *Тарловская В.Р.* Нижегородская Благовещенская слобода в XVII – I половине XVIII вв. // Проблемы истории СССР. – Вып. 7. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1978. – С. 5.

⁷⁴ *Филатов Н.Ф.* Слобода Нижегородского Благовещенского монастыря в XVII веке // Записки краеведов. – Н.-Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. – С. 192.

⁷⁵ *Дубман Э.Л.* Указ.соч. – С. 147.

Аннотация

В данной статье рассматриваются следующие вопросы: основание, развитие и землевладение трех Тетюшских монастырей, а также предпринимательская деятельность других русских монастырей в Тетюшском уезде во II половине XVI–XVII вв.

Ключевые слова: монастырь, приписной монастырь, «малые» и «большие» монастыри, настоятель, вотчина, Тетюшский уезд.

Summary

In this article analyses the following questions: foundation, development and land tenure of three Tetyushsky monasteries, and also business activity of other Russian monasteries in Tetyushsky district in the 2nd half of 16-17 centuries.

Keywords: the monastery, assigned monastery, «small» and «big» monasteries, the prior, ancestral lands, the Tetyushsky district and others.

УДК 930.2

КЫПЧАКСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ (МАМЛЮКИ) НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ в 1250–1316 гг.

Я.В. Пилипчук, кандидат исторических наук (Украина)

В данном исследовании мы проанализируем, какую роль сыграли кыпчаки в Египте. По историографии истории кыпчаков в Египте большинство работ посвящены персоналиям мамлюкских султанов – Бейбарсу, Калавуну, ан-Насиру Мухаммеду. Среди разных работ нужно выделить статьи А. Гаркавца и К. Саки, а также монографии П. Торау, Р. Ирвина, А. Леванони, Л. Норфруп, А. Кадырбаева [Гаркавец, 2011; Саки; Irwin, 1986; Thorau, 1987; Levanoni, 1995; Northrup, 1998; Кадырбаев, 1997]. Другие исследования посвящены военной истории мамлюков [Amitai-Preiss, 1990; Amitai-Preiss, 1995; Humphreys, 1977; Latham, 1969; Pipes, 1981]. Однако роль самого кыпчакского компонента в истории мамлюкского Египта становилась предметом исследования не так часто. Собственно кыпчакскому периоду (то есть так называемому Тюркскому султанату) в истории мамлюков посвящено не так много исследований. В частности, это книга Р. Ирвина, отрывки из книги А. Кадырбаева, статьи Б. Кумекова и А. Гаркавца [Irwin, 1986; Кадырбаев, 1997; Кумеков, 2013; Гаркавец, 2011]. Источниковый базис исследования составляют армянские хроники Григора Акнерци, Гетума из Корикоса, Киракоса Гандзакеци, Смбата Спарапета, арабские хроники Макризи, Ибн Абд аз-Захира, Рукн ад-Дина Бейбарса, Ибн Халдуна, Ибн ал-Фората, Ибн Тагриберди и многих других арабских

хронистов, сирийская хроника Григория Абу-л-Фараджа Бар Гебрея [Армянские источники, 1962; Киракос Гандзакеци, 1976; Смбат Спарапета 1974; Тизенгаузен, 1884; Макризи, 1966; Поляк, 1964; Письмо мамлюкского султана Бейбарса, 1973; Thorau, 1987]. Задачей этого исследования являются анализ основных характеристик конфликтов, в которых принимали участие мамлюки из кыпчаков, а также характеристика внутренней структуры социума тюркских мамлюков на Ближнем Востоке. Будут также рассмотрены структуры повседневности у мамлюков-бахри (вера, еда и питье). Внимание будет сфокусировано на военных кампаниях, в которых принимали участие мамлюки-кыпчаки, и будет освещена борьба за власть среди разных группировок мамлюкских эмиров. Задачей данного исследования является освещение не отдельных аспектов истории мамлюков в Египте, а комплексное исследование истории кыпчакской аристократии в Египте от 1250 до 1316 г.

Египет, или страна Миср арабской географической традиции, был одной из богатейших стран исламского мира. На его территории в средние века существовало несколько государств. После распада Арабского халифата здесь правили Тулуниды, Фатимиды, Аййубиды и, конечно же, мамлюки тюркского и черкесского (шире кавказского происхождения). Каждая новая династия опиралась на

какую-то силу. Тулуниды были династией тюркского происхождения. Ахмед б. Тулун возглавлял армию мамлюков из греков, суданцев, берберов и тюрков. Фатимиды пришли к власти благодаря поддержке берберов и кочевых арабских племен. Также в их войске были сакалиба. Однако в последующем увеличилась роль африканских мамлюков. Возрастанию роли суданцев воспротивились турки и берберы, которые восстали при фатимидском халифе ал-Хакиме. Негритянская гвардия утратила свое значение после смерти ал-Хакима, а на подавление восстания в Магрибе были направлены арабы-бедуины племен бану халиль и бану сулайм. В 1062–1067 гг. турки и берберы в Фатимидском халифате окончательно победили африканцев, а в 1074 г. Бадр ал-Джамали во главе мамлюков из армян возглавил государство. В 60-х гг. XII ст. Зенгидов постарались взять в свои руки власть в Фатимидском халифате. В 1171 г. при помощи верных ему тюрок и курдов Салах ад-Дин стал правителем Египта. Основанная им династия Аййубидов среди воинов отдавала предпочтение курдам и только при султানে Салихе начались массовые покупки рабов из Дешт-и-Кыпчак. В армию Саллах ад-Дине, конечно же, также входили арабы-бедуины и туркмены [Зеленев, 1999, 60–62, 64, 70–83, 87–99, 116–121, 128–129].

Были в составе служивого класса и монголы-вафидийа. Воинами были и бедуины, и туркмены из разных племен. Они нанимались в войска разных правителей. Арабская знать же сформировала часть султанской гвардии – мамлюков-халка. Оттесненные от власти тюркскими мамлюками, они получали султанские икта. Мамлюки получали в откуп земельные владения – икта, которые распределялись среди служивого сословия.

Часть доходов со своих владений мамлюки платили государству. Однако дети мамлюков не могли наследовать должности и соответственно владения своих отцов. Они получали султанские икта и ставали мамлюками-халка. Существование мамлюков-халка позволяло султанам укреплять свою власть. Частные же икта предоставлялись рядовым мамлюкам и их эмирам. Служивое сословие постоянно пополнялось за счет покупки рабов, которые после обучения и тренировок ставали воинами мамлюками. Икта также получали бедуины-арабы и туркмены, которые находились на службе у султана. Частные владения, как правило, находились на окраинах (в Сирии и Ливане). Это создавало условия для сепаратизма знати. В центре государства находились султанские владения. При мамлюках большинство доходов с икта шло на содержание мамлюков. Однако земель не хватало для всех и мамлюкские эмиры в периоды смут захватывали икта мамлюков-халка, а также устанавливали свои налоги. Вследствие борьбы между группировками знати происходило перераспределение земель. Султаны, укрепляя свою власть, наоборот, упраздняли налоги эмиров и возвращали отторгнутые теми земли халка. Со временем владения мамлюков-халка уменьшались в связи с ростом служивого сословия [Семенова, 1966, 28–63].

В состав служивого сословия входили гулямы, то есть мамлюки. В этническом отношении мамлюки были разного происхождения. Они были рабами, купленными для пополнения войска, однако благодаря своему служивому статусу многие из них достигали высокого положения, а с 1250 г. фактически управляли Египтом. В разные периоды времени среди мамлюков были африканцы, армяне,

тюрки, черкесы, грузины. Вместе с разными династиями в Египет приходили выходцы из разных стран. С Аййубидами в страну пришли курды. В конце правления Аййубидов в Египет мигрировали остатки войска хорезмийцев (туркменского и кыпчакского происхождения). В мамлюкское время благодаря активной работоторговле в Египет попало много кыпчаков и представителей кавказских этносов. Служивыми были и бедуины. Бедуины сохраняли свою родоплеменную структуру и кочевнический способ жизни. Они нападали на феллахов и отказывались покоряться султану. Бейбарсу даже пришлось насильно принудить к оседлости бедуинские арабские племена хаввара и сулайм. В 50-х гг. XIII в. бедуины находились в оппозиции к мамлюкам и поддерживали Аййубидов. Айбеку и Актаю удалось победить восставших. С этого времени бедуины находились на службе у султанов мамлюков. Однако бедуины восставали и во времена смут среди мамлюков. Они восставали в 1301–1302, 1313–1314, 1353, 1379 гг. Мамлюки подавили их восстания. В случае войны с внешним врагом бедуины выставляли условленное количество воинов [Семенова, 1966, 23–27, 52, 145–150].

Привилегированное положение кроме служивых занимало духовенство. Духовенство, как правило, состояло из оседлых арабов и получало во владения землю, которая называлась вакф, то есть церковная земля. Духовенство при Аййубидах и мамлюках было суннитским, а не шиитским, как при Фатимидах. Мамлюки вели борьбу с еретиками – исмаилитами, которые доминировали в Египте при Фатимидах. Исламские учреждения пользовались поддержкой со стороны государства. Благодаря деятельности суфийских завие в ислам обращались рабы, которые

ставали потом мамлюками. Воины-мамлюки могли быть только мусульманами. В этом их похожесть на более поздний корпус янычаров, в который набирали немусульман и делали их воинственными мусульманами. Идеология мамлюков в отличие от раннего ислама была более воинственной. Эпоха крестовых походов наложила свой отпечаток на мамлюков. Духовенство проповедовало священную войну – джихад против христиан (латинян-крестоносцев и армян) и язычников. Во время походов уничтожались христианские храмы, против чего выступали ранние мусульмане, которые считали христиан людьми книги. Однако мамлюкские султаны ограничивали фанатизм отдельных проповедников. Они были арбитрами в религиозных диспутах и могли отнимать вакфы у мечетей. Также они привлекали к управлению немусульман коптов. Некоторые султаны, например Калавун, вообще освободили христиан от налогов. Однако это не относилось к христианам, проживающим на территории икта. Христиане там платили джизью. Христианские храмы также имели свои земли. Это не могло нравиться мусульманским радикалам, которые при ан-Насире Мухаммеде призывали население к восстанию против мамлюков [Семенова, 1966, 69–85, 105–106; Макризи, 1966].

Работа и налоги людей податных сословий составляли основную часть доходов служивых и духовенства. Отдельное сословие составляли горожане. В городах жили ремесленники и торговцы, без которых было невозможно существование развитой экономики. Торговля была одним из главных источников дохода у государства. Горожане находились в зависимости от султана и духовенства. В этническом отношении это были оседлые арабы и копты [Семенова,

1966, 157–173]. Крестьяне, в большинстве своем оседлые арабы, были лично зависимыми крестьянами и платили харадж своим хозяевам. Также они эксплуатировались при ряде принудительных работ (отработочная рента в пользу султана и эмиров). Феллахи зависели от султана, мамлюков и духовенства. Они были прикреплены к земле. Однако, чтобы не вызывать социальных потрясений, султаны ограничивали эксплуатацию крестьян чиновниками и духовенством. В Египте существовало рабство. Было несколько категорий рабов. Одни из них – мамлюки, которые поставлялись из Дешт-и-Кыпчак и Кавказа, управляли государством. Другим не так везло. Люди попадали в рабство как военная добыча во время походов мамлюков на христиан (латинян-крестоносцев, марнитов, армян, нубийцев). На Нубию была наложена специальная дань под названием бакт. По ней нубийцы в год поставляли 365 рабов. Такие рабы, как правило, были домашними слугами, на конюшнях, в сельском хозяйстве и на строительстве [Семенова, 1966, 86–107, 150–156].

Территория разных султанатов на территории Египта обычно включала собственно Египет, Палестину, Ливан и часть Сирии, то есть практически все достаточно богатые и населенные арабские страны Ближнего Востока. В зависимости от мамлюков находились и соседние страны – Хиджаз, Йемен, Нубия, Барка. В эпоху смут и крестовых походов сирийские и часть палестинских территорий отпадали от Египта и их единство с Египтом приходилось восстанавливать новой династии, например Аййубидам или мамлюкам-бахри. При Аййубидах земли Ближнего Востока представляли собой федерацию земель, которые признавали власть правителей Каира. Мамлюки централизовали управление регионом и разделили его на ряд

провинций, зависимых от центра. Лишь немногие территории имели автономию, например Хама [Семенова, 1966, 18–28].

Перед тем как перейти непосредственно к мамлюкам-кыпчакам в Египте, необходимо проследить предысторию мамлюков в мусульманском мире. Нам известно, что мамлюки были рабами, которые были военными и в середине XIII в. взяли власть в Египте. Использование рабов в исламском контексте практиковалось еще при Мухаммеде и при первых халифах. Это были маула, то есть клиенты своих хозяев. Во время Омейядов уже начали упоминаться гулямы и мамлюки. Эти термины обозначали лично несвободных людей. Гвардия халифа комплектовалась из немусульман. Отряды невольников насчитывали от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч. Некоторые рабы-гвардейцы были охранниками халифа. Со времени правления халифа ал-Мустасима в гвардию начали привлекаться турки. Первыми тюркскими рабами были огузы. Потом халифы начали покупать рабов-хазар. Тюрков начали покупать на рынках рабов в Мавераннахре и Хорасане. Первым тюркским мамлюком, сделавшим великую карьеру, стал Тулун, который был наместником Бухары при Аббасидах. Турки были сплоченными по сравнению с другими группировками гулямов и обособились в городе Самарра от других гвардейцев-невольников, и именно с этого времени началось доминирование тюрков среди гулямов. Они постоянно тренировались и улучшали военные навыки. Гражданские войны, восстания зинджей и берберов убеждали халифов формировать гвардию из числа людей, которые не входили в мусульманскую ойкумену [Pipes, 1981, p. 107–157, 205–210, 212–213].

После того, как реальная политическая власть багдадского халифа превратилась в номинальную, а халиф оставался лишь религиозным лидером всех мусульман, тюркские гулямы использовались многими правителями, чтобы удержать власть. Среди этих правителей можно назвать Саманидов в Мавераннахре и Газневидов в Иране и Афганистане. Ал-Джахиз написал книгу, в которой обосновывал преимущества тюркских гулямов над другими народами. Тюрки были очень хорошими всадниками-лучниками. Их навыки на войне были лучше, чем у иранцев, славян, нубийцев и армян, которые также были мамлюками. Эпоха правления Аййубидов была временем, когда в Египте и Сирии доминировали курды. Только султан Салих начал массово покупать рабов из кыпчаков, готовясь дать отпор монголам. Он создал элитные войска мамлюков. Тюрки перенимали общественную организацию, характерную для арабских стран. Во главе государства находился султан. Значительными полномочиями владели наиб, устадар, амир джандар, хаджиб ал-худжаб, амир силах, сахиб ал-инша, давадар. Значительные люди заседали в диване – восточном аналоге королевского совета. Эмиры из мамлюков имели большую власть и получали за службу икта. Переняв политическую власть над государством, они оставили арабам заниматься духовными делами. За соблюдением шариата следили кади (мусульманские судьи) [Irwin 1986, p. 5–6, 12, 18, 38–44].

Арабы учили новопривывших кыпчаков исламу. Для более быстрого обращения тюрков в ислам арабы пользовались услугами суфиев, что позволяло учитывать особенности мировоззрения тюрков. Кыпчаки учились исламу в суфийских завийе (ханаках). В них тюрки провозглашали зикр и придерживались других

суфийских экстатических практик. При войне с монголами кыпчаки руководствовались идеологией священной войны – джихада. Расцвет мамлюкской армии выпал на время доминирования кыпчаков в Египте. Но пребывая на службе у мусульманских правителей, тюрки тем не менее не забывали своих обычаев. Тюркские кыпчакские мамлюки продолжали пить кумыс и есть конское мясо. Употребление кумыса было одним из языческих пережитков исламизированных мамлюков. Обычно мусульмане осуждали этот обычай, поскольку у кочевников-язычников употребление кумыса было важным религиозным ритуалом. Тюркское слово *ітмек* обозначало и «клястися» и «пить». Обычай употребления кумыса исчез только тогда, когда бахритских кыпчакских мамлюков отгеснили бурджитские черкесские мамлюки. Обычай употреблять кумыс был зафиксирован и при дворе Чагатаидов и Тимура [Irwin, 1996, 2–7; Irwin, 1986, p. 16, 42–44, 54, 78; Latham, 1969; Humphreys, 1977].

Перед тем, как кыпчаки возглавили Египет, они уже имели опыт управления несколькими мусульманскими странами. Первым кыпчаком, который прославился за границами стезей, стал Акинчи б. Кочкар. О них в своей хронике упоминал Тахир ал-Марвази. В конце XI в. Акинчи б. Кочкар был шахом Хорезма [Minorsky, 1942, p. 29–30, 98–101]. Еще одним известным кыпчаком был Ильдениз (Ильдегиз). Когда он был ребенком, его продали в рабство. Он стал воином, а потом возглавлял государство в Азербайджане. Он стал основателем династии атабеков Азербайджана – Ильденизидов [Гусейнов, 1980, с. 348–352]. В Индии в 1210 г. к власти пришел кыпчак Шамс ад-Дин Ильтутмыш. Этот гулям основал кыпчакскую династию Шамсийа, ко-

торая правила Северной Индией на протяжении нескольких десятилетий [Ашрафян, 1960, с. 33–43].

Кыпчакская гвардия на самом деле состояла из представителей разных этносов. Среди них обычно доминировали кыпчаки – Бейбарс и Калаун из племени бурдж-оглы, Шамс ад-Дин Аккуш ал-Борили, Сайф ад-Дин Бори, Сайф ад-Дин Токсоба, Санджар Токсоба, Бейбарс Токсоба, амир ал-Кумани, шейх Зайн ад-Дин Абу Бакр ал-Кумани, Балбан ал-Имек, Сайф ад-Дин Кангар, Йусма Тадж ад-дин Уран, Сайф ад-Дин Кай. Но среди гулямов были и представители азкиши, аланов, башкиров, карлуков, огузов, туркменнов, чигилей – Айдикин ал-Азкиши, Амир Бахадур-Ас, Амир Башкирд, Карлук ас-Саки, Сайф ад-Дин Булак, Изз ад-Дин ал-Гуззи, Кара-Мухаммед ибн Байрам Туркмани, Кара-Салар, Бадр ад-Дин Чигиль [Кумекоев, 2013, с. 134–137].

Из островных (бахритов) мамлюков на передний план вышли кыпчаки, которые правили Египтом с 1250 по 1382 г. Одним из самых известных правителей был Куттуз. Правитель с таким именем был родственником Джелал ад-Дина Манкбурни и был связан родством с Ай-Чичек из племени канглов. К сожалению, арабские хронисты не сообщали деталей событий, но известно, что перед тем как стать мамлюком, он был взят в плен монголами. Когда Куттуз попал в плен, его не стали убивать или высылать в Китай, а продали в рабство [Буниятов, 1986, с. 195]. Сам факт рабства был уничижительным. На протяжении многих годов Куттуз служил Аййубидам, а потом султану Айбеку. После этого Куттуз стал фактическим правителем Египта [Макризи, 1966; Golden, 2000, p. 32].

Куттуз все также покупал кыпчаков. Георгий Пахимер отметил, что эфиопы, то есть египтяне, покупа-

ли много скифов, то есть кыпчаков, и это привело к тому, что правителем Египта стал скиф, то есть кыпчак. Конечно, оптовые покупки кыпчаков были начаты задолго до Куттуза. Султан Салих создал элитный корпус из мамлюков – Бахрийа. Это формирование состояло из кыпчаков и насчитывало от 800 до 1 тыс. чел. Султан Салих сформировал в Египте большую кавалерийскую армию, которая могла противостоять монголам. Султан из династии Аййубидов заложил предпосылки для успехов мамлюков. К этому султана вынуждал успех хорезмийцев в 1244 г. Побежденная монголами и коалицией правителей Передней Азии армия хорезмийцев появилась на Ближнем Востоке и отвоевала у латинян Иерусалим. Среди кыпчаков-рабов был и Бейбарс, который сыграл заметную роль в истории Евразии. Выходцы из Дешт-и-Кыпчак победили монголов в битве при Айн-Джалут в 1260 г. Гетум коротко сообщал о победе Куттуза над Китбугой. Смбат Спарпет указывал, что причиной поражения монголов были утомленность лошадей и жара. Григор Акнерци сообщал, что мамлюки напали на монголов в местности на 10 дней пути южнее Иерусалима. Мамлюки превосходили монголов по численности и победили в этой битве. Абу-л-Фарадж сообщал, что после этой битвы Куттуз завладел всей Сирией с Дамаском и Халебом [Куглер, 1995, с. 455; Ришар, 2002, с. 354–355; Армянские источники, 1962; Смбат Спарпет, 1974; Thorau, 1987, p. 75–79; Amitai-Preiss, 1995, p. 39–45; Irwin, 1986, p. 18–19].

Значение битвы при Айн-Джалут в свое время было преувеличено мусульманскими хронистами. К этому приложил свое перо еще Рашид ад-Дин, который сообщал, что Кудуз (Куттуз) вдохновил мамлюков на борьбу, сказав, что далее отступать

некуда, а Магриб находится далеко. Персидский хронист указывал, что воины страны Миср были беженцами-хорезмийцами. Их вождями он называл Сайф ад-Дина Садык хана б. Менгубука, Насир ад-Дина Кельшухана б. Бек-Арслана, Алтас-хана, Насир ад-Дина Мухаммеда Кимри. Рашид ад-Дин возлагает на Бейбарса (которого он назвал Бундукдаром) вину за казнь послов. Нужно отметить, что монгольские послы предложили Куттузу стать подданным Хулагу-хана, чего тот не мог терпеть. Куттуз ударил по монгольскому авангарду нойона Байдара и вынудил монголов бежать к реке Аси. Под Айн-Джалут он столкнулся с Китбугой. Сам Куттуз выступил с незначительным войском и сделал притворное отступление перед несколькими тысячами монголов. Он отступал до того места, где находилась засада. Битва продолжалась с раннего утра до двенадцатого часа дня. Войска монголов под давлением мамлюков бежали, а Китбуга попал в плен к Куттузу. Рашид ад-Дин приписал Китбуге слова, которыми он угрожал, что войска Хулагу покорят Египет, и обвинял мамлюков в смерти их правителя (очевидно, султана Айбека, которого Рашид ад-Дин пренебрежительно упоминал как какого-то там туркмена). После этого Куттуз приказал отрубить Китбуге голову, что и было исполнено. Мамлюки совершили набег почти до Евфрата. Бейбарс под Хомсом снова победил остатки монгольского войска во главе с Байдаром. Мамлюки преследовали монголов до Харима и Афамии [Рашид ад-Дин, 1946, с. 51–54; Amitai-Preiss, 1995, p. 39–45; Ришар, 2002, с. 353–355; Irwin, 1986, p. 33–34].

По реконструкции А. Кадырбаева, мамлюки перешли Синайскую пустыню, отбросили монгольский авангард от Газы. Командующий Байдар успел сообщить о продвиже-

нии мамлюков в Палестину. Отряд Китбуги от Баальбека двинулся в Палестину. Битва произошла при Айн-Джалут вблизи от Назарета. Китбуга, пребывая на марше, ударил по мамлюкам. Мамлюки и их кони же отдохнули после продолжительного и сложного перехода и вступили в бой свежими. Куттуз спрятал от монголов свои фланги, а Бейбарс во главе авангарда встретил монголов. Он устоял перед ними, а мамлюкские фланги вышли из засад и окружили монголов. Мамлюки выиграли битву при Айн-Джалут [Кадырбаев, 1997, с. 99].

Ал-Умари же прибавил еще больше пафоса. Он сообщал, что тюрки Хорезма и Дешт-и-Кыпчак одни из лучших воинов мира. Арабский хронист упоминал, что их массово начал покупать еще султан Салих, а потом власть в государстве перешла к кыпчакам. Он сообщал, что султаны из их числа заботились об увеличении количества своих соплеменников, выступили на защиту ислама и совершили то, что оказалось не по силам Джелал ад-Дину Манкбурни. Ал-Умари сообщал, что Куттуз победил войско Хулаку (Хулагу) и вынудил его отступить от Халеба [Гаркавец, 2011].

Бейбарс является, пожалуй, наиболее известным из кыпчакских правителей мамлюкского султаната Египта. Во время «Великого Западного похода» много кыпчаков попало на рынки невольников. Среди них был Бейбарс. Ибн Шеддад сообщал следующую информацию: «Султан Байбарс родился в стране кыпчаков приблизительно в 1225 г. Во время монгольского нашествия племя Байбарса обратилось к болгарскому хану Анару с просьбой разрешить переправиться через крымский Судак и воспользоваться тамошними землями. Хан любезно предложил межгорную котловину, а во время их перекочевки вероломно

напал на них, многих поубивав, а многих пленив. В числе пленников оказался и Байбарс, которому в то время было около четырнадцати. Пленников погнали на невольничий рынок в Сивасе. Там судьба разлучила нас, но в городе Халаб, на базаре Хан ибн Кылыш, мы встретились вновь. С арестом его хозяина эмира Айтегина аль-Бундуктара [сказано было, что] Байбарс переходит в собственность султана» [Кайрат Саки]. Похожие данные имелись в хронике Ибн Шеддада. Но правитель, который предал кыпчаков, был назван Унус-ханом правителем улагов. В обоих источниках было указано на море Судакское и город Судак, что должно свидетельствовать о происхождении Байбарса из причерноморских степей [Тизенгаузен, 1884, с. 542; Кайрат Саки].

Относительно дат рождения и смерти Шамс ад-Дин аз-Захаби считал, что Байбарс умер в возрасте 57 лет. Ибн ал-Фувати утверждал, что Байбарс умер в возрасте 60 лет, то есть должен был родиться в 1217 г. Ибн Тагриберди сообщал, что Байбарс родился в 1223 г. Согласно показаниям Бадр ад-Дина Байсары, Байбарс родился в 1227–1228 гг. В нескольких научных исследованиях считается, что Байбарс родился около 1229 г. [Thorau, 1987, p. 27–28]. К. Саки сообщал, что датой рождения султана могли быть 1223 или 1225 г. По мнению А. Кадырбаева, Байбарс родился в 1233 г. А. Гаркавец утверждает, что большинство арабских хронистов датирует рождение Байбарса 1223 г. Ал-Макризи отметил главные события жизни Байбарса: 23 октября 1260 г. – убийство султана Куттуза, 9 июля 1261 г. присяга перед халифом, а смерть – 22 июня 1277 г. в возрасте 57 лет. Правил Байбарс 17 лет и 2 месяца. А. Гаркавец указывал, что при датировании переводчиками сведений ал-Макризи было допущено несколько

ошибок. Дата смерти Куттуза это или среда 20 октября 1260 г. или четверг 21 октября 1260 г. Присяга халифу была принесена не 9 июля 1260 г., а 9 или 10 июня 1261 г. Смерть Байбарса соответственно произошла или в понедельник 21 июня, или во вторник 22 июня 1277 г. Относительно продолжительности правления Байбарса, то по арабскому лунному календарю это действительно 17 лет и 2 месяца, но по христианскому григорианскому календарю это 16 лет и 8 месяцев. В рабство Байбарс попал еще юношей. По информации ал-Йунуни, ему тогда было не более 14–15 лет. А. Гаркавец сообщает, что данные К. Саки о Байбарсе не согласовываются со сведениями источников [Кайрат Саки; Гаркавец, 2011; Кадырбаев, 1997, с. 100].

Ибн абд аз-Захир считает, что Байбарс происходил из племени елбарли (ильбари). Ал-Айни считал его родным племенем бурдж-оглы. Ибн Шеддад и ан-Нувайри называли племенем Байбарса Barali. Эту информацию арабам сообщал Байсары, который был эмиром Байбарса [Irwin, 1986, 18]. А. Кадырбаев указывает его родиной приаральские степи. А. Гаркавец считает возможными формами названия родного племени Байбарса Берели или Бёрели. Исследователь высказался против отождествления племени Байбарса с конкретным племенем и конкретно с ольберлик (ильбари) [Кайрат Саки; Гаркавец, 2011; Кадырбаев, 1997, с. 100].

В биографии султана Калавуна аль-Мансура Сайф ад-Дина племенем Калавуна и Байбарса было бурдж-оглы. На основании этих данных израильский арабист А. Поляк пришел к выводу, что из племени бурдж-оглы происходили Байбарс и династия Калавуна. Ибн Халдун прямо указывал, что Байбарс был из кыпчаков, но не из регионов около Хорезма, а из земель на запад от Итиля (Волги) [Поляк,

1964, с. 38; Гаркавец, 2011]. Характерно, что некоторые поздние арабские хронисты мамлюкского Египта сообщали скудные данные о Бейбарсе. Так, Ибн Ийас сообщал лишь о происхождении Бейбарса из кыпчаков [Кайрат Саки].

В интерпретации А. Гаркавца события жизни Бейбарса, описанные у Ибн Тагриберди и Ибн Шеддада, связаны не с Судакком, а с Судакским морем. Его возможно отождествить или с Азовским или с Черным морем. Племя Байсары и Бейбарса попросило у вождя туркоманов Анаса позволения пройти через земли этого племени к Судаку. Анас-хан притворно согласился, но потом напал на кыпчаков и продал их в рабство в Судаке. П. Торау предполагает, что Бейбарс попал в рабство вследствие нападения на кыпчаков туркоманов Анаса. По мнению немецкого исследователя, это событие произошло в 1241–1242 гг. в Крыму, когда Бейбарсу было 14 лет. Р. Ирвин считает, что в 1242–1243 гг. на Крымском полуострове на племя Бейбарса напал местный правитель Авлак Анас-хан. По мнению А. Гаркавца, туркоманы Анаса это, скорее всего, не «лукоморские кипчаки», а племенем Бейбарса были бурдж-оглы. Из владений «лукоморцев» через Судак или Херсонес, Синоп или Трабзон эти кыпчаки попали в Сивас. В Сивасе пути Байсары и Бейбарса временно разошлись. Потом оба кыпчака встретились в Халебе. Бейбарс через Халеб попал на невольничий рынок в Дамаске, где был продан по сниженной цене из-за бельма на правом глазу [Гаркавец, 2011; Thorau, 1987, р. 28; Irwin, 1986, р. 17–18].

Когда Бейбарса вернули продавцу, в Хаме был мамлюк Ала ад-Дин Айтегин Бундукдари, принадлежавший Салиху из династии Аййубидов. Этот мамлюк и купил Бейбарса вместе с другим рабом (Байсары). Султан

Салих Наджм ад-Дин Аййуб отобрал мамлюков у него в 1246/1247 г. Бейбарс был мамлюком египетских султанов под командованием фариса Актая Джамдара, пока в сентябре-октябре 1255 г. мамлюкский султан Муизз Айбек Туркмани не убил Актая [Макризи, 1966; Thorau, 1987, р. 28–29; Irwin, 1986, р. 18]. В 1249 г. рыцари графа Роберта Артуа (брата Людовика X Святого) на улицах Мансуры напали на мамлюков Бейбарса. Христиане были уничтожены мамлюками. Бейбарс принял участие в битве на Бахр ал-Шагир около Дамиегты. Битва продолжалась восемь недель, пока 6 апреля крестоносцы не капитулировали. В плен к Бейбарсу попал сам Людовик X. Жан де Жуанвиль застал время пертурбаций в Египте [Гаркавец, 2011; Thorau, 1987, р. 33–40; Ришар, 2002, с. 307–311; Irwin, 1986, р. 19–23].

Некоторое время от имени султана Салиха правила армянка Шаджар ад-Дур. Когда смерть султана стала явной, то престол поспешил занять легитимный наследник – ал-Малик ал-Муаззам Гийас ад-Дин Тураншах б. Айюб. Но как только он взошел на престол, Шаджар ад-Дур расправилась с ним. 2 мая 1250 г. Фарис ад-Дин Актай убил султана Тураншаха. Мамлюки провозгласили султаном Шаджар ад-Дур, но это возмутило багдадского халифа Мустасима. В 1252 г. на престол взошел 10-летний внук султана Салиха ал-Ашраф ад-Дин Музафар из династии Аййубидов. При нем находился атабек (регент) мамлюк Айбек, который фактически и управлял государством. Последствием борьбы за власть стало отпадение от султаната Дамаска, Хамы и Халеба. Айбек сберег на троне правящую династию и оставил при дворе Шаджар ад-Дур. Султанша вмешивалась в государственные дела. Сам Айбек не был популярен среди мамлюков и, боясь за свою

жизнь, начал репрессии. Он приказал отрубить голову Фарис ад-Дину Актаю и кинуть ее к бахритам. Бейбарс вместе с Калавуном Алфи, Сункурром Ашкарром, Бисри (Байсары), Тарамаком и Танкизом бежал в Сирию. Бейбарс служил правителю Дамаска ан-Насиру Йусуфу, а потом другому Аййубиду, который правил Каракком [Гаркавец, 2011; Макризи, 1966; Thorau, 1987, p. 37–39, 43–47, 51–57; Amitai-Preiss, 1995, p. 17–19; Irwin, 1986, p. 21, 26–28]. А. Кадырбаев реконструировал события по-иному. По его мнению, туркмены Фарис Актай и Айбек, а также кыпчаки Калавун и Бейбарс приняли участие в убийстве Туран-шаха. В 1252 г. Айбек убил Актая [Кадырбаев, 1997, с. 88–92].

По мнению А. Гаркавца, убийство Айбека в бане в 1257 г. организовал именно Куттуз ал-Музафар Сайф ад-Дин Муиззи, хотя некоторые обвиняли в его смерти Шаджар ад-Дур, которая по слухам приказала евнуху убить султана Айбека. Несколько отличается интерпретация событий у А. Кадырбаева. По его мнению, именно Шаджар ад-Дур была виновницей гибели Айбека, а эмиры-мамлюки просто выдали ее на расправу женам Айбека. После этого стал править Куттуз. Он и принял монгольских послов. Одного из них разрубили надвое, а у других отрубили головы. Р. Ирвин считает, что Айбека приказала убить Шаджар ад-Дур, чтобы наказать его за то, что он хотел заменить ее дочкой мосульского эмира Бадр ад-Дина Лулу. Р. Амитаи-Прайсс считал, что убийцей Айбека был Куттуз. Мамлюки после Айбека расправились и с Шаджар ад-Дур, которую обвинили в смерти Айбека. После казни Шаджар ад-Дур страной некоторое время номинально правил сын Айбека Али ал-Мансур Нур ад-Дин. При нем атабеком был Санджар ал-Халаби. Куттуз, как и при Айбеке, оставался наибом,

но именно он де-факто стал главной персоной в государстве. Куттуз подчинил себе султанскую гвардию. В 1257–1258 гг. Бейбарс с товарищами делал набеги на Египет, правда, они были неудачными. Когда в 1259 г. монголы взяли Дамаск, Куттуз осмелился официально провозгласить себя султаном. С этого времени он получил имя Малик Музаффар [Гаркавец, 2011; Amitai-Preiss, 1995, p. 19; Irwin, 1986, p. 29–32; Кадырбаев, 1997, с. 92–98].

Третьим великим правителем был Калавун. По сведениям Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури, Калавун был кыпчаком из племени бурдж-оглы. Точная дата прибытия Калавуна в Египет неизвестна. Ее датируют или временем правления султана ал-Камиля (1218–1238), или временем правления султана Салиха (1240–1249). По сведениям аз-Захаби, Ибн Катира и Ибн Тагриберди, на момент своей смерти в 1290 г. Калавуну было более 60 лет. По сведениям ал-Макризи, ему на момент смерти было около 70 лет. Калавуна купил или эмир Ала ад-Дин Аксункур ал-Камили, или эмир Ала ад-Дин Карасункур ал-Салки ал-Адили. Бейбарс ал-Мансури, ал-Макризи, Абу-ль-Фида, аз-Захаби считали, что Калавун был куплен Ала ад-Дином Карасункуром ал-Салки ал-Адили. Ала ад-Дин Карасункур был мамлюком ал-Малика ал-Адила. Карасункур заплатил за Калавуна около 1 тыс. динаров, откуда Калавун и получил свою кличку Алфи (тысячник). Шафи б. Али характеризовал его как сильного и агрессивного мамлюка. Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Мансури объяснял высокую цену на Калавуна его физическими данными и племенным происхождением. После смерти своего первого хозяина Калавун был переведен в корпус королевских мамлюков. Калавун, пребывая среди мамлюков Ала ад-Дина Карасункура, выучил

арабский язык, получил мусульманское религиозное образование, тренировался среди мамлюков, но не забыл своего происхождения и исполнял некоторые шаманистские ритуалы. Калавун еще носил нисбу Салихи (то есть мамлюк султана Салиха). Он вошел в элиту мамлюков-бахри, которая тренировалась на острове Равда на Ниле. Он был одним из лидеров мамлюков, которые победили крестоносцев на Мансуре [Northrup, 1998, p. 65–68; Irwin, 1986, p. 21–22].

Калавун начал играть заметную роль еще при Шаджар ад-Дур, которая пришла к власти после смерти султанов Салиха и Тураншаха. Калавун, как и Бейбарс, пребывал под командованием туркмена Фариса ад-Дина Актая. Их лидер был подло убит во время переговоров с Айбеком. В 50-х гг. XIII в. Калавун принял участие в кампании против сирийских Аййубидов. По иронии судьбы Калавуну пришлось бежать ко двору Аййубидского правителя Дамаска ан-Насира Йусуфа. В 1255–1256 гг. прежние бахриты приняли участие в походе ан-Насира Йусуфа на Египет. По сведениям Ибн ад-Давадари, Калавун был одним из самых главных мамлюков в этом походе. В апреле 1257 г. в Египте были убиты Шаджар ад-Дур и Айбек. В связи с этим Калавун и другие бахриты в сентябре-октябре 1257 г. оставили Дамаск и переселились в Карак. Они перешли на службу к другому Аййубиду – ал-Малику ал-Мугиту Умару. Мамлюки вынудили этого Аййубида совершить набег на Египет в ноябре 1257 г. [Northrup, 1998, p. 69–70; Amitai-Preiss, 1995, p. 19–24].

Войско, которое состояло из семи сотен, конечно же, было разбито мамлюками Египта, а Калавун попал в плен и сидел в тюрьме. Из заточения он был позже освобожден Сайф ад-Дином Муиззом Куттузом. Калавун не доверял Куттузу, поскольку

тот приказал убить Актая. В 1258 г. он вернулся в Карак. Аййубидский правитель Карак совершил второе нападение на Египет, но его войско численностью в 1,5 тыс. воинов снова было разбито Куттузом. В 1259 г. ал-Малик ал-Мугыт во главе войска бахритов совершал набеги на земли ан-Насира Йусуфа. Правитель Дамаска, заключив союз с правителем ал-Маликом ал-Мансуром, двинулся против них и победил их в битве вблизи Иерихона. Ан-Насир Йусуф преследовал войско ал-Малика ал-Мугыта до самого Карак. Несколько месяцев крепость пребывала в осаде, пока монгольское вторжение не вынудило Ан-Насира Йусуфа и ал-Малика ал-Мугыта объединиться. Также Ан-Насир договорился о союзе с Куттузом. Когда монголы взяли Халеб в конце 1259 – начале 1260 гг., Бейбарс и Калавун решили вернуться в Египет. В феврале 1260 г. Китбуга взял Дамаск. Бейбарс и Калавун не имели иного выбора кроме возвращения под власть Куттуза. Они не доверяли ему и вынужденно приняли участие в битве при Айн-Джалут [Northrup, 1998, p. 70–72; Thorau 1987, p. 66–78; Amitai-Preiss, 1995, p. 26–33; Irwin, 1986, p. 31–33].

По мнению ал-Макризи, причиной конфликта Куттуза и Бейбарса было сообщение, что после битвы при Айн-Джалут Бейбарс осуждал Куттуза и указывал, что он ошибается и отстранился от правильного пути. Это произошло во время возвращения из похода в Палестину. И Куттуз, и Бейбарс ожидали возможности, чтобы напасть. Вокруг Бейбарса сплотились эмиры Сайф ад-Дин Балабан ар-Рашиди, Сайф ад-Дин Бидган ар-Рукни, Сайф ад-Дин Балабан ал-Харуни, Бадр ад-Дин Анас ал-Исбахани. Бейбарс попросил у Куттуза отдать ему пленную монголку. Куттуз удовлетворил эту просьбу. Бейбарс поцело-

вал руку Куттуза. Это был заранее обусловленный заговорщиками знак. Убийцами Куттуза были сам Бейбарс, Бактут джукандар и эмир Бадр ад-Дин Анас ал-Исбахани. После смерти Куттуза султаном стал Бейбарс. Бейбарс и его сторонники заняли Каирскую цитадель и эмиры Египта после этого присягнули ему. Бейбарс стал называть себя ал-Малик аз-Захир. Ибн Тагриберди же указывал, что причиной вражды Бейбарса и Куттуза стало невыполнение Куттузом своего обязательства назначить Бейбарса правителем Халеба. Куттуз же назначил правителем Халеба Санджара ал-Халаби. По данным ал-Йунуни, Куттуз и Бейбарс ждали возможности, чтобы расправиться с соперником. По сведениям ал-Давадари, у Куттуза просил монголку не Бейбарс, а Анас, и именно он, поцеловав руку султана, подал знак для других заговорщиков. В старофранцузских и латинских источниках мотивом убийства Куттуза названа борьба за власть [Макризи, 1966; Thorau, 1987, p. 79–85; Irwin, 1986, p. 37–38, 45].

Гетум коротко сообщал, что Пундуктар (так армянин называл Бейбарса, по имени его первого хозяина) убил Хутуза (Куттуза). Те же данные сообщал Григор Акнерци, упоминая его под именем Фундуктар. Абу-л-Фарадж знал и прозвище, и настоящее имя мамлюкского командира. Он называл его Бейбарз по кличке Бундуктар-младший. Он сообщал, что он напал на Котаза (Куттуза) [Гетум, 1962; Гаркавец, 2011; Thorau, 1987, p. 79–85]. То, каким путем мамлюкские лидеры приходили к власти, накладывало отпечаток на отношения внутри государства. Султан подозревал своих эмиров в заговорах и часто это было не без оснований. В 1271 г. Бейбарс заподозрил заговор и кинул в тюрьму нескольких эмиров – Алам ад-Дина Санджара ал-Халаби, Акуша

ал-Мухамади и Игак Самм ал-Маута [Thorau, 1987, p. 231; Irwin, 1986, p. 87].

О Бейбарсе знали и западные источники. Гийом из Триполи упоминал, что правителем Египта стал тюрок по имени Bondogar (Bondodar, Vendodar). В Эрфуртской хронике Бейбарс упомянут как султан Вавилона и фараон Египта, тюрок по происхождению и по имени Мелхасар (аз-Захир). В «Деяниях Киприотов» указано, что султан был из мамлюков, которые не египтяне (копты) и не арабы. Гетум из Корикоса сообщал, что султан происходит из куманов-кыпчаков. Георгий Пахимер указывал, что султан был скифом (кыпчаком), который попал в рабство. Византийский хронист отмечал, что этот правитель имел дела с Михаилом VIII Палеологом [Thorau, 1987, p. 29–30].

Узнавши о смерти Куттуза, правитель Дамаска Санджар ал-Халаби отказался покориться Бейбарсу и провозгласил себя султаном Сирии. Мамлюки Халеба из фракций насирийа и азизийа сместили ал-Саида Ала ад-Дина (родственника Бадр ад-Дина Лулу) и выдвинули на престол Хусам ад-Дина Лачина ал-Джукандара ал-Азизи. 2 декабря 1260 г. к Халебу подошло войско нойона Байдара, который уцелел в битве при Айн-Джалут. Лачин покинул Халеб и отступил к Хаме, где объединил силы с аййубидским маликом Хамы аль-Мансуром II. Монголы взяли Халеб и подошли к Хомсу. В антимонольскую коалицию также входил аййубидский правитель Хомса. Около гробницы Халида б. Валида в 1,5 км на север от Хомса 1,4 тыс. мамлюков и воинов аль-Мансура под командованием ал-Ашрафа Мусы столкнулись с 6 тыс. монголов. В тылу монголов восстал вождь бедуинов Северной Сирии Замиль б. Али, а также монголам мешали туман и солнце. Мамлюкско-аййубидское

войско вынудило монголов бежать. В плен попал монгол Китбуга, который в 1294 г. стал султаном Египта. С 1260 г. Сирия стала основным театром войн монголов с мамлюками. В 1261–1262 гг. мамлюки совершали нападения на Антиохийское графство. Тайбарс ал-Вазири взял в осаду Антиохию. От взятия мамлюками город спас своевременный подход монгольского войска [Thorau, 1987, p. 94–98; Amitai-Preiss, 1995, p. 50–52; Ришар, 2002, p. 355; Irwin, 1986, p. 48].

По сведениям ал-Макризи, в 1261 г. Бейбарс принял у себя имама Абу-л-Аббаса Мухаммеда (сына последнего аббасидского халифа). Он получил титул имам Мустансир Биллах. Бейбарс выделил сыну халифа сорок мамлюков, а своим людям приказал находиться на стороне Евфрата, которую контролировали арабы. От Мустансира отделилось семьсот туркменом имама Хакима Бимрилах, которые к нему присоединились в Машхаде Али. Фактически халифа поддерживали только сыновья Бадр ад-Дина Лулу. 28 ноября 1261 г. в битве с монголами под Хитом Мустансир был убит, а Хаким Бимрилах бежал. Фактически мамлюки оставили халифа и его союзников без поддержки [Макризи, 1966; Thorau, 1987, p. 110–117; Amitai-Preiss, 1995, p. 55–63]. В то же время Бейбарс реорганизовал Египет на монгольский образец, ввел тарханство, ввел почтовую службу [Кайрат Саки; Thorau, 1987, p. 98–105].

Смбат Спарапет указывал, что в 1264 г. мамлюки взяли много людей в рабство. В том же году царь Гетум собрал войско и напал на провинцию Халеп. Он атаковал города Мардсмур, Сырм и Фугу. Армянский царь попробовал взять Антап (Айн-Таб). Повторная попытка взять крепость также была неудачной. Армяне дошли до города Расас, но после ненастной погоды отступили. В том же году про-

тив мамлюков выступили монголы Турпы, которые взяли в осаду крепость Пир. Контрнаступление мамлюков вынудило Турпу отступить. По данным Смбата Спарапета, войска Изз ад-Дина Игана и Бейбарса подошли к реке Сев. Войска киликийских армян под командованием Гетума стояли в местности «Врата Антиохии» [Смбат Спарапет 1974; Amitai-Preiss, 1995, p. 110–111, 116].

При Бейбарсе Калавун занимал высокое положение. Султан подарил ему лучшие икта и назначил постоянные денежные выплаты. Бейбарс породнился с Калавуном и оба мамлюкских вождя составили сильный альянс. Калавун знал государственные секреты и был везиром при султани. Калавун также отличился как полководец. Во время кампании 1265 г. он взял франкские Хисн ал-Акрад, Калат ал-Халба и Арка вблизи от Триполи. Он в 1266 г. был командующим во время осады Сафада. После взятия Арсуфа Калавун получил в собственность часть села Таййибат ал-Исм. Калавун сыграл значительную роль в походе на Сис в 1266 г. Вместе с Изз ад-Дином Иганом он взял Адамодану (ал-Амудаин, крепость тевтонских рыцарей). Вместе с войсками этих двух командующих на Киликийскую Армению двинулись ал-Мансур из Хамы и Аксункур ал-Фарикани. Отряд Калавуна во время похода на Киликийскую Армению прошел через Массису (Маистра или Мопсуестрия), Адану, Айас (Лайасу) и Тарс (Тарсе). Мамлюкские войска под командованием Калавуна взяли крепость ал-Таниййат (Канамелу), которая принадлежала тамплиерам, и глубоко проникли в Киликийскую Армению. В 1265–1266 гг. Калавун женился на дочери эмира Сайф ад-Дина Кармуна (мамлюка монгольского происхождения), а после ее смерти – на ее сестре (вдове эмира Сайф

ад-Дина Кундука). К середине 60-х гг. XIII в. Калавун успел жениться уже два раза. От этих браков родились его сыновья ал-Салих Али и ал-Ашраф Халил [Northrup, 1998, p. 72–74, 116; Thorau, 1987, p. 166–171, 174–175; Amitai-Preiss, 1995, p. 116–118].

В 1263 г. Бейбарсу подчинилось Аййубидское владение ал-Мугьта Умара в Караке. До того в 1262 г. власть мамлюкского султана уже признал Аййубид из Хомса ал-Ашраф Муса. В 1272 г. под контроль мамлюков попал Сахьун. Правитель Хамы ал-Мансур был вассалом мамлюков, но владение в Хаме просуществовало до 1341 г. Это было единственное владение Аййубидов, не аннексированное мамлюками. Консолидация мусульманских владений обусловила угрозу для латинян Иерусалимского королевства. В 1263 г. Бейбарс напал на латинян. Мамлюки взяли Мон-Фавор и уничтожили христианские храмы в Назарете и Вифлееме. В декабре 1263 г. латиняне атаковали отряд Лачина. Во время рейда весной 1264 г. на Рамлу латиняне взяли Лион и напали на Ашкалон. В ноябре они опустошили окраины Бейсана. Латинян поддерживали киликийские армяне. В 1264 г. армяне Гетума совершили рейд на мамлюкскую территорию и были атакованы Хусам ад-Дином Айнтайби. В 1265 г. мамлюки взяли Цезарею, Хайфу, Арсуф, замок Пелерин (Атлит) [Thorau, 1987, p. 134–139, 147–153, 160–162; Amitai-Preiss, 1995, p. 114, 153; Ришар, 2002, p. 356–358; Irwin, 1986, p. 45–47].

В то же время мамлюки продолжали воевать с монголами. В декабре 1264 г. монголы подошли к ал-Бире и взяли город в осаду. Бейбарс сначала отправил к Евфрату отряд Билига аз-Хазнадара, а потом прибавил к его силам войска Изз ад-Дина Игана Самм ал-Мутта. На помощь ал-Бире были отправлены также войска Джамал ад-

Дина Акуша ал-Мухамади и Джамал ад-Дина Айдогди ал-Хаджиби. К ним присоединились войска ал-Мансура из Хамы, правителей Халеба и Дамаска, а также бедуины Исы б. Муханы. Сам Бейбарс в конце января 1265 г. был около Газы. Узнав о приближении мамлюков, монголы отступили. Летом 1265 г. мамлюкские войска отвоевали у монголов Каркисийу на реке Хабур около ар-Рахбы. Мамлюки совершили смелое нападение на ар-Рахбу и выбили из города монгольские и грузинские войска [Amitai-Preiss, 1995, p. 111–115].

Гетум сообщал, что Бейбарс отвоевал у тамплиеров Арсуф и Сафад [Армянские источники, 1962]. В феврале 1265 г. мамлюки быстрым нападением взяли Цезарею. В середине марта была опустошена Хайфа, а в конце апреля 1265 г. они взяли Арсуф после месяца осады. По данным ал-Макризи, мамлюки взяли крепость Сафад. По данным немусульманских источников, они взяли крепость обманом. Через сирийских христиан мамлюки договорились о сдаче крепости, а христианам обещали сохранить жизнь. Когда же латиняне капитулировали и впустили в крепость мамлюков, то они перебили всех защитников крепости. Это произошло в июне 1266 г. [Макризи, 1966; Thorau, 1987, p. 166–171; Amitai-Preiss, 1995, p. 76; Ришар, 2002, с. 358–359; Irwin, 1986, p. 47].

По данным ал-Макризи, Калавун ал-Алфи после этого направил войска в Сис (так называли арабы Киликийскую Армению), взял Айас и несколько крепостей [Макризи, 1966]. Гетум сообщал, что Смлмот (Изз ад-Дин Иган) победил армян в битве под Мари и взял в плен царя Левона. Мамлюки опустошили страну до Адана и Бардзберда, а население угнали в рабство [Армянские источники, 1962; Thorau, 1987, p. 174–176]. По све-

дениям Смбата Спарапета, в 1266 г. мамлюки взяли Арзуф и Сафед. После этого султан Бейбарс вступил в переговоры с армянским царем. Он требовал местность Шех и городки на границе Киликийской Армении с мамлюками. Гетум не шел навстречу этим требованиям, боясь гнева монголов. 23 августа 1266 г. произошла битва между армянами и мамлюками. Вместе с Бейбарсом на стороне мусульман находились Изз ад-Дин Иган и правитель Халеба. Армянами командовали сыновья Гетума Левон и Торос, а также Василий (сын Смбата Спарапета). Мамлюки победили армян. В битве погиб Торос, а Левона и Василия вместе с Чилартом и Атомом мамлюки захватили в плен. Бейбарс взял город Сис. Развивая успех, мамлюки захватили пещеры, которые до того были замками Кем и Бекнкар. Левон и Василий находились в Египте как заложники. Смбат Спарапет сообщал, что мамлюки вернулись от «Врат Антиохии». Армянский хронист сообщал, что Бейбарс дал согласие обменять Левона на друга Бейбарса Снгуршхара (Сункура Ашкара), который был взят в плен монголами после взятия Халеба [Смбат Спарапет, 1974; Thorau, 1987, p. 174–176, 192–193; Amitai-Preiss, 1995, p. 118–119; Irwin, 1986, p. 56].

Григор Акнерци несколько исказил информацию. По его данным, при дворе аббасидского халифа находились невольники египетского султана Фендухтар и Схур. Армянский хронист сообщал что один из них был бородат (Сункур Ашкар), а другой был мальчиком. Схур отдал Фендухтару своего арабского коня и тем самым спас его от плена. Сам же Схур был пленен монголами и стал рабом. Прибытие Фендухтара в Египет, по версии армянского хрониста, было связано с провозглашением его султаном. Схур взял с Фендухтара обет

выкупить его из монгольского плена. Схур или Снгуршхар – это Сункур Ашкар (кличка «Рыжий Сокол»), который был одним из беженцев-мамлюков из Египта в Сирию [История монголов Инока Магакии, 1871; Amitai-Preiss, 1995, p. 118–119].

В 1266 г. Бейбарс победил латинян, которые возвращались из рейда на Тивериаду. В 1267 г. султан совершил неожиданное нападение на Акру, но не смог взять город. Мамлюки завоевали землю Сен-Жорж. В феврале 1268 г. Бейбарс взял Баньяс. В марте 1268 г. мамлюки взяли Яфффу. После этого мамлюки взяли отстроенный латинянами Сафад. В апреле мамлюки начали осаду крепости Бофор. Осадой руководил Бадр ад-Дин Бактут Буйка ал-Азизи. К нему вскоре присоединились войска султана. После взятия Бофора мамлюкские войска Бадр ад-Дина Байсары двинулись к Тиру. Потом к нему присоединились войска султана. Правитель Триполи заблокировал перевалы в горах Ливана. Бейбарс попробовал взять Тортосу и Шастель Бланк, но не осмелился сильно рисковать и отступил. Он ставил перед собой другую цель – взятие Антиохии. Он от Ливана двинулся через Химс до Хамы, а оттуда до реки Оронт, на которой находилась Антиохия. Во второй декаде мая 1268 г. Бейбарс взял Антиохию. После падения Антиохии сразу же капитулировали замки Dargous, Kafr Dubbin, Cavea Belmys. Тамплиеры без боя сдали замки Гастон (Багрос), Порт Боннель (Хисн Русус), Ла Рош де Руассоль. В Сирии у латинян оставался только Курсат (ал-Кусайр) [Thorau, 1987, p. 187–192; Amitai-Preiss, 1995, p. 121; Ришар, 2002, с. 359–360; Irwin, 1986, p. 47–48].

Султан Бейбарс написал графу Триполи Боэмунду письмо (оно сохранилось в хронике Ибн Абд аз-Захира), в котором информировал графа о взя-

тии Антиохии и уничтожении церкви св. Павла и Кусьян. Также он сообщал, что воевал против графства Триполи [Ибн абд Захир, 1973]. По сведениям Смбата Спарапета, сам Бейбарс находился около Триполи и причинил немало зла местным христианам. Армянский хронист сообщал, что мамлюки взяли Антиохию 6 мая. Город был взят через четыре дня осады. Причиной такой скоротечной осады было неожиданное нападение мамлюков. Латиняне не ожидали увидеть мусульман под своими стенами. В том же году произошел обмен пленными и Левон вернулся на родину. Бейбарс извлек из этого целый ряд выгод. Армяне сдали мамлюкам Дабрасак, Бахасна (Бехесни), Барзаман (Марзаман), Рабан, ал-Зарб, Ших ал-Хадид (Шех) [Смбат Спарапет, 1974; Thorau, 1987, p. 192–193; Amitai-Preiss, 1995, p. 119].

Гетум датировал взятие монголами Яффы 1268 г. и сообщал, что также были опустошены Пиафорд (Шакиф Арнун) и Антак. Антак это Антиохия, а Пиафорд это Бофор. Возможно, что Яффа, Пиафорд и Антак были взяты именно в 1268 г. [Макризи, 1966; Thorau, 1987, p. 187–192; Amitai-Preiss, 1995, p. 54, 121, 123; Ришар, 2002, с. 359–360; Irwin, 1986, p. 47–48]. В 1269 г. Бейбарс атаковал окрестности Тира. Правительница Бейрута Изабелла откупилась от Бейбарса освобождением мусульман-пленных и деньгами. Мамлюки также воевали около Сафада. Монголы продолжали воевать с мамлюками. Главным театром боевых действий была Сирия. Однако в 1265 г., увидев подход мамлюкского подкрепления, монголы сняли осаду с ал-Биры и отступили. Весной 1267 г. монголы, которые взяли в осаду ар-Рахбу, были побеждены мамлюками [Thorau, 1987, p. 159, 198; Amitai-Preiss, 1995, p. 123; Ришар, 2002, с. 360].

В 1269 г. посол Абаги угрожал мамлюкам уничтожением, но действия оказались намного скромнее слов. В 1269 г. рейд Самагара на Саджур вблизи Халеба в Сирии был прерван после того, как Бейбарс прибыл в Дамаск и отправил навстречу монголам войска Айтегина Бундукдара. Бейбарс в ноябре-декабре того же года вынудил крестоносцев из Арагона отступить до Акры. Его эмиры Джамал ад-Дин Шамси и Ала ад-Дин Айдугди атаковали крестоносцев около Торон Саладини. Отступающие рыцари Оливера де Терме и Роберта де Крезека были атакованы с двух направлений. Войско Роберта де Крезека было уничтожено Бейбарсом. Уцелевшие крестоносцы отступили в Акру, с которой они и начинали свой поход. В 1268–1269 гг. мамлюки совершили набег из ал-Биры на регион Гаргар на севере Джазиры. Мамлюки взяли замок Шармасук [Thorau, 1987, p. 199–201; Amitai-Preiss, 1995, p. 97–98, 121–122, 124; Ришар, 2002, с. 360–361].

А. Кадырбаев приписывал Бейбарсу окончательную победу над ассасинами в Сирии. Это произошло во время кампаний 1270–1271 и 1273 гг. Из-под Крак де Шевалье мамлюки двинулись, чтобы взять крепость ассасинов Масйаф. В 1273 г. были взяты крепости ал-Хаваби и ал-Кулайа. Параллельно с этими кампаниями Бейбарс воевал с латинянами. В начале 1271 г. он начал новую большую войну против христиан. Он взял Шастель Бланк (крепость тамплиеров, по-арабски Сафита), а гарнизон тамплиеров в Тортозе сдался без боя. После взятия небольших замков, таких как Галифа (Талл Халифа), Бейбарс двинулся на Крак де Шевалье. Начав осаду в середине февраля, Бейбарс завершил кампанию взятием Крак де Шевалье (Хисн-Акрад) 8 апреля 1271 г. После около двух месяцев осады госпитальеры капитулировали

и сдали замок мамлюкам. На протяжении нескольких недель в апреле-мае 1271 г. крепость Джибельякар (Хисн-Акар) находилась в осаде. 12 мая гарнизон капитулировал и отступил к Триполи. 5 июня Бейбарс взял крепость тевтонцев Монфор (по-арабски ал-Курайн) [Кадырбаев, 1997, с. 104; Thorau, 1987, p. 201–206; Amitai-Preiss, 1995, p. 124–125; Ришар, 2002, с. 360; Irwin, 1986, p. 48, 56].

Гетум сообщал, что в 1270 г. мамлюки взяли у госпитальеров Крат, у тамплиеров – Джаспел Планк, у антиохийского правителя – Чплакар, у немцев Мунфорд и у хашишинов один замок. Джаспел Планк – это крепость Шастель Бланк, которую охраняли тамплиеры, замок хашишинов – это Масйаф, Крат – это Крак де Шевалье, Мунфорд – это крепость тевтонцев Монфор. Крепость антиохийского правителя не была взята в 1271 г. Крепость Курсат в 1275 г. взял эмир Сайф ад-Дин ад-Давадар. Гарнизон крепости капитулировал 14 ноября 1275 г. После смерти графа Триполи Боэмунда VII христианские правители хотели примириться с Бейбарсом [Армянские источники 1962; Thorau, 1987, p. 201–206, 234–235; Irwin, 1986, p. 47]. Абу-л-Фарадж сообщал, что христиане побережья страдали от нападений Бейбарса и у них оставались только Триполи, Акка и Тир. Сирийский хронист указывал, что к Бейбарсу бежал Ала ад-Дин Санджар сын мосульского эмира Бадр ад-Дина [Гаркавец, 2011]. По сведениям Смбата Спарапета, Бейбарс двинулся на Киликийскую Армению, но царь Левон дипломатией вынудил мамлюков отступить. Ниже армянский хронист сообщал, что Левон договорился с ильханом Абагой о присутствии в Киликии 20 тыс. монголов. Эти войска должны были защитить страну от набегов мамлюков [Смбат Спарапет, 1974].

В октябре 1271 г. монголы Самагара атаковали Северную Сирию. Вместе с ними шли турки-сельджуки Муин ад-Дина Сулеймана, который еще известен как Перване. Монголы атаковали Айн Таб и находились вблизи Амукал-Харим. Далее монголы и их союзники двинулись в регион ар-Рудж и между Антиохией и Харимом уничтожили группу туркмен. Против монголов было отправлено 3 тыс. всадников во главе с Бадр ад-Дином Байсары. Ал-Хадж Тайбарс ал-Вазири и Иса б. Муханна подошли к Харрану и Эдессе (Урхе, ар-Рухе) и опустошили их окрестности. Шамс ад-Дин Ак-Сункур ал-Фарикани с мамлюками и бедуинами находился около Мараша. Войска же самого Бейбарса концентрировались у Халеба. Вблизи Харрана Тайбарс победил монгольский отряд. Монголы были вынуждены отступить. Но развить успех мамлюкам помешали крестоносцы. На севере латиняне атаковали Какун. Бейбарс был вынужден отступить и пойти на латинян, которых возглавлял английский король Эдвард Долгоногий. Эдвард атаковал ал-Шагур (Сейсор) и ал-Бину (Святой Георг Ливанский) [Thorau, 1987, p. 208–209, 221–222; Amitai-Preiss, 1995, p. 99, 125–126; Ришар, 2002, с. 361–362].

В ноябре-декабре 1272 г. войско Дурбая, включая румийских турок, взяло в осаду ал-Биру на Евфрате. Часть монгольских войск взяла в осаду ар-Рахбу. Навстречу им Бейбарс направил отряды Тайбарса ал-Вазири и Фахр ад-Дина Алтунбы (Алтуноба). Войска монголов сняли осаду с ар-Рахбы и отступили в свой лагерь. 11 декабря Бейбарс, Тайбарс и Калавун подошли с войском к Евфрату. Вблизи от ал-Биры они победили отряд в 5 тыс. под руководством Чинкара (из которого 3 тыс. было турками-сельджуками). В битве погиб монгольский командующий. По-

сле этого монголы бежали, оставив на поле боя осадные орудия. Осада с ал-Биры была снята. Бадр ад-Дин Байсары преследовал монголов до Саруджа (между ал-Бирой и Харраном). Некоторые проблемы мамлюкам создавали нубийцы. В 1272 г. они атаковали и опустошили Асуан. Также они напали на Айдаб. Мамлюки отомстили за это участием в нубийской усобице 1276 г. Они поддержали Шаканду, который воевал против своего кузена царя Давида. Мамлюки завоевали территорию, которая потом стала провинцией ал-Джанабил. 1 апреля 1276 г. в битве при Донголе они победили нубийское войско и возвели на трон Шаканду. Нубия была вынуждена платить мамлюкам дань [Northrup, 1998, p. 74; Thorau, 1987, p. 223–224; Amitai-Preiss, 1995, p. 129–131; Irwin, 1986, p. 56].

По данным Гетума, Бейбарс в 1274 г. захватил Мскандара и опустошил страну начиная с Мараша и заканчивая Корикосом. Р. Амитай-Прайсс считает, что события происходили в 1273 г. Мамлюки Хусам ад-Дина Лачина напали на Кайнук (Хайдат ал-Хамра) и взяли крепость. Лачин совершил поход до Тарса. Мамлюки из ал-Биры и Айн Таба совершили нападение на Калавдию, которая находилась в 50 км к юго-востоку от Малаты. Союзные мамлюкам бедуины Иси б. Муханы взяли ал-Анбар. Те победы, которые Гетум описывал как события 1274 г., на самом деле произошли в 1275 г. По сведениям ал-Макризи, в 1274–1275 гг. Бейбарс совершил поход на Сис (Киликийскую Армению) и взял много крепостей. Среди взятых крепостей упоминались Дарбасак, Даркуш, Талмиш, Кафардин, Раабан, Марзабан, Куник, Адана и ал-Масис. Войска мамлюков возглавляли Калаун и Бадр ад-Дин Билик ал-Хазнидар. Реконструкция военных действий против киликий-

ских армян у П. Торау имеет следующий вид : в июле 1273 г. Хусам ад-Дин ал-Айнтаби напал на окрестности Мараша. Годом позже он опустошил предместье и сельскую округу. Бейбарс официально огласил войну Левону в конце 1274 или в начале 1275 г. Амир б. Иса Муханна и Хусам ад-Дин ал-Айнтаби ударили по монголам в районе Рас ал-Айн. Бейбарс взял ал-Баргас и ал-Дарбасак. Он двинулся от Александреты (Мскандара у Гетума), перешел «Врата Антиохии» и взял ал-Массис. Джамал ад-Дин Айдамури взял Адану. Два мамлюкских эмира взяли Айас (Ийас), Бейбарс же праздновал Рамадан во дворце армянского царя в Сисе [Макризи, 1966; Northrup, 1998, p. 74–75; Гетум, 1962; Thorau, 1987, p. 232–234; Amitai-Preiss, 1995, p. 131–132, 135–136].

В ноябре-декабре 1275 г. монголы и сельджуки атаковали ал-Биру. Но быстро взять город не удалось. Бейбарс написал письмо сельджуку Муинн ад-Дину по кличке Перване. Тот начал переписываться с мамлюками. Летом 1276 г. отряд мамлюков, который двигался с письмами к Перване, был атакован войсками Смбата Спарапета вблизи Мараша. Сам Смбат Спарапет погиб в битве, а сельджукские эмиры обещали поддержку Бейбарсу. Мамлюки ввели в Румийский султанат войско Сайф ад-Дина Балабана аз-Зайни. Шамс ад-Дин Аксункур ал-Фарикани вместе с Саидом Берке-ханом двинулся к монголо-мамлюкской границе и 6 апреля вблизи Евфрата победил войско бедуинов Хафаджа, которые были союзниками монголов. Шамс ад-Дин Сункур ал-Ашкар 12 апреля победил монгольский авангард Карая [Thorau, 1987, p. 235–238; Amitai-Preiss, 1995, p. 136–137, 159–163, 165–167].

Основное монгольское войско вынудило мамлюков отступать, пока 15 апреля 1277 г. войска сторон встре-

тились под Альбистаном. На стороне Хулагуидов воевали румские турки и грузины. Продолжатель хроники Ибн Васыля Ибн Абд Рахим сообщал, что мамлюков было всего 10 тыс. против хулагуидского войска в 30 тыс. Только часть из них была монголами. Остальные были сельджуками Перване и грузинами. Мамлюки смогли выманить на себя 11 тыс. монголов и 3 тыс. грузин. В битве при Альбистане монголы атаковали мамлюков в лоб. Монголы вынудили бежать левый фланг мамлюков и потеснили их центр. Но Бейбарс перекинул на фланг отряд аййубидского правителя Хамы. Монголы Татавуна потеряли в битве 7 тыс. воинов. 22 апреля 1277 г. Бейбарс взял столицу румских турок Кесайри. 27 апреля Бейбарс начал отступление из Анатолии, а 10 июня 1277 г. султан уже был в Дамаске [Amitai-Preiss, 1995, p. 169–175; Thorau, 1987, p. 238–239; Igwin, 1986, p. 57]. Ал-Макризи отметил среди городов, отвоеванных у франков, Арзуф, Цезарею, Сафад, Табарию, Яффу, Шакиф, Антиохию, Баграс, Кусайр, Хисн ал-Акрад, Карин, а также крепости Акку, Сафиту, Маракию и Халбу. Эти крепости были взяты во время правления Бейбарса в нескольких кампаниях [Макризи, 1966].

При Бейбарсе пребывали эмиры Сункур ар-Руми, Бадр ад-Дин Байсары ал-Шамси, Ала ад-Дин Тайбарс ал-Вазири, Бадр ад-Дин Билик ал-Хазнидар и Калавун. Но породниться с Бейбарсом удалось только Калавуну. Ал-Малик ал-Саид ад-Дин Берке-хан женился на дочке Калавуна Газийе-хатун. По данным Ибн Тагриберди и Ибн Ийаса, мамой Саида Берке-хана была дочь Хусам ад-Дина Берке-хана б. Даулет-хана ал-Хоризми, то есть вождя хорезмийцев, которые бежали от монголов во владения Аййубидов. Родился Саид-Берке в 1260 г. В Бартольд ошибался, считая

Саида-Берке сыном джучидской ханши дочери Берке. На это не указывает ни один арабский источник. Свадьба состоялась 8 июня 1277 г., а Калавун получил калым в размере тысячи динаров. 22 июня 1277 г. Бейбарс умер. Ал-Макризи указывал, что он умер от диареи. Этой версии верит А. Гаркавец. Более романтические биографы верили в разные версии смерти султана. Ал-Йунуни и Ибн ал-Форат считали, что его отравил аййубидский эмир Дамаска ал-Кахир Абд ал-Малик. Рукн ад-Дин Бейбарс верит, что Бейбарс сам хотел отравить этого сирийского Аййубида, но перепутал бокалы и выпил отраву сам [Макризи, 1966; Northrup, 1998, p. 74–75; Гаркавец, 2011; Thorau, 1987, p. 240–243].

А. Галстян придерживался версии о смерти султана от ранения в битве в Сервандикарском лесе. Он ссылался на «Базвамен», малые армянские хроники, работы Г. Алишана, М. Чамчяна и М. Абегиана. Но, как отметил А. Гаркавец, смерть должна была наступить на протяжении года от момента ранения, что маловероятно. Кроме того, о столкновении с Бейбарсом не упоминал ни сам Смбат Спарпет, ни Абу-л-Фарадж Бар Гебрей. Молчат и арабские хронисты. Похоже, что это поздняя армянская версия событий. Мы считаем, что Калавун, жажда власти, мог убрать Бейбарса, а потом и его сына [Макризи, 1966; Армянские источники, 1962, прим. 142; Гаркавец, 2011].

Саид-Берке-хан не был марионеткой в руках эмиров. При его дворе наиболее влиятельными были Бадр ад-Дин Байсары и Сункур ал-Ашкар, то есть друзья его отца. Между султанскими мамлюками и наиболее значимыми и влиятельными эмирами обострилась вражда. Калавун, возглавляя султанских мамлюков, осмелился на государственный переворот и выступил против султана. Пора-

жение Саида Берке-хана было обусловлено тем, что Сункур ал-Ашкара оставил его одного против Калавуна. В 1279 г. Саид Берке-хан был выслан в Карак, а Калавун стал атабеком при Бадр ад-Дине Саламише. В 1280 г. при подозрительных обстоятельствах, во время игры в поло, Саид-Берке получил травму и умер. Эта смерть была выгодна Калавуну. Он принял имя ал-Малик ал-Адил, фактически правил государством и фактически назначил наибами в Халеб и Египет Джамал ад-Дина Шамси и Изз ад-Дина Айбека ал-Афрама соответственно. Бурхан ад-Дина ас-Синджари был назначен везиром, а Шамс ад-Дина Сункура ал-Ашкара был назначен правителем Дамаска. Это была плата союзникам за помощь в борьбе за власть. Через некоторое время Сункур ал-Ашкар восстал против Калавуна, провозгласил себя независимым правителем и принял имя ал-Малик ал-Камил. Вскоре Калавун начал заменять эмиров своими людьми. Вместо Изз ад-Дина Айбека ал-Афрама правителем Египта стал Хусам ад-Дин Турунтай. В 1279 г. мамлюки совершили набег на Киликию. Калавун взял Тарс, а Бадр ад-Дин Байсары – ал-Калат ар-Рум. В 1280 г. произошла битва между войсками Калавуна и Сункура ал-Ашкара вблизи Дамаска при Джасуре. На стороне Калавуна выступил Санджар ал-Халаби, на стороне Сункура находились правитель Хамы ал-Мансур, правитель Халеба, бедуинские вожди Иса б. Мухана и Ахмад б. Худжа. Иса и Сункур проиграли битву и бежали в ар-Рахбу. Им удалось удержать контроль над Сахьюном. Они были готовы заключить союз с монголами [Northrup, 1998, p. 76–83; Amitai-Preiss, 1997, p. 179–182; Irwin, 1986, p. 62–65].

В 1280 г. Абага готовился к большому наступлению. Из Рума наступало войско Самагара, Танджи, Таран-

джи. Со стороны Джазиры наступали Байду вместе с правителем Мардина, а самое большое войско возглавлял Менгу-Тимур. Монголы взяли Дабрасак, Айн Таб и подошли к Халебу. Войска мамлюков ждали монголов около Хамы, Дамаска и Баальбека. Но Калавуну удалось переманить на свою сторону Сункура ал-Ашкара. Калавун пообещал ему Сахьюн, Балантус, Антиохию, Апамею, Лаодиокею, Хисн-Аккар и много других местностей в Северной Сирии [Amitai Preiss, 1995, p. 183–185; Ришар, 2002, с. 363; Irwin, 1986, p. 66].

Монголы были вынуждены отступить, а Калавун также отступил в Египет. По сведениям Гетуна, в 1282 г. армяне, грузины, сельджукские турки и монголы Менгу-Тимура (брата Абаги) под Хомсом сражались против мамлюков. По другим данным, битва произошла в 1281 г. Она известна как «Вторая битва под Хомсом». Союзное войско было разбито султаном Алфи (Калавуном). Во время битвы монголы полностью уничтожили левый фланг мамлюков. Тяжелые потери понесли и другие отряды. Но Калавун смог перегруппировать свои силы и ударить по центру монгольского войска. Менгу-Тимур был тяжело ранен, а его войско бежало. Мамлюки, понесшие значительные потери, не решились преследовать монголов [Amitai-Preiss, 1995, p. 187–201; Ришар, 2002, с. 364; Irwin, 1986, p. 66–67].

Калавун продолжал джихад против латинян. Он постепенно выдавливал их с Ближнего Востока. В 1283 г. путь между Сидоном и Бейрутом был опасен. Калавун в том же году взял Аяс. В 1284 г. он осуществил новую кампанию против Киликийской Армении. Также он не забывал о латинянах. В 1285 г. Калавун преодолел линию обороны на побережье, взял Маргат и Мараклею. В 1288 г. воспользовав-

шись бунтом против наследника графа в Триполи мамлюки взяли Триполи. По сведениям Гетума, в 1289 г. Калавун взял город Лаодик (Лаодикиею). Хронология Гетума, как и в многих предыдущих случаях, не совпадает с реальной. Город Лаодиокея на территории прежнего Антиохийского графства был взят в 1287 г. Калавун дипломатически нейтрализовал Арагон и Геную, обеспечив их нейтралитет в будущей войне. В 1290 г. Калавун опустошил окрестности Акры. Калавун увеличил размер султанской гвардии с 6 до 12 тыс. [Ришар, 2002, с. 384–387; Армянские источники, 1962; Irwin, 1986, p. 68–69, 74–77].

Однако отвоевание Ближнего Востока Калавун не смог завершить до своей смерти. В 1290 г. войско мамлюков под командованием нового султана Ашрафа Салах ад-Дина Халила (сына Калавуна) подошло к стенам Акры. 18 мая 1291 г. произошел решительный штурм Акры и мамлюки ворвались в город. Цитадель города сдавалась 28 мая. Осада продолжалась 44 дня. По сведениям Гетума, в 1291 г. мамлюки без сопротивления заняли Сур, Сайите, Бейрут, Атравуз, Джастел Блри. Это не совсем точно. 19 мая 1291 г. мамлюки взяли Тир, который оставил без командования комендант Адам. 14 июля 1291 г. после нескольких месяцев сопротивления командор тамплиеров Тибо Годэн оставил Сидон. 21 июля мамлюки взяли Бейрут. 30 июля пала Хайфа. Из Тортосы и Шастель Пелерина тамплиеры ушли 3 и 14 августа соответственно. Султан Ашраф праздновал победу в Дамаске, а трофеи отправил в Каир. Наступление мамлюков продолжилось в Киликийской Армении. По данным Гетума, в 1292 г. мамлюки взяли Ромклу и взяли в плен армянского патриарха Тер-Степаноса. На этот раз хронология Гетума совпадает с общепринятой. Ж. Ришар

указывал, что в 1292 г. мамлюки взяли армянскую крепость Хромглу (Ромклу, Калат ар-Рум). Наступление мамлюков было прервано убийством султана в 1293 г. На султана напали люди Лачина и Байдара [Армянские источники, 1962; Кадырбаев, 1997, с. 105; Ришар, 2002, с. 389–393; Irwin, 1986, p. 77–82].

С 1293 г. началась борьба за трон между эмирами и преемниками Калавуна. Байдара правил несколько дней и принял имя ал-Малик ал-Кахир. Потом монгол Китбуга, который был любимчиком Калавуна и его сына, казнил Байдара, а эмир Лачин бежал. Султаном он назначил ал-Малика ан-Насира, который был сыном Калавуна и братом Ашрафа. В 1294 г. Китбуга провозгласил себя султаном и принял имя ал-Малик ад-Адил. В 1296 г. к власти пришел Лачин, который принял имя ал-Малик ал-Мансур. В 1298 г. Бейбарс ал-Джашанкир и Сайф ад-Дин Салар убили Лачина и вернули ал-Малика ан-Насира из изгнания в Кераке. Позже этому султану еще раз пришлось быть в изгнании в 1308–1310 гг. Только третье его правление, которое продолжалось с 1310 по 1340 г., было стабильным. В государстве фактически правили эмиры. При управлении государством бахриты использовали в качестве чиновников коптов, что вызывало возмущение у мусульман [Irwin, 1986, p. 85–98].

Усобицами среди мамлюков воспользовались их враги. Противостояние ан-Насира Мухаммеда с Хулагуидами не было таким удачным, как у предшественников. Монголов возглавлял Сулемиш, который в 1298–1299 гг. подавил восстание турок-сельджуков. Монголы взяли Мардин и перешли Евфрат. К монголам присоединились мамлюкские эмиры Бактимур и Кибджак (Кыпчак). В 1299 г. монголы взяли Халеб. Войско мамлюков встретило монголов

около Хомса. 24 декабря 1299 г. в «Третьей битве при Хомсе» (битве при Вади ал-Хазнадар) вместе с монголами в Сирию пришли грузины и армяне. Битва, которая продолжалась целый день, закончилась полным поражением мамлюков. По сведениям аз-Захаби, монголы преследовали мамлюков до Газы. Монголы убили многих мамлюков-ойратов, служивших в войсках мамлюков. Ильхан Газан занял Хомс и Дамаск, когда узнал, что Чагатаиды атакуют Керман и Фарс. Именно из-за этого иранские монголы отступили с Ближнего Востока [Кадырбаев, 1997, с. 110–111; Irwin, 1986, p. 98–100].

В 1300 г. крестоносцы высадились на побережье прежнего графства Триполи. Они заняли Нефин и при поддержке маронитов начали наступление, которое, однако, завершилось поражением под Триполи. Граф Ги д'Ибелин занял Джебайл, но не смог там удержаться. В ноябре 1300 г. крестоносцы взяли Тортосу и заняли остров Руад. Монголы под командованием Кутлуг-шаха подошли к Антиохии только в 1301 г. Они совершили набег на Халеб. Но в 1301 г. Газан-хан заболел, а Кутлуг-шах вернулся в Иран. В долине Иордана остался Мулай во главе двух туменов. Наместник Дамаска Кибджак изменил монголам и перешел на сторону мамлюков. Кибджак и Бактимур до этого момента переписывались с мамлюками Египта и решили оставить монголов, когда основные силы Газана отступили. Небольшое войско Мулая отступило к Евфрату. Газан-хан вернулся в Сирию только в 1302 г., занял Хаму и подошел к Дамаску. В битве при Марж ас-Суфар 20 апреля 1303 г. мамлюки разбили монголов Кутлуг-шаха. Незадолго после этой битвы умер Газан-хан, а мамлюки в 1305 г. атакуют Киликийскую Армению. В 1303 г. Насир ад-Дин Мухаммед взял

остров Руад и окончательно вытеснил крестоносцев-латинян с Ближнего Востока [Ришар, 2002, с. 395–398; Irwin, 1986, p. 100–101].

Начиная с 1311 г. султан ан-Насир начал укреплять свою власть. Он арестовал многих эмиров и в 1316 г. их казнил. Этот правитель был сосредоточен на укреплении своей личной власти и потому в 1323 г. мамлюки договорились о мире с Хулагуидами. После принятия ислама ильханом Газаном у мамлюков больше не было религиозного оправдания для войны против Хулагуидов. Особенностью третьего правления ан-Насира было то, что султан уравнивал влияние бахритов возвышением бурджитов. Он также противопоставлял эмирам простых мамлюков. Эти меры он принял дабы избежать дворцовых переворотов, которые так систематически осуществляли эмиры из бахритов. Политика ан-Насира Мухаммеда была направлена на укрепление власти султана и установление стабильности внутри государства. В качестве чиновников султан использовал христиан-коптов. Они главным образом занимались финансовыми делами. Против султана выступали мусульманские фанатики, но их восстания подавлялись мамлюками. Султан перестраивал внутреннюю структуру государства. Мамлюки продолжали воевать только с христианами. В 1320, 1332, 1335 и 1340 гг. были осуществлены кампании против армян. В 1332 г. мамлюки взяли Ийас (Айас). В 1337 г. мамлюки заняли и опустошили Сис – столицу армян. Но Киликийская Армения продержалась до 1375 г. В 1315–1316 и 1323 гг. мамлюки совершали походы против Нубии. После смерти султана ан-Насира мамлюкский султанат снова погряз во внутренних усобицах и в 1382 г. бахритов-кыпчаков заменили бурджиты-черкесы [Кадырбаев, 1997,

с. 110–111; Irwin, 1986, p. 105–121, 149; Levanoni, 1995].

Мамлюки были служивым сословием в Египте. С 1250 по 1382 г. большей частью Ближнего Востока правили правители кыпчакского происхождения. Мамлюки-бахри, впрочем, как и позже мамлюки-бурджи, отделяли себя от местного населения. Тюркские самоидентификация и некоторые языческие обычаи сохранялись среди мамлюков-бахри. Большинство из бахритов было кыпчаками, хотя среди мамлюков были представители других тюркских этнических групп. Они помнили о своем тюркском происхождении (в нисбе обычно указывалось их племя) и разговаривали на тюркском языке. Мамлюки как наиболее боеспособные войска мусульманского мира смогли остановить монголов и окончательно освободить Ближний Восток от крестоносцев. Они составляли элитный кавалерийский корпус, который во многих случаях решал

исход боя в свою пользу. В отличие от кыпчакских племенных ополчений кыпчаки-мамлюки были более хорошо вооружены и дисциплинированнее. Находясь в Египте, кыпчаки ставали мусульманами, сохраняя языческие пережитки в мировоззрении. Султан Бейбарс реформировал часть социальных структур Египта на монгольский образец. Однако султанат тюркских мамлюков вследствие доминирования кыпчаков переживал многочисленные усобицы. Кыпчакским аристократам часто силой приходилось решать, кто будет султаном. Вследствие этого страну сотрясали усобицы и султан, который хотел обеспечить стабильность государства, должен был репрессировать возможных конкурентов и противопоставлять тюркам-бахритам другие этнические и социальные группы. Мамлюки-бахри, потеряв свое привилегированное положение, уступив его мамлюкам-бурджи, ассимилировались среди арабов.

Источники и литература

Армянские источники о монголах (Извлечения из рукописей XIII–XIV вв.) / Перевод с древнеармянского, предисл. и прим. А. Г. Галстяна. – М.: Восточная литература, 1962. – 154 с.

http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Smbat_Sparapet/frametext4.htm

Ашрафян К.З. Делийский султанат. – М.: Восточная литература, 1960. – 257 с.

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегенидов, 1097–1231. – М.: Наука, 1986. – 247 с.

Гаркавец А.Н. Бейбарс (619–676 / 1222–1277) // IV Международный тюркологический конгресс 13–14 мая 2011 г. – Туркестан: Международный Казахско-Турецкий университет им. Ясави, 2011. – С. 419–438.

Гусейнов Р.А. Огузы, кыпчаки и Азербайджан XI–XII вв. // Проблемы современной тюркологии. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 348–352.

Зеленев Е.И. Египет: Средние века. Новое время. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 340 с.

История монголов Инока Магакии XIII века. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871. – X, 106 С.

<http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Magakija/frametext.htm>

Кадырбаев А.Ш. За пределами Великой степи. – Алматы: Демей, 1997. – 198 с.

Киракос Гандзакечи. История Армении / Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Л.А. Ханларян. – М.: Наука, 1976. – 359 с.

<http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gandzakeci/frametext5.htm>

Куглер Б. История крестовых походов / Переизд. с рус. изд. Л.Ф. Пантелеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 512 с.

Кумеків Б.Е. Арабские письменные памятники как источник по этническому составу кипчаков мамлюкского султаната // Проблемы джерелознавства, історіографії та історії Сходу. До 90-річчя зі дня народження Вольфа Менделевича Бейліса (1923-2013), 15–16 травня 2013 г. м. Луганськ. Луганськ: ДЗ Луганський Національний Університет імені Т.Г. Шевченка, Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2013. – С. 134–137.

аль-Макриси. Книга поучений и назидания // Семенова Л. А. Салах-ад-Дин и мамлюки в Египте. – М.: Наука, 1966. – С. 174–187.

<http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Makrizi/text1.phtml?id=869>

Письмо мамлюкского султана Бейбарса графу Триполи, Боэмунду (из исторического труда Ибн Абд аз-Захира) // Francesco Gabrieli. Die Kreuzzuge aus arabischer Sicht. – Muenchen. 1973

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kreuzzug/XIII/1260-1280/Beibars/framebriefl.htm>

Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – Т. 1. – М.: Наука, 1964. – С. 29–59.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Перевод А. К. Арендса. – Т. 3. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. – 340 с.

Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство = Jean Richard. Le Royaume Latin de Jerusalem / Пер. с франц. А. Ю. Карачинского. – СПб.: Евразия, 2002. – 448 с.

Саки К. Юрта на пирамиде, или о Байбарсе со слов средневековых летописцев. <http://www.kyrgyz.ru/?page=50>

Семенова Л.А. Салах-ад-Дин и мамлюки в Египте. – М.: Наука, 1966. – 217 С.

Смбат Спаранет. Летопись / Перевод А. Г. Галстяна. – Ереван: Айастан, 1974. – XXXX, 187 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. – СПб.: Издано на иждивение С.Г. Строганова, 1884. – XVI, 563, [1] с.

Amitai-Preiss R. Mongols and Mamluks. The Mamluk-Ilkhanid War? 1260–1281. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – XVI, 272 p.

Golden P.B. «I will give the people unto thee». The Chinggisid Conquests and their aftermath in the Turkic World // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. – Vol. 10. – Part 1. – Cambridge UK: Cambridge University Press, 2001. – P. 21–41

Humphreys R.S. The Emergence of the Mamluk Army // Studia Islamica. № 46. – Paris: Maissonneuve-Larose, 1977. – P. 67–99.

Irwin R. The Middle East in the Middle Ages: the early Mamluk Sultanate 1250–1382. – London: Croom Helm, 1986. – 180 p.

Irwin R. Eating horsers and drinking Mare's milk // Furusiya (2 vols). – Riyadh: King Abdulaziz Public Library, 1996. – P. 1–7.

Latham J.D. Notes on Mamluk horse-archer // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – Vol. 2. – London: Cambridge University Press, 1969. – P. 257–267.

Levanoni A. A turning point in Mamluk history: the third reign of al-Nasir Muhammad ibn Kalawun (1310-1341). – Leiden-New York-Koln: Brill, 1995. – IX, 221 p.

Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. – London, 1942. – 170, 53 p.

Northrup L.S. From slave to sultan: the career of al-Mansur Kalawun and the consolidation of Mamluk rule in Egypt and Syria 678-689 A.H./ 1279–1290 A.D. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. – 349 p.

Pipes D. Slave Soldiers and Islam. The Genesis of a Military System. – London – New-Haven: Yale University Press, 1981. – XXX, 248 P.

Thorau P. Lion of Egypt. Sultan Baybars I and the Near East in the Thirteenth Century. – London-New York: Longman, 1987. – XI, 297 p.

Аннотация

Данное исследование посвящено истории кыпчаков в Египте. Особенностью тюркского мамлюкского султаната в Египте была насильственная смена власти. Разные тюркские гулямы, которые смогли достигнуть значительных должностей, претендовали на власть. Только сильные султаны, такие, как Бейбарс, Калавун и ан-Насир Мухамед, могли править страной продолжительное время и выстраивать вертикаль власти. Политика правителей мамлюкского Египетского султаната была преимущественно направлена против соседей-христиан. Основными театрами боевых действий были сначала Сирия и Палестина. Ареной противостояния с монголами была Сирия, на территории которой произошло четыре из шести решающих битв.

Ключевые слова: мамлюки, гулямы, ислам, кыпчаки, монголы, Египет, Бейбарс, Калавун.

Summary

This article focuses on the history of Kipchaks in Egypt. Turkic Mamluk Sultanate feature in Egypt was a violent change of government. Various Turkic Ghulam who were able to reach significant positions claim to power. Only the strong sultans, such as Baybars Kalavun and an-Nasir Muhammad, could rule the country for a long time and build the power vertical. Politics of Mamluk Egyptian Sultanate was mainly directed against Christian neighbors. The main battlegrounds were initially Syria and Palestine. Syria was the arena of confrontation with Mongols. At least four of the six decisive battles took place there.

Keywords: Mamluks, Ghulams, Islam, Kipchaks, Mongols, Egypt, Beybars, Kalavun.

УДК 930.2

ПЛЕМЯ МИНГ В ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ПОСТОРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Ж.М. Сабитов, доктор философии (Казахстан)

История племени минг в эпоху Золотой Орды никогда не становилась объектом исторического исследования. С одной стороны, это связано с тем, что письменных данных по истории племени минг в золотоордынскую эпоху осталось очень мало. С другой стороны, это связано с малым количеством научных монографий и статей по этногенезу тюркских народов, входивших в состав Золотой Орды. Ниже мы постараемся проследить историю этого племени в контексте истории Золотой Орды и постордынских государств. Очень распространенной является версия о тождестве Мингов и Мангытов¹. По нашему мнению, это отождествление слабо аргументировано.

На основании Дафтари Чингиз-наме считается, что родоначальником племени минг был Минг Садаклы (тысячестрельный) Ордач-бек, живший в эпоху Чингиз-хана². Кем был Ордач-бек по происхождению, неизвестно. Согласно Марии Иванич, Минг Садаклы Ордач-бек получил свое имя за то, что он, будучи весьма богатым человеком, брал с собой войско в тысячу стрелков из лука³. Согласно Р.Г. Кузееву он перекочевал на север после 1358 г. из района Сырдарьи. Также Р.Г. Кузеев предположил, что Ордач-бек это Санаклы-хан, который был ханом в улусе Чагатая после Казан-хана (умер в 1346 г.) и эмира Казагана⁴. Здесь стоит отметить, что Чагатайдская историогра-

фия и нумизматические данные не знают хана с таким именем в улусе Чагатая. Как известно, после Казагана эмирами были Абдулла и Хусейн (сын и внук Казагана), а также Тимур барлас (знаменитый Тамерлан). Хан с именем Санаклы абсолютно неизвестен ни в письменных источниках, ни в нумизматических данных. Из сообщений Абулгази, известен уйгур по имени Санклы-Син, живший примерно во времена Казагана и Джанибек-хана: *«В те времена, когда Балхан и Мангышлак в Ургенче принадлежали справедливому Джанибек-хану, сыну Узбек-хана, Джанибек-хан послал к туркменам [человека] по имени Уйгур Санклы-Син с тем, чтобы он взывал с тех, кто провинился и совершил преступление. Он прибыл в эль и прожил [там] один год, и всюду, где оказывались преступники и провинившиеся, – взывал. У него было много нукеров и рабов. И был у него один раб по имени Айаз, который был самым приближенным из всех рабов. Провинившиеся туркмены, которые считали, что [все равно] лишатся головы своей или скота, собрались все в одном месте, дали Айазу много взяток и сказали: “Если ты убьешь своего бека, то мы отдадим тебе все – и скот, собранный с одного эля, и птиц, привезенных из каждой юрты. Когда бы Джанибек-хан ни послал людей и ни потребовал тебя, мы, народ, будем ложиться костью и погибать, чтобы не выдать тебя. Айаз соблаз-*

нился большим количеством скота и их сладкими речами и убил однажды ночью Санклы-Сина, когда тот спал в беспечности. Из скота хозяина Айазу не досталось и козленка. Разграбили те, кто был ближе к скоту, где бы он ни находился. Нукеры Санклы-Сина вернулись к Джанибек-хану, Айаз [же] остался среди туркмен, живших в горах Балхан, не будучи в состоянии уйти от страха. В том году Джанибек-хан ушел к личности Аллаха на берегу реки Итил, в городе Сарай. И весь народ эски – потомки того Айаза»⁵.

У Утемыш-хаджи, по мнению В.П. Юдина, этот Санаклы-Син упомянут как Сангусун, человек, который предупредил Узбек-хана о готовящемся заговоре⁶. Скорее всего, упомянутые в Башкирском шежере племени минг⁷ данные о пребывании мингов в составе улуса Чагатая являются ошибочными. Вполне возможно, что составитель данного шежере был человеком грамотным и был знаком с книгой Абулгази, в которой упоминался Санклы-Син, который был по написанию похож на Минг Садаклы, что привело к тому, что автор шежере некритически отождествил двух не связанных между собой персонажей.

По нашему мнению, Ордач-бек жил в эпоху Чингиз-хана, как сказано в Дафтари Чингиз-наме. Ордач-бек служил сначала Джучи, а потом Бату. Косвенным подтверждением этому является шежере племени минг. Согласно нему Ордач-бек был предком в 10-м поколении Казанфар-бия, который в 1550-х гг. принял российское подданство⁸. В среднем количество лет на поколение равняется 30 годам. То есть, если Казанфар в 1550-х гг. был взрослым человеком, беком племени минг, то его предок в 10-м колене Ордач-бек был взрослым человеком в 1250-х гг.

Вторым упоминанием племени минг является известие о том, что Бату после «семилетнего похода» на кипчаков, Русские княжества и Венгрию выделил из каучинов (привилегированной части войска) своему брату Тука-Тимуру (предок династии казахских, крымских и казанских ханов) в подчинение четыре племени: минг, тархан (другое название монгольского племени килингут), ушун (племя Майкы-бия уйсун), ойрат⁹. После Западного похода в 1243 г. племя Ордач-бека (с ним или без него) было передано в улус Тука-Тимура. Существует пять версий локализации улуса Тука-Тимура¹⁰. Изначально улус Тука-Тимура относился к восточной части Золотой Орды (Кок-Орда) и был в подчинении у Орда-эджена (старший брат Бату и Тука-Тимура). Позже ему (или его потомкам) были переданы улусы на Мангышлаке (Западный Казахстан), Хаджи-Тархан (Астрахань), Вилает ас (область асов), а также Крым после 1266 г.¹¹. То есть, где проживали данные 4 племени из улуса Тука-Тимура, неизвестно. По нашему мнению, они проживали в районе Хаджи-Тархана. Исходя из того, что племя минг указано первым в списке четырех племен, можно предположить, что главным карачи-беком (советник) Тука-Тимура был человек из рода Минг (либо сам Ордач-бек, либо его дети). Аргументов в пользу такой локализации мало, но можно отметить два косвенных свидетельства.

1. Хаджи-тархан получил свое название от имени мусульманского святого (хаджи – человек, совершивший хадж в Мекку). По нашему мнению, здесь тархан в названии города говорит о том, что этот человек был из рода Тархан. С учетом того, что этот род был вместе с Мингами в одном улусе, логично предположить, что Минги находились в улусе Хаджи-тархан.

2. Во времена Узбек-хана, сразу после воцарения, племя минг было передано Алатаю сиджиуту. Это могло быть свидетельством того, что Минги находились рядом с доменом Бату (чуть южнее) и Алатай получил во владение не только племя минг, но весь улус Хаджи-тархан, так как во времена Узбек-хана произошла административная реформа, в результате которой джучиды лишились власти над отдельными улусами и их место заняли родоплеменные вожди.

Характеризуя племя, бывшее в подчинении у Ордач-бека, стоит отметить, что в Монгольской империи «тысячи» были двух видов: тысячи хазара, состоявшие из представителей одного племени (они назывались по старым родовым названиям, к примеру, мангыт, кият и т.д.), и «сборные тысячи», которые состояли из представителей разных племен, собранных под началом одного человека¹². Зачастую имя этого человека потом становилось названием племени (к примеру, племя аргын, происходящее от имени Аргын). Здесь можно предположить, что племя минг принадлежало к племенам второго типа, так как название племени происходит от прозвища (лакаб) родоначальника. Характер появления названия племени минг очень сильно похож на характер появления названия племени кырык (кырк). Родоначальником этого племени, скорее всего, был Кырык сонгеле (обладатель сорока копей) Булат бахадур из племени кунграт¹³.

Следующее упоминание племени минг связано с пришествием на престол Узбек-хана. Согласно Утемыш-хаджи, Узбек-хан провел административную реформу, забрав все улусы у джучидов и передав их племенным бекам. Также Утемыш-хаджи отмечает, что племя минг было передано в управление Алатаю сиджиуту: «И Алатаю он также выделил эль, со-

стоявший из племени минг, которое знаменито. Говорят среди узбеков: “Выделил он Исатаю [кошун], а Алатаю отдал [племя] Минг”. Суть [этого] – такова, [как изложено]»¹⁴. Таким образом, правителем племени минг стал Алатай сиджиут, приближенный Узбек-хана.

Как известно, племя минг указывается первым в ряду «узбекских племен»¹⁵. Ранее в советской историографии считалось, что татары и «кочевые узбеки» – это два разных народа, которые проживали в Западной и Восточной частях Улуса Джучи. Ранее мы выдвигали точку зрения на то, что и «Узбек», и «Татар» времен Золотой Орды были всего лишь экзонимами (внешними названиями) всего кочевого населения Улуса Джучи¹⁶, а 92 «узбекских племени» – это результат административной реформы Узбек-хана¹⁷. При этом кочевое население в первую очередь имело родоплеменную идентификацию (делилось на рода, вместо общего самоназвания, на первое место выходили племенные самоназвания). Таким образом, племя минг было одним из 92 золотоордынских племен. После распада Золотой Орды племя минг, а точнее его подразделение сарай-минг фиксируется в Большой Орде¹⁸. Возможно, это подразделение племени минг было предками для башкир из рода Сарайлы-Минг. В конце XV – первой половине XVI века племя минг оказалось в разных частях бывшего Улуса Джучи. Одна часть оказалась среди башкир, образовав к XVIII веку 12 подразделений: «Суби-мин, Кырколе-мин, Яиксыбы-мин, Куль-иль-мин, Асылы-мин, Ногай-мин, Миркит-мин, Уршак-мин, Илекей-мин, Кубоу, Саралы, Яик-мин»¹⁹. Башкирские Минги оказались на территории современной Башкирии не позднее 1470–1480-х гг., так как согласно шежире племени табын, те, прибыв во времена ханов Иба-

ка и Шейбака из Сибири (1480–1490-е гг.), застали в этих землях мингов:

«Асади-бей и Шикарли-бей жили в Сибири, в подчинении у ханов Ибака и Шибака, бывших в родстве с Чингиз-ханом. Хань задумали убить обоих беев. Но человек одного из ханов предупредил их: «Бегите – иначе не уберечь вам своих голов, пропадете зря». Асади-бей с Шикарли-беем сели на коней и поспешили прочь, хань отправили слуг в погоню за ними, однако те их не догнали. Асади-бей и Шикарли-бей бежали на запад и прибыли в Китайский край. Китайские башкиры их не приняли, и они направились вниз по течению Инзера, а потом вдоль берега Агидели. Наконец, между Агиделью и Кара-Иделью (рекой Уфой), на острове озера Карлок, повстречали они людей, у которых справилась о житье-бытье. «У нас одиннадцать родов, – ответили им, – а называемся мы – минцы». У минских беев попросили беглецы землю во владение: от Агидели и озера Юва(лы)-Куль до устья реки Кугака (Куганака), что в Стерлитамакском уезде. А у минских башкир весь скот – и лошадей, и коров – угнали калмыки, потому отдали они эту землю беям вместе с речками, впадавшими в Агидель. Асади-бей и Шикарли-бей за землю отдали минцам много скота, после же, взяв в жены девушек из Минского рода, стали управлять здешним Табынским краем»²⁰.

Также существуют потомки мингов (потомки Казанфар-бия) и среди казанских татар²¹.

В начале XVI века минги входили в состав войска Шейбани-хана при завоевании Мавераннахра. Около 1710 г. в Коканде появился правитель Шахрух-бий, происходивший из племени минг. Он стал основателем династии Кокандских ханов²². Хотя также известно, что во времена правления казахского хана Каипа в 1716 г.

мингские беи Ферганы были у него в подчинении²³, но, видимо, уже при вторжении джунгар (1723 г.) кокандские минги перестали быть зависимыми от казахских ханов. Из династии кокандских мингов вышла Махларайим (1792–1842), известная как классик узбекской поэзии Надира²⁴. Дедом Шахруха был Хаджи-хан, Надира же являлась прапраправнучкой Хаджи-хана по боковой линии. К основной линии потомков Хаджи-хана относились кокандские хань²⁵.

В XIX веке в Узбекистане минги вместе с юзами и кырками были известны под общим названием марка. Бухарские минги вместе с юзами и кырками сидели по левую сторону от бухарского эмира, соперника кокандских ханов. Минги жили на юго-востоке Заравшана, в бассейне Амударьи около Гиссара и Балха, а также в Кокандском ханстве. По переписи 1920 г., минги были второй по численности родо-племенной группой узбеков в Самаркандском уезде и насчитывали около 38 тысяч человек²⁶. Союз племен Марка в 20-е гг. XX века насчитывал 82786 человек и 112 родовых и более мелких подразделений²⁷.

Узбеки-Минги Зеравшанской долины делились на 3 больших рода, которые в свою очередь делились на более мелкие рода:

1. Тугали (ахмат, чагир, туйи намоз, окшик и др.).
2. Боглон (чибли, кора, мирза и др.).
3. Увок тамгали (алгол, чаут, жайли, урамас, тукнамоз, киюхужа, ярат). Род тугалы был бекским²⁸.

Говоря о башкирских мингах, стоит отметить, что, помимо потомков Ордач-бека, среди мингов проживали и люди другого происхождения. К примеру, Худайбирдэ был оставлен ногайцами и стал предком для рода Ногай-Минг²⁹, черемис Кутлуш записал себя сыном Сарбая, из племени

минг, стал также предком некоторых людей из деревни Балгажи³⁰, Миякинско-го района³¹.

Подводя итоги статьи, стоит отметить, что изначально род Минг появился как военный отряд лучников, подчиненный Ордач-беку, который жил во времена Чингиз-хана, Джучи и Бату. Бату передал данный отряд (племя минг) в подчинение родному брату Тука-Тимуру, чей улус предположительно находился в Хаджи-Тархане (Астрахань). При хане Узбеке племя минг было отобрано у потомков Тука-Тимура и передано Алатаю сиджиуту, соратнику Узбек-хана. Во время гражданских войн в Золотой Орде племя минг мало себя проявляло. Во второй половине XV

века племя входило в состав Большой Орды. После разгрома Большой Орды часть племени оказалась в Ногайской Орде, а часть ушла вместе с Мухаммедом Шейбани на покорение Средней Азии. Минги, бывшие в составе Большой и Ногайской Орды в XV–XVI веках, вошли в состав башкир и казанских татар, также приняв подданство российского царя. Среднеазиатские минги оказались разделены на две группы. Первая часть смогла захватить власть в Ферганской долине и основать Кокандское ханство с династией Мингов во главе. Вторая часть служила Бухарским эмирам из рода Мангыт. В XIX веке обе части среднеазиатских мингов вошли в состав Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Р.Х. От Урала до Вятки: земли татар племени минг// Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Выпуск 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 65–72. <http://www.tataroved.ru/publicat/murzi/Amirhanov1.pdf>

Амирханов Р.Х. Родословная Амирхановых//Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Выпуск 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С.156–247. <http://www.tataroved.ru/publicat/murzi/Amirhanov3.pdf>

Анке фон Кюгельген. Легитимация среднеазиатской династии мангытов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). – Алматы: Дайк-пресс, 2004. – 516 с.

Башкирские шежере. Уфа. 1960. 305 с.

Бейсембиев Т.К. Тарихи Шахрухи как исторический источник. – Алма-Ата, 1987. – 200 с.

Гребенкин А.Д. «Узбеки» // Русский Туркестан. Вып.2. СПб.,1872.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алматы: Рауан, 1992. – 373 с.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1958.

Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Выпуск 1. Поволостные итоги Самаркандской области. – Ташкент. 1924.

Мустакимов И.А. Об одном списке Дафтар-и Чингиз-наме// Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 1. – Казань, 2009. – С. 122–131.

Почкаев Р.Ю., Почкаева И.Н. Властительницы Евразии. – СПб., 2012. –384 с.

Рычков П.И. История Оренбургская. – Уфа, 2001. – 298 с.

Сабитов Ж.М. Монгольская армия в 1206–1259 годах// Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2011. № 1. С. 86–114.

Сабитов Ж.М. О происхождении этнонима узбек и «кочевых узбеков» // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 4. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 166–173.

Сабитов Ж.М. Политическая система Золотой Орды: генезис основных политических институтов // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 5. Казань. 2012. С. 269–275.

Сабитов Ж.М. Улусы джучидов в 1242–1266 годах // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Выпуск II. – Казань: Институт истории АН РТ, 2011. – С. 46–63.

Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. – М.: Наука, 1982. – 136 с.

Тоган А-З.В. История башкир. – Уфа, 2010. – 352 с.

Трепавлов В.В. Большая Орда - Тахт эли. Очерк истории. – Тула: Гриф и К, 2010. – 112 с.

Уметбаев М. Башкиры. Перевод с башкирского языка и комментарии Диляры Гариповой. http://www.hrono.ru/text/2007/umet03_07.html

Утемыш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В.П. Юдина. Подготовила к изданию Ю.Г. Баранова. Комментарии, указатели М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Амирханов Р.Х.* От Урала до Вятки: земли татар племени минг // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Выпуск 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 70. <http://www.tataroved.ru/publicat/murzi/Amirhanov1.pdf>

² Башкирские шежере. – Уфа. – 1960. – С. 52.

³ *Иванич М.* Дафтар-и Чингиз-наме как источник по истории кочевых обществ // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Материалы Международного научного семинара «Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556», 23–26 июня 1998 г. – Казань, 2001. – С. 317.

⁴ Башкирские шежере. – Уфа. – 1960. – С. 189–190.

⁵ *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 72–73.

⁶ Утемыш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В.П. Юдина. Подготовила к изданию Ю.Г. Баранова. Комментарии, указатели М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, – 1992. – С. 70, 104.

⁷ Башкирские шежере. – Уфа. – 1960. – С. 58.

⁸ Башкирские шежере. – Уфа. – 1960. – С. 58–59.

⁹ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы. – 1992. – С. 188.

¹⁰ *Сабитов Ж.М.* Улусы джучидов в 1242–1266 годах // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Выпуск II. – Казань: Институт истории АН РТ, 2011. – С. 52.

¹¹ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алматы, 1992. – С. 188.

¹² *Сабитов Ж.М.* Монгольская армия в 1206-1259 гг. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2011. – № 1. – С. 94–95.

¹³ *Мустакимов И.А.* Об одном списке Дафтар-и Чингиз-наме // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 1. – Казань. – 2009. – С. 123.

¹⁴ Утемыш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В.П. Юдина. Подготовила к изданию Ю.Г. Баранова. Комментарии, указатели М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – С. 105.

¹⁵ *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. – М.: Наука, 1982. – С. 40.

¹⁶ *Сабитов Ж.М.* О происхождении этнонима узбек и «кочевых узбеков» // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 4. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 173.

¹⁷ *Сабитов Ж.М.* Политическая система Золотой Орды: генезис основных политических институтов // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 5. – Казань. – 2012. – С. 269–275.

¹⁸ *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. – Тула: Гриф и К., 2010. – С. 22–23.

¹⁹ *Рычков П.И.* История Оренбургская. –Уфа, 2001. – С. 246–247.

²⁰ *Уметбаев М.* Башкиры. Перевод с башкирского языка и комментарии Диляры Гариповой. http://www.hrono.ru/text/2007/umet03_07.html

²¹ *Амирханов Р.Х.* Родословная Амирхановых//Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Выпуск 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С.156–247. <http://www.tataroved.ru/publicat/murzi/Amirhanov3.pdf>

²² *Анке фон Кюгельген* Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). – Алматы: Дайк-пресс, 2004.– С. 70.

²³ *Тоган А-З.В.* История башкир. –Уфа, 2010. – С. 116.

²⁴ *Почакаев Р.Ю., Почакаева И.Н.* Властительницы Евразии. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 159–166.

²⁵ *Бейсембиев Т.К.* Тарихи Шахрухи как исторический источник. – Алма-Ата, 1987. – С. 154–155.

²⁶ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г. и 1920 г. Вып.1. Поволостные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924, С. 47.

²⁷ *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. – М.: Наука, 1982. – С. 34.

²⁸ *Гребенкин А.Д.* Узбеки // Русский Туркестан. Выпуск 2. СПб. 1872. – С.73.

²⁹ Башкирские шежере. – Уфа. – 1960. – С. 192.

³⁰ Башкирские шежере. – Уфа. – 1960. – С. 62.

³¹ Башкирские шежере. – Уфа. – 1960. – С. 192.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о происхождении племени минг, возникшем в Золотой Орде. Прослеживается судьба потомков этого племени среди казанских татар, башкир, узбеков. Рассматриваются версии о происхождении названия племени минг и его ранней истории в рамках Золотой Орды. Выдвинуты версии о локализации проживания племени минг в XII–XIV веках. Критически рассмотрена версия Р.Г.Кузеева о происхождении племени минг из Средней Азии.

Ключевые слова: минг, Урдач-бек, Казанфар, Коканд, Золотая Орда, улус Тука-Тимура, Алатай сиджиут.

Summary

The article discusses the origin of the tribe Ming, arose in the Golden Horde. Traced the fate of the descendants of the tribe among Kazan Tatars, Bashkirs, Uzbeks. Considered versions of the origin of the tribal name ming and its early history as part of the Golden Horde. Extended version of the localization of Ming tribe residing in XII–XIV centuries. Critically examined version of Kuzeev R.G. about the origin of the tribe Ming from Central Asia.

Keywords: Ming, Urdach Bek, Kazanfar, Kokand, the Golden Horde, Ulus of Tuka-Timur, Alatay sidzhiut.

УДК 94(=1.470.41)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Б.И. Сибгатов, аспирант ГУ
«Институт Татарской энциклопедии АН РТ»

Крестьянство Казанской губернии в годы Первой мировой войны оказалось в тяжелом экономическом положении, главными причинами которого были неурожаи 1914, 1917 гг., обвал сельскохозяйственного рынка, массовые мобилизации мужчин в армию и военные реквизиции. Особенно трудным было положение крестьянских хозяйств, лишившихся рабочих рук из-за призыва мужчин на фронт. Царское правительство оказывало сильную помощь семьям солдат, мобилизованных в ряды армии, демобилизованных по состоянию здоровья, а также погибших на войне. Согласно «Приказу по военному ведомству 1912 г. за № 471» и «Закону 25 июня 1912 г. о призрении семейств нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах» почти все перечисленные выше категории населения имели право на пособие. Обязательным условием при получении государственной помощи было то, что мобилизованный в армию является основным кормильцем семьи. На получение пособия не имели право семьи солдат, призванных на срочную военную службу, те, чье имущественное положение могло считаться удовлетворительным, а также некровные родственники мобилизованного военнослужащего, хотя они содержались за счет него.

Для получения государственных пособий семье или самому мобилизованному было необходимо написать прошение в местные органы власти. После получения прошения земские управы нередко направляли своих представителей для проверки действительной необходимости выплаты пособий, поскольку государственные учреждения не всегда доверяли просителям. Часто крестьяне пытались обойти вышеперечисленные ограничения по злему умыслу или по незнанию закона. К примеру, семья призванного в армию крестьянина Тетюшского уезда Сюкеевской волости И. Сидорова обратилась к казанскому губернатору с жалобой на невыдачу пособия. Но ей было отказано в пособии, поскольку «... Сидоров взят на военную службу не как мобилизованный, а как призванный на действительную военную службу по очереди призыва 1915 г.» [1, л.2–5]. Престарелым родителям рядового З.К. Хайсарова, крестьянина д. Миндубаево Тетюшского уезда, также было отказано в пособии по причине того, что тех, кого «он называл отцом и матерью, на самом деле приходились ему отчимом и мачехой» [1, л.29–30]. В годы войны семьи, оставшиеся без работника и пособия, не были редкостью, так как закон предусматривал выплату пособий только семьям мобилизованных солдат и их кровным родственникам. В результате солдатские семьи оказы-

вались в тяжелом материальном положении, поскольку они не попадали под закон о военных пособиях. Распространенность таких негативных примеров можно объяснить не только неразвитостью российского законодательства и узкой ориентированностью его социально-правовой базой, но и произволом чиновников.

В годы Первой мировой войны получили распространение различные формы мошенничества. Солдаты и члены их семей путем подкупов сельских старост, работников земств и финансовых структур, подлогов и других незаконных способов пытались получить пособие. Так, рядовой М. Галеев из д. Большие Болгары Больше-Кляринской волости Тетюшского уезда обратился к губернатору с жалобой на невыплату пособия его семье: матери и двум малолетним братьям. Уездная земская управа дала на его жалобу такое пояснение: пособие не выплачивалось ввиду того, что по документам кормильцем семьи считается брат призванного Абдрахман, а семья с ходатайством о пересмотре в волостную управу не обращалась. Рядовой Галеев написал на имя казанского губернатора прошение о пересмотре дела. После проверки было установлено, что Абдрахман проживает отдельно, помощь семье не оказывает. Однако после назначения пособия обман был раскрыт. Представитель земской управы принес пособие в дом Галеевых, где обнаружил Абдрахмана. После этого по причине наличия кормильца Галеевым в выдаче пособия было отказано [1, л.181–197]. Рядовой В.Скудин, крестьянин д. Завражный Каратай Богородской волости Тетюшского уезда, просил пособие для сестры. Однако он получил отказ, как оказалось после проверки, – она его трудом не содержалась, а вела самостоятельное хозяйство [1, л.174–180].

В мошеннических схемах получения пособий особенно активно участвовали представители зажиточных слоев деревни. К примеру, крестьянская семья Архиповых из Тетюшского уезда пыталась получить пособие, несмотря на то, что имела 2000 пуд. озимого и ярового хлеба, 3 лошади, 2 коровы, 15 овец. По причине их зажиточности, а также согласно циркуляру казанского губернатора от 29 ноября 1914 г. за № 179, в пособии им было отказано [1, л.105–109]. Жена мобилизованного в армию крестьянина Ф.Поздеева Агриппина Григорьевна, проживавшая в с. Никольское Ядринского уезда, написала прошение о назначении ей пособия. После проведенной летом 1915 г. проверки оказалось, что она не является материально нуждающейся. Ей принадлежали дом стоимостью 250 руб., сарай – 12 руб., амбар – 30 руб., конюшня – 8 руб., мякинница – 10 руб., 2 лошади – 120 руб., корова – 40 руб., бык – 10 руб., 4 овцы – 16 руб., 5 свиней – 25 руб. [II, Л. 5]. Было отказано и С.Алексееву, отцу солдата д. Хоронь-Зор Мало-Яушевской волости Ядринского уезда. В августе 1915 г. в ходе проверки было установлено, что он трудом сына не содержался и имел добротное хозяйство: за ним числились изба стоимостью 60 руб., 2 амбара – 80 руб., 2 конюшни – 40 руб., сарай – 12 руб., лачуга – 20 руб., баня – 15 руб., лошадь – 80 руб., корова – 40 руб., 5 овец – 15 руб., земельный надел – на 2 души, запасов ржи – 20 пуд., овса – 15 пуд., ржаной муки – 15 пуд. [2, л.28–30].

При этом следует обратить внимание и на другое своеобразие крестьянского менталитета, связанное, скорее всего, с завистливой и меркантильной психологией селянина. В случаях нарушения «мира» между односельчанами соседи просителей-мошенников часто становились обличителями об-

мана. К примеру, 20 октября 1915 г. крестьянин с. Карланги Больше-Фроловской волости Тетюшского уезда А. Бызов, 57 лет, просил пособие для себя и 4 своих дочерей, поскольку его сын Петр был мобилизован на войну. Во время проверки односельчане его разоблачили: А. Бызов за счет сына не жил, поскольку тот еще до призыва в армию проживал отдельно со своей семьей, которая и получала пособие [2, л.158–173].

«Принцип действительной нужды» в государственной помощи соблюдался и при назначении пенсий демобилизованным по потере трудоспособности. Пособие назначалось лишь в том случае, когда годовой доход превышал размер годовой пенсии. Часто крестьяне пытались обойти и данное ограничение. К примеру, отставной солдат из с. Борисоглебское Каймарской волости Казанского уезда Е.Д. Ивашов неоднократно писал губернатору жалобы о несправедливом отказе ему в пенсии по частичной потере трудоспособности. После проверки было установлено, что он имел доход от земли более 50 руб. в год, что превышало размер пенсии в 3 руб. в месяц [3, л.21]. Были случаи, когда солдаты умудрялись мошенническим путем выхлопотать по две пенсии. К примеру, крестьянину д. Большой Куюк Куллекиминской волости Царевококшайского уезда Г. Фазлееву по постановлению от 27 февраля 1917 г. была назначена пенсия в 168 руб. в год, а через месяц и вторая. Только после проверки казенной палаты был обнаружен подлог [3, л.12].

В связи с нехваткой рабочих рук в деревне государство с 1915 г. начало выделять для сельскохозяйственных работ машины, инвентарь, направлять работников в нуждающиеся семьи крестьян, мобилизованных в армию. Попытки обмана и подлогов обнаруживались и в прошениях об оказании

трудовой помощи. К примеру, в июле 1915 г. 25 солдаток с. Никольское Ядринского уезда обратились в Казанское губернское присутствие с прошением о помощи при обработке полей и уборке урожая. Уездный комитет, изучив имущественное и семейное положение, постановил помочь сельскохозяйственными машинами только 3 солдаткам из 25, 22 – отказать в связи с наличием в хозяйствах достаточного количества земледельческого инвентаря и трудоспособных работников [2, л.3–4].

Несмотря на особую бдительность местных властей при назначении пособий, во многих официальных документах говорилось о большой растрате денежных средств не по назначению. Это было связано с различными мошенническими схемами получения пособий и пенсий, в дележе которых активное участие принимала не только сельская верхушка, но и чиновники различного звена. В «Особом журнале Совета Министров» отмечалось, что часто волостные и уездные попечительства неправильно трактуют закон от 25 июня 1912 г. Известны случаи, когда «за одного призванного семье его назначалось из казенных средств пособие (до 30 руб. в месяц), превышающее значительно сумму, которую он не только когда-либо давал своим близким, но и сам зарабатывал» [4, с.211]. В этом деле, скорее всего, были замешаны местные чиновники, которые имели определенную долю.

Таким образом, в кризисные для сельского хозяйства военные годы семьи крестьян, призванных в армию, и солдаты, получившие различные увечья, остро нуждались в государственных пособиях и пенсиях. В Казанской губернии многим солдатам и их семьям власти часто отказывали в получении положенных им по закону пособий и пенсий. В годы войны

активизировались теневые дельцы, которые при поддержке чиновников различными мошенническими способами участвовали в дележе военных пособий и пенсий, не принадлежавших им по праву. Борьба правительства и его контрольных финансовых органов с этим негативным явлением

была непоследовательной и имела своеобразный (пассивный) характер, поскольку на местах царил чиновничий произвол. Несмотря на то, что с каждым годом сумма пособий и пенсий увеличивалась, в жизни крестьян-фронтовиков и их семей существенных улучшений не произошло.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Татарстан. Ф.99. Оп. 1. Д. 675.
2. Там же. Д. 676.
3. Там же. Ф.304. Оп.1. Д.2321.
4. *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914 г. – Вильнюс, 1915. – 700 с.

Аннотация

В статье рассматриваются основные формы государственной помощи солдатам – участникам Первой мировой войны и их семьям. Показаны основные формы мошенничества и подлога при получении военных пособий и пенсий в Казанской губернии и эффективность борьбы государственных структур с проявлениями «крестьянской хитрости».

Ключевые слова: Казанская губерния, Первая мировая война, крестьянство, государственная помощь, пособие, пенсия, трудовая помощь, мошенничество.

Summary

This article discusses the basic forms of government assistance to soldiers - the participants of the First World War and their families. The basic forms of fraud and forgery in obtaining military benefits and pensions in Kazan Province and effectiveness of government structures struggle against manifestations of a «peasant cunning» are shown.

Key words: the Kazan Province, the First World War, the peasantry, state aid, benefit, pension, employment assistance, and cheating.

УДК 32(092)

ОТСТАИВАЯ КОРЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И СУВЕРЕННЫЕ ПРАВА НАРОДОВ (штрихи к портрету Бяшима Кульбешерова)

*Мурадгелди Соегов, академик АН Туркменистана,
профессор, доктор филологических наук*

Простой просмотр названий принятых документов высшими государственными органами бывшего СССР, просуществовавшего в период с 1922 по 1991 г., показывает, что в двадцатые годы прошлого столетия практически отсутствовали документы Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) или Совета Народных Комиссаров (Совнарком, СНК) СССР, принятые совместно с высшим исполнительным органом стоящей тогда у власти партии – Центральным Комитетом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) [ЦК ВКП(б)]. Начало появления совместных документов относится к тридцатым годам. Тем не менее в них партийному органу отводилось второе место, ибо его название следовало после названия соответствующего государственного органа. Начиная с шестидесятых годов в совместно принятых документах партийные боссы из КПСС [бывшая ВКП(б)] не хотели уступать даже формально, и ЦК КПСС начал занимать главенствующее положение в отношении высших органов государства и правительства страны. Как известно, КПСС в последующем конституционно провозгласила себя «руководящей и направляющей силой советского общества». Будучи в первой половине восьмидесятых годов прошлого столетия ответственным работником

Ашхабадского обкома партии, автору этих строк неоднократно приходилось быть свидетелем, как текст Указа по награждению кого-либо Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Туркменской ССР – единственной правительственной наградой союзной республики – утверждался постановлением Бюро ЦК Компартии Туркменистана, не говоря уже о выборе кандидатуры самого награждаемого и других многочисленных вопросах, связанных с повседневной жизнью общества. Проведенный выше краткий экскурс в недавнюю историю по одному из важных и концептуально связанных с темой нашей статьи вопросов позволяет утверждать, что в двадцатые годы прошлого века органы Советской власти имели какую-то самостоятельность в решении конкретных вопросов управления государством и обществом, хотя рычаг определения общего курса, выработки стратегии дальнейшего развития страны всегда находился в руках партийных органов и их функционеров. Именно во второй половине двадцатых годов происходила многогранная деятельность Бяшима Кульбешерова (1898–1938) в Москве на посту Секретаря Совета Национальностей Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), который непосредственно занимался вопросами национального устройства наро-

дов, населявших тогдашнюю общую огромную страну.

Согласно данным небольшой статьи «Гулбешеров Бяшим», помещенной во 2-м томе (1979 г.) десяти томного издания «Туркмен Совет Энциклопедиясы», он занимал должность Секретаря Совета Национальностей Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР с 1925 по 1931 г., то есть в течение более пяти лет [1, с. 395–396]. Необходимо также отметить, что в русскоязычных первоисточниках фамилия Бяшима Кульбешерова имеет еще такое написание: Кульбишеров и Куль-бешерев.

Уроженец села 1-е Геокче (Гөкже) Мервского (ныне Мары) уезда Туркменистана Бяшим Кульбешеров сначала окончил русско-туркменскую школу, а затем обучался в высшем общеобразовательном училище в г. Мары. Его наставником в школе был первый туркменский писатель-публицист и видный просветитель Мухаммедкули Атабаев (1885–1916) – выпускник Ташкентского учительского семинария 1908 г. [см.: 2]. Идя по стопам своего школьного наставника, безвременно скончавшегося на 31-м году жизни, Б.Кульбешеров в 1918–1921 гг. начал работать учителем в школе, а

затем трудился инспектором уездного отдела народного образования. Но его дальнейшая судьба была связана с руководящими должностями в существовавших органах управления тогдашней власти. В 1921–1924 гг. он поочередно занимал должность председателя Тохтамышского волостного, Мервского уездного и Туркменского областного исполнительного комитета Советов [3]. После образования в 1924 г. Туркменской ССР (ТССР) он в феврале 1925 г. назначается первым народным комиссаром (министром) внутренних дел республики [4]. Одновременно решением Первого Все-туркменского съезда Советов избирается делегатом на Всесоюзный съезд Советов и назначается Постоянным Представителем Туркменистана при Совнаркоме СССР. После освобождения от должности Секретаря Совета Национальностей ЦИК СССР (1931 г.) его второй раз назначают Постоянным Представителем Туркменистана в Москве, где работал в последующем в 1931–1932 гг. Затем он до конца своей жизни продолжает работать в самом аппарате ЦИК СССР. В период «большого террора», а именно 28 марта 1938 г. [см.: 5], 40-летний Бяшим Кульбешеров стал одной из многочисленных безвинных жертв сталинского режима. В эти годы было уничтожено много других видных туркменских руководителей и представителей национальной интеллигенции, которые представляли цвет нации того периода: первый Председатель Совнаркома Туркменской ССР Кайгысыз Атабаев (1887–1937), первый Председатель ЦИК республики Недирбай Айтаков (1894–1938), секретари ЦК Компартии Туркменистана Халмурад Сахатмурадов (1898–1938), Анна Мухаммедова (1900–1938), Председатель ЦИК республики Батыр Атаев (1901–1938), Сейитмурад Овезбаев (1889–1937), Оразмаммед Вепаев

(1885–1937), Курбан Сахатов (1905–1938), Кумушали Бориев (1896–1937), Аллакули Караханов (1892–1938), Шемседдин Керими (1893–1937) и др. [см. еще: 6, с. 327–338].

В отличие от Председателя ЦИК Туркменской ССР Недирбая Айтакова, который, согласно Конституции СССР, как и Председатели ЦИК других союзных республик, каждый год приезжал в Москву и в порядке составленной ранее очередности в течение определенного времени выполнял обязанности Председателя ЦИК СССР. Секретарь Совета Национальностей Бяшим Кульбешеров практически был единственным туркменом, занимавшим высокий пост в союзном руководстве на постоянной основе.

Ниже на материале обнародованных в последнее время по Интернету архивных документов предпринята попытка путем сочетания хронологической последовательности событий с тематическим группированием выявленных фактических данных восстановить отдельные эпизоды деятельности Б. Кульбешерова на посту Секретаря Совета Национальностей ЦИК СССР. Конечно, тогда еще никто не смог предвидеть ужасы и представлять масштабы как будущих массовых репрессий людей, так и депортации (насильственное переселение) народов, запланированной позже политическим руководством страны и осуществленной в основном во второй половине тридцатых и первой половине сороковых годов XX века. Укажем некоторые из официальных документов, принятых высшими руководящими органами, по данному вопросу: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21.08.1937 г. за № 1428–326сс «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края», Постановление СНК СССР от 29.12.1939 г. за № 2122–617сс «О депортации поль-

ских спецпереселенцев-осадников из западных областей Украины и Белоруссии», Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12.08.1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. все рычаги управления как на фронтах, так и в тылу перешли в руки Государственного Комитета Обороны, и депортации народов в дальнейшем проводились с непосредственным участием данного органа военного времени. Насильственному переселению подвергались: карачаевцы (2 ноября 1943 г.), чеченцы и ингуши (23 февраля 1944 г.), балкарцы (8 марта 1944 г.), крымские татары (18 мая 1944 г.), месхетинские турки (14 ноября 1944 г.) и ряд других народов. Все это предпринималось во имя светлого будущего многонационального советского народа – «новой общности людей». В этом и заключается пагубность принципа «цель оправдывает средства». К счастью, Секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР Б. Кульбешеров не участвовал и не мог участвовать в этих жестоких деяниях против народов, ибо он был смещен с занимаемой должности еще в 1931 г., а затем репрессирован и, как уже знаем, расстрелян в марте 1938 г.

Как известно, согласно Конституции СССР 1924 г., Совет Национальностей ВЦИК, являясь одной из двух палат (другая – Союзный Совет), сыграл немаловажную роль в решении сложных межнациональных проблем того периода, который характеризуется небывалым ростом количества вновь создаваемых разнообразных государственных и национально-территориальных образований сначала в составе РСФСР, а затем в составе СССР. Можно не сомневаться, что Секретарь Совета Б. Кульбешеров всегда находился в центре этих судьбоносных событий в новейшей истории народов, о

чем отчасти свидетельствуют приводимые ниже факты.

Вот Постановление ЦИК СССР от 21 мая 1925 г. «Об образовании Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР», которое содержит списки утвержденных членов (27 чел.) и кандидатов в члены (22 чел.) Президиума ЦИК СССР. Среди членов Президиума, который является рабочим органом в период между предыдущей и последующей сессиями ЦИК, избранного III Всесоюзным съездом Советов, вместе с Юлдашбаем Ахунбабаевым, Хафизом Кушаевым, Газанфаром Мусабековым, Файзуллой Ходжаевым и некоторыми другими представителями национальной интеллигенции тюркских народов присутствуют три туркмена: Недирбай (в документе Нетырбай) Айтаков, Кайгысыз (в документе ошибочно Кайхасиз) Атабаев и Бяшим Кульбешеров [7]. Как известно, Постановлением III Всесоюзного съезда Советов в мае 1925 г. были приняты в состав СССР вновь образованные Туркменская ССР и Узбекская ССР.

Б. Кульбешеров наряду с Самадагой Агамали-Оглы, Акжемал Ходжаевой, А. Асанавили, Зейнап Курт-Еминь, А. Икрамовым, Мамед-Керимом Софи-Оглы, Ф. Махарадзе, Мусратуллой Максумом и другими был избран в президиум IV Всесоюзного съезда Советов, проходившего в апреле 1927 г., и во время заседаний участвовал в организации и коллективном руководстве работой съезда [8]. Необходимо также отметить, что он был делегатом II Всесоюзного съезда Советов, заседавшего еще в январе – феврале 1924 г. [9].

Будучи членом партии с 1920 г. (по другим сведениям – с 1921 г.), Б. Кульбешеров неоднократно был делегирован со стороны ЦИК СССР на высшие партийные форумы. К примеру, он участвовал в качестве делега-

та в работе XV съезда (2–19 декабря 1927 г.) и XVI конференции (23–29 апреля 1929 г.) ВКП(б) [10; 11] и, надо полагать, вместе с некоторыми другими делегатами отстаивал по мере своих возможностей позицию Совета Национальностей ЦИК СССР в выработке продуманной и взвешенной национальной политики партии.

Б. Кульбешеров одновременно занимался большой практической деятельностью по данному направлению. На его плечи выпало составление планов соответствующих работ и затем их выполнение. Об этом свидетельствует тот факт, что в журнале «Советское строительство» (1927, № 17) за его подписью напечатано сообщение «О плане работ Президиума Совета Национальностей на декабрь 1927 – июль 1928 г.» [12].

В непосредственном подчинении ЦИК СССР и его Президиума, наряду с другими комитетами и комиссиями, находились: Всесоюзный комитет нового алфавита; Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями; Комиссия по улучшению труда и быта женщин; Комитет по земельному устройству трудящихся цыган; Комитет по земельному устройству трудящихся евреев, а также Институты красной профессуры, востоковедения, литературы им. Горького, живых восточных языков, ряд музеев и т.п. [13]. Работу указанных учреждений курировали в основном Совет Национальностей и его Президиум. В 1925–1926 гг. Б. Кульбешеров непосредственно руководил работой Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями, который назывался тогда Комитетом по заведованию ученой, учебной и литературно-издательской частью учреждений ЦИК СССР [см.: 14]. Одним из практических итогов работы тех лет является издание в 1927 г. в Москве «Альманаха художественной литературы и искусства

народностей СССР» под общим названием «Советская страна» [см.: рис. 1], ответственным редактором которого выступил Б. Кульбешеров совместно с Санджаром Джафаровичем Асфендиаровым (1889–1938) – виднейшим казахским государственным и общественным деятелем и ученым.

Принимая активное участие в подготовке, а также самой работе Первого Всесоюзного тюркологического съезда (Азербайджан / Баку, 26 февраля – 6 марта 1926 г.) уже в качестве делегата, Б. Кульбешеров [см.: 15, с.86–89] в последующем упорно трудился по организации выполнения решений съезда, особенно по части внедрения в языковую практику нового алфавита на латинской графической основе. Например, во 2-й книге сборника «Культура и письменность Востока» за 1928 г. (в 1928–1931 гг. Всесоюзный Центральный Комитет нового тюрк-

ского алфавита – ВЦКНТА при ЦИК СССР издал всего 10 книг данной серии) [см.: рис. 2] опубликована его статья «Итоги 2-го пленума Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита и очередные задачи дела введения этого алфавита», которая наряду с некоторыми другими статьями автора (журнал «Новый Восток», 1927, том 19 и др.) по настоящее время служит источником необходимых материалов по данной теме при выполнении кандидатских и докторских диссертаций [16; 17]. Ими пользуются аспиранты и соискатели не только в Российской Федерации, но и в других странах СНГ, в частности, на Украине (например, работы докторанта Б.В. Змерзлого, аспирантки Л.П. Войналович и др.) [см.: 18; 19].

Во введении к «Атласу Союза Советских Социалистических Республик», изданному ЦИК СССР в 1928 г.

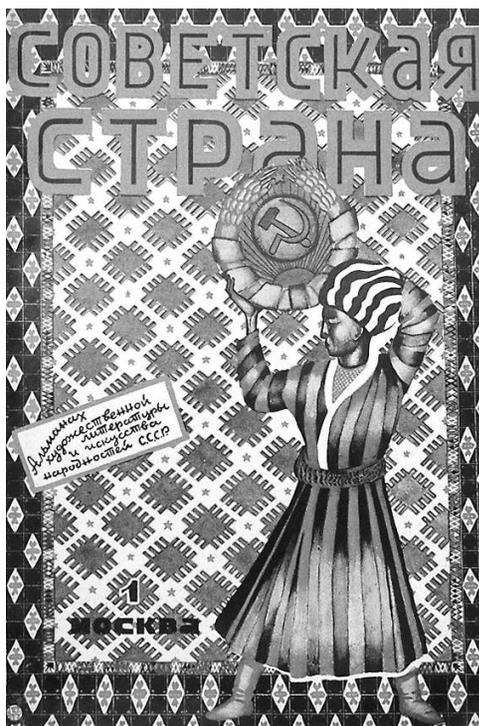

Рис. 1. Альманах, изданный в 1927 году в Москве под редакцией С.Дж. Асфендиарова и Б.К.Кульбешерова

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО
ТЮРКСКОГО АЛФАВИТА.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА

Книга V

ИЗДАНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
НОВОГО ТЮРКСКОГО АЛФАВИТА

Рис. 2. Пятый выпуск периодического сборника ВЦКНТА, изданного в 1928–1931 гг.

и состоящему из 35 карт, от имени редколлегии написано: «Общее руководство изданием Атласа СССР постановлением Президиума ЦИК СССР от 10/X 1923 г. поручено редакционной комиссии, работавшей в составе: А.С. Енукидзе (председатель), М. Павловича (Вельтмана) и К.Д. Егорова; в работе комиссии приняли участие Бяшим Кульбешеров, Васильевский (ТССР), Дашевский и Мембурнутов (УССР), Исаханян (ЗСФСР), Устабаев (УзССР) и И.Н. Винокуров. Техническое выполнение работ было поручено Картоиздательству Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР» [20]. Усилиями Б. Кульбешерова и других ответственных лиц в Атлас вошли подробные и точные карты Туркменской ССР, Узбекской ССР, Башкирской АССР, Крымской АССР, Татарской АССР, Чувашской АССР, Якутской АССР, а также тогда еще автономных Казахской АССР (с Каракалпакской Автономной Областью) и Киргизской АССР, других национально-территориальных образований.

Превосходно владея своим родным туркменским, а также русским и некоторыми другими языками, Б. Кульбешеров часто выступал связующим элементом между представителями разных народов в решении важных вопросов. Приведем один пример из сложившейся подобной ситуации. 31 мая 1929 г. на заседании Комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока при Президиуме ЦИК СССР был заслушан доклад ЦИК УзССР о практике проведения в жизнь законодательства по бытовым преступлениям, с которым выступила на узбекском языке Джяхон Абидова. Б. Кульбешеров синхронно перевел ее большой доклад на русский язык. Таким образом, в стенограмму данного заседания текст доклада Дж. Абидовой был включен и сохранился по

настоящее время в русском переводе Б. Кульбешерова [21]. Обращает на себе внимание Докладная записка народного комиссара по просвещению СССР А.С.Бубнова «О ходе подготовки выборов во Всесоюзную Академию наук», отправленная 9 января 1932 г. в ЦК ВКП(б) лично И.В. Сталину. В ней затрагиваются вопросы, связанные с предстоящими выборами, в частности, предлагается список кандидатур для избрания действительными членами академии. В конце записки указано, что «Комиссия по выборам из представителей союзных республик сконструирована в следующем составе: 1) Луппол (от РСФСР), 2) Минкевич (от УССР), 3) Горин (от БССР), 4) Махарадзе Ф. (от ЗСФСР), 5) Шмидт О.Ю. (от Узбекистана), 6) Мартенс (от Казахстана) и 7) Кульбишерев (от Туркмении)» [22].

Автор записки также просит «поставить вопрос о ходе подготовки к выборам в ВАН на ближайшем заседании ПБ и утвердить решения Комиссии по руководству, предложив Культпропу ЦК, Московскому, Ленинградскому горкома и ЦК КП(б)У развернуть кампанию по проведению очередных выборов». Вопрос «О выборах во Всесоюзную Академию наук» действительно 23 января 1932 г. был рассмотрен на заседании Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б) и было принято соответствующее решение [см.: 22]. Из этого документа следует, что Б. Кульбешеров (Кульбишерев) после освобождения от должности Секретаря Совета Национальностей, работая в аппарате ЦИК СССР, определенное время продолжал участвовать в решении ответственных задач, какими являются подготовка и проведение выборов в состав Академии наук страны.

В заключение следует констатировать, что Бяшим Кульбешеров, занимая сначала ответственную должность Секретаря Совета Национальностей,

а в последующем работая в аппарате ЦИК СССР, в 1925–1937 гг. в течение почти семнадцати лет прямо или посредственно, в той или иной степени активности занимался насущными национальными вопросами, от успешного решения которых порою зависели дальнейшие судьбы народов страны в целом, того или иного конкретного народа в частности.

Как показывают кратко описанные выше отдельные эпизоды из проведенных Б. Кульбешеровым работ, его многогранная научно-организационная и практическая деятельность заслуживает того, чтобы в будущем на

основе анализа архивных материалов стать темой большого самостоятельного исследования с целью выявления характерных особенностей национального развития народов во второй половине двадцатых и начале тридцатых годов прошлого столетия в составе единого государства. Необходимо особо отметить, что государственные образования многих из этих народов в начале девяностых годов XX века получили независимость или суверенитет (в составе Российской Федерации) и встали на путь бурного экономического развития и процветания национальных культур.

Литература и источники

1. Түркмен Совет Энциклопедиясы. Том 1. Ашгабат, 1979.
2. *Söyegov M.* 1910'lu Yıllar: Az Bilinen Türkmen Ceditçi Yazar ve Makaleleri // *Zeitschrift für die Welt der Türken (ZfWT)*, 2009, Vol. 1, No. 1.
3. Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза 1898–1991. <http://www.knowbysight.info/KKK/00710.asp> (11.10.2013).
4. Руководители НКВД-МВД союзных республик СССР. Руководители органов внутренних дел союзных республик (1917–1991) <http://forum.mozohin.ru/index.php?topic=148.0;wap2> (11.10.2013).
5. Сталинские списки http://archive-gu.com/ru/m/memo.ru/2013-07-04_2394125_64%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8/ (12.10.2013).
6. *Soyegov M.* *Türkmen Ceditçi Yazarlar // Gazi Türkiyat Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi.* Güz. Ankara, 2010.
7. Постановление ЦИК СССР от 21.05.1925 об образовании Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР <http://russia.bestpravо.ru/ussr/data04/tex16903.htm> (12.10.2013).
8. Архівстарих газет. Відкрився IV Всесоюзний їзд рад. Вісті ВУЦВК, 1927 рік, 19 квітня <http://oldnewspapers.com.ua/node/409> (15.10.2013).
9. Список делегатов II съезда Советов СССР с решающим голосом <http://www.rusempire.ru/spiski-deputatov/spisok-delegatov-ii-s-ezda-sovetov-sssr-s-reshayuschim-golosom.html> (15.10.2013).
10. Стенографический отчет XV съезда ВКП(б) http://nglib-free.ru/book_view.jsp?idn=002414&page=1526&format=html (14.10.2013).
11. Делегаты XVI конференции ВКП(б) 23–29.4.1929 <http://archive.is/gtXLb> (14.10.2013).
12. *Кульбешеров Б.* О плане работ Президиума Совета Национальностей на декабрь 1927 – июль 1928 г. // Советское строительство, 1927, № 17.
13. Всесоюзные Съезды Советов СССР и Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР) 1922–1938 <http://www.rusempire.ru/verhovnyu-socket-sssr/vsesoyuznye-s-ezdy-sovetov-sssr-i-tsentralnyu-ispolnitelnyu-komitet-sssr-tsik-sssr.html> (14.10.2013).

14. *Стрекопытов С. П.* Организация управления наукой СССР в условиях складывания тоталитарного режима (20–30-е годы). Автореферат докторской диссертации по истории, специальность ВАК РФ 07.00.02. Москва, 1992.

15. *Соегов М.* Об участии туркменской делегации в работе Первого Всесоюзного тюркологического съезда (г. Баку, 26 февраля – 6 марта 1926 г.); Б.Э. Бердиев о туркменском алфавите // Проблемы востоковедения, № 1 (59). Уфа, 2013.

16. *Дмитриева И.В.* Этнические меньшинства Московской области в XX веке. Автореферат кандидатской диссертации по истории, специальность ВАК РФ 07.00.02. Москва, 2010.

17. *Базарова В. В.* Латинизация бурят-монгольской письменности: опыт культурно-исторической модернизации в 1920–1930 гг. Автореферат докторской диссертации по истории, специальность ВАК РФ 24.00.01. Улан-Удэ, 2006.

18. *Змерзлий Б.В.* Розвитоксистемипросвітикримськихтатар у Кримській АРСР (1921–1941) (нарис з науковогодослідження) [http://cidct.info/uk/studii/3-4\(06\)/2.html](http://cidct.info/uk/studii/3-4(06)/2.html) (16.10.2013).

19. *Войналович Л.П.* Розвитокнаціональноїосвіти у полікультурному середовищі України в 20–30-х роках XX століття<http://eprints.zu.edu.ua/720/1/1/07/vlprno.Pdf> (16.10.2013).

20. Атлас СССР http://wolgadeutsche.net/bibliothek/Atlas_UdSSR_1928.htm#REDKOL (11.10.2013).

21. Из стенограммы заседания Комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока при Президиуме ЦИК СССР о проведении в жизнь законодательства по бытовым преступлениям <http://pavelkaz.ru/1444.html> (14.10.2013).

22. АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 123. Л. 88–89об.; Протокол № 85, п. 12. Д. 869. Л. 4 <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/an/71.htm> (12.10.2013).

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные факты из жизни и деятельности Секретаря Совета Национальностей ВЦИК Бяшима Кульбешерова (1898 – 1938) на фоне национального устройства народов, населявших во второй половине двадцатых годов прошлого века тогдашнюю общую нашу страну. Освещается ряд вопросов, связанных с развернувшимся в ту пору языковым строительством, а также культурой и наукой.

Ключевые слова: высшие органы власти, Совет национальностей, совместные постановления, национальная политика.

Summary

This article discusses some facts about the life and activities of Byashim Kulbeshero (1898–1938) the Secretary of the Central Executive Committee of Nationalities on the background of national system of peoples who inhabited our general country in the second half of the twenties of the last century. A number of issues related to unfold at that time language engineering, culture and science are reported.

Keywords: highest authorities, the Council of Nationalities, joint resolutions, national policy.

УДК 792.02

СПЕКТАКЛИ О ДЖАЛИЛЕ И ДЖАЛИЛОВЦАХ В ТЕАТРЕ ИМЕНИ Г. КАМАЛА

*М.Г. Арсланов, доктор искусствоведения,
профессор, член-корреспондент АН РТ*

Историческое прошлое народа, жизнь и судьба его выдающихся людей всегда интересовали деятелей художественной культуры. Великолечно понимающие то, что без истории нет настоящего и будущего, они в своих произведениях не только отражали события давно минувших лет, но и через них пытались отразить современные проблемы, искали нити, связывающие сегодняшний день и прошлое. Однако тесно связанная с воспитанием национального самосознания область творчества почти всегда оставалась наглухо закрытой в системе тоталитарного режима. Даже единичные прорывы в негласно запретную зону вызывали раздражение партийно-чиновничьей бюрократии и серьезные жизненные осложнения осмелившегося нарушить неписанные законы строптивого художника.

Спектакль «Муса Джалиль» Н.Исанбета, поставленный в ТГАТ им. Г.Камала режиссером-дипломником ГИТИС им. А.В.Луначарского П.Исанбетом в 1957 г., явился прямым следствием процесса обновления, начатого в национальном сценическом искусстве после XX съезда КПСС. Ибо без определяющих установок партийного съезда в обстановке тотального идеологического контроля постановка спектакля о национальном герое татарского народа, поэта-гражданине, Герое Советского Союза Мусе Джалиле была бы невозможной.

Оно и понятно. В стране только-только разворачивался процесс реабилитации невинно осужденных людей. А в жизни и подвиге Мусы Джалиля по-прежнему было много неясного.

Еще в 1946–1947 гг. до Татарстана дошли «Моабитские тетради» поэта, ушедшего на фронт в начале 1942 г. Пришла и весть о его трагической гибели от рук гитлеровских палачей. Но лишь в 1957 г., после тщательных проверок и долгих, упорных исследований, анализа каждого поступка Мусы Джалиля в тылу врага, имя поэта было возвращено народу. Его подвиг получил мировую известность, пламенные стихи поэта, написанные в застенках фашистских концлагерей, разрушив все преграды и бюрократические препоны, вышли на широкий, общечеловеческого масштаба простор.

Первым произведением о Мусе Джалиле, написанным по самым горячим следам, стала драма «Бессмертная песня» Ризы Ишмурата¹. Через год вышла трагедия Н.Исанбета «Муса Джалиль», далее шли книги Гази Кашшафа, Шайхи Маннура, исследования Рафаэля Мустафина.

На сцене ТГАТ им. Г.Камала была поставлена трагедия Н.Исанбета. Трудно сейчас определить, кто диктовал выбор пьесы именно этого автора. Видимо, художественные качества трагедии больше устраивали членов художественного совета театра. Не

последнюю роль, очевидно, сыграли и родственные отношения. Пьесу отца ставил сын – выпускник режиссерского факультета ГИТИС им. А.В.Луначарского.

Н.Исанбет жанр произведения определил как трагедию. Однако даже после первого беглого ознакомления с пьесой стало ясно, что к ней нельзя подойти с традиционными мерками, относящимися к данному жанру. Дело в том, что автор сознательно отошел от канонов традиционной трагедии и пошел по совершенно новому неповторимому пути первооткрывателя. С первых же картин он решительно отказался от монументального построения действия и поставил в центр произведения не масштабного, романтизированного героя трагедии, а простого, очень земного, узнаваемого, доступного человека, поэта, способного на высокие чувства и на сильные душевные порывы. Новый тип героя в драматической коллизии не требовал исключительных поступков и из ряда вон выходящих событий. Но в решительную минуту, поставленный перед его величием Выбором герой был способен на решительные поступки, влияющие не только на его собственную судьбу, судьбу его товарищей по оружию, но и, возможно, на судьбу всей страны. Так родился новый тип современной трагедии, судя по применяемым средствам выразительности, по приемам, использованным автором, и, наконец, по новому типу главного героя, весьма близкой к героической драме.

Молодой режиссер точно ощутил жанровое своеобразие драматургического материала и старался отыскать идентичные средства выразительности режиссуры. Работая с художником, он остановился на «фрагментарном» решении сценического пространства, на типе оформления, не чужающийся ни бытовой детализации, ни услов-

ности обобщения. В спектакле обычно сцена погружалась во мрак. (Этому способствовали и темная «одежда» сцены). И из темноты лучи прожекторов выхватывали то уголок квартиры Джалиля в Казани, то нары немецкого концлагеря Моабит, то широкую прихожую в комендатуре, то камеру смертников, а то и просторный зал в особняке Альбиковых в Берлине. В каждом отдельном случае на подмостки выносились лишь самые необходимые вещи и устанавливался минимум мебели.

Спектакль начинался и, как ни странно, целый акт Мусы на сцене не было. Автор, а за ним и молодой режиссер довольно подробно анализировали жизнь и образ мышления Забиха Альбикова – одного из будущих идейных противников Джалиля. Нельзя сказать, что режиссер, а вместе с ним и актеры очень тенденциозно подошли к изображению своих героев. Хотя они, в подавляющем большинстве сценического времени, были весьма несимпатичны исполнителям, законы психологического реализма диктовали ровное, непредвзятое отношение. Помня высказывание К.С.Станиславского о том, что, играя злого, необходимо искать, где он добрый, создатели спектакля старались найти краски, «утепляющие» образы. По отношению к таким персонажам, как старуха Газиза, сделать это было нетрудно. Всю жизнь прожившая на чужбине воспоминаниями о родной земле, Газиза (М.Сулва) и так, казалось бы, вся светилась изнутри, и от нее как бы исходили невидимые лучи. Труднее было этого добиться с такими персонажами, как Забих Альбиков, его сын Фердинанд-Фарид. В самых критических ситуациях в дело «пускалось» актерское обаяние таких мастеров, как Х.Уразиков, Д.Ильясов. Тогда в спектакле дополнительно возникла тема несоответствия внешней

обаятельности и внутренней пустоты человека.

Основной деталью оформления первой картины явился огромный бюст фюрера на высоком постаменте, причем поставленный на видном месте. Центром многих мизансцен, режиссерских комбинаций становился именно он. Гитлер как бы с высоты наблюдал за всеми происходящими событиями дома Альбековых и задавал зловеще казенный тон его атмосфере. Это перед ним вел хозяин дома свои честолюбивые разговоры об огромных пространствах далекой России, о несметных богатствах неведомого края, о марках, фунтах стерлингов, долларах и, наконец, о необходимости оккупации страны большевиков. Эти его планы разоблачали перед зрителем человека, спекулирующего на национальных чувствах и стремящегося под флагом фашизма обеспечить себе и членам своей семьи огромные барыши. Перед бюстом Гитлера маршировал и выпендривался сын Альбекова Фердинанд – садист и неврасстеник, лелеющий мечту о том, как на чужой крови добиться высоких военных чинов и материального достатка. Этот же бюст покрывала платком ненавидящая Гитлера старуха Газиза перед задушевым разговором с сыном: о родной земле, годах юности, первых робких чувствах, проснувшихся в душе молодой девушки, и в конце разговора, о советском паспорте, дающем ей право умереть на родной земле.

В оформлении почти каждой картины спектакля имелись точно такие же детали, становящиеся центрами внимания действующих лиц. Во второй картине первого акта таким центром стала, к примеру, детская кроватка за ширмой, где лежала больная дочь поэта. Все свои мысли Муса как бы проводил через нее, поступки сверял с отношением к чрезвычайно

дорогому ему человеку. В картине барака немецкого концлагеря центральной деталью оформления стало единственное окно, изрешеченное железной арматурой. В четвертой картине второго действия, рассказывающей о событиях в немецкой комендатуре, центром внимания вновь стал образ Гитлера, на этот раз воплощенный в большом портрете на стене. Эти же детали по ходу развития событий становились пластическими центрами мизансценических построений режиссера и активно помогали в создании особой атмосферы каждой картины спектакля, что было особенно важно для молодого постановщика.

Здесь уже говорилось о тревожной атмосфере берлинского особняка Альбековых. Во второй картине спектакля казенно-бюрократической системе взаимоотношений дома татарского эмигранта, где идет тотальная слежка друг за другом и царит всеобщее недоверие, режиссером П.Исанбетом противопоставлялись чистота и уют семейного очага, особо теплые, доверительные отношения между членами семьи и пришедшими в дом друзьями, знакомыми поэта. Однако в спектакле введенная как контрапункт атмосфера идиллического семейного согласия оказалась весьма хрупкой и недолговечной. Она быстро разбилась о жесткие, конфликтные отношения узников концлагеря и их мучителей. Лишь изредка маленькими штрихами вводилась в спектакль лирическая тема – влюбленная пара Гульчира и Ильстан. Ее поддерживало чуткое, дружеское, бережное отношение подпольщиков.

От картины к картине все больше обострялось противостояние между подпольщиками и их «хозяевами». Оно достигло своего апогея в сцене идейного поединка между Мусой Джалилем и идеологом фашизма рейхслейтером Розенбергом. И Джалиль, и Розенберг – сильные, убежденные в

своей правоте люди. Каждый из них самоотверженно борется за свои идеалы. Однако социальное положение борющихся сторон различно – один томится в неволе, ведет огромную подпольную работу, другой же наделен всеми привилегиями власти. Несмотря на все это, Муса (Ф.Халитов) спокоен, смел и непреклонен. А в поведении Розенберга (Ф.Кульбарисов) нет-нет да угадывается внутренняя неуверенность. Если в игре Мусы (Халитов) зритель почувствовал горячее стремление к победе, несокрушимую веру в свои идеалы, то подобный автомату, жестокий и расчетливый Розенберг (Кульбарисов) по ходу идейного поединка постепенно сдает свои позиции, теряет спокойствие, нервничает. Его попытки убедить Джалиля в том, что его страна раздавлена и что господство фашизма во всем мире неизбежно, всякий раз терпят крах. Страстная убежденность, непоколебимость и вера приговоренного к смерти поэта в грядущую победу своей страны заставили отступить всевластного и всевластного Розенберга. Н.Исанбет решил сцену поединка предельно лаконично, без лишних эффектов и мизансценических переходов. Актеры же в свою очередь работали так же экономно, были внутренне собраны. Ни одного лишнего жеста! По замыслу постановщика, ничто не должно было отвлекать зрителя от глаз борющихся противников. Именно благодаря точности режиссерского решения и сдержанности, экономности действий исполнителей каждый раз тот или иной эпизод спектакля проходил под напряженным вниманием публики и заканчивался аплодисментами².

Не менее горячие аплодисменты завоевал эпизод казни предателя Бакера. В исполнении К.Гильманова, Бакер – внешне достаточно привлекательный, аккуратный человек. На нем довольно ладно сидит военная форма.

Да и сам он при любых обстоятельствах держится весьма достойно. Но это лишь внешняя оболочка, скрывающая мелкую душонку ничемного человека, его трусость, готовность любой ценой спасти свою душу. Сцена суда над ним, сильнейшая в спектакле, поражала также точностью ритмов, скупой выразительностью оформления, четкой простотой мизансцен.

Суд происходил в тюремной камере, где заключены Муса и его товарищи. Сцена освещена лишь наполовину. В полутьме зловеще отблескивают решетки на окне. Ни у кого нет желания говорить долго. Изменник Родины должен понести заслуженную кару. Единогласным голосованием утвержден приговор. И тогда не выдерживают нервы предателя. Ползая на коленях, он слезно просит о помиловании. Но судьи беспощадны, как беспощаден народ, жестоко и сурово карающий предателей. Именно непреклонность судей, воздающих должное поступкам предателя, и вызвала шквал аплодисментов после казни отступника. Так логически завершилась параллельная тема предательства и наказания, ярко, художественно полноценно утверждающая основную идею спектакля³.

Эпизод казни предателя явился как бы одним из основных эмоциональных пиков спектакля. За ним следовали небольшие сцены передачи Энгелю (А.Губайдуллин) «Моабитских тетрадей» и ухода Джалиля на казнь.

Кульминацией спектакля режиссера П.Исанбета стал финал-эпизод, усиленный средствами выразительности режиссуры и поэтому особенно сильно воздействующий на зрителя. В полной темноте сценического пространства некоторое время звучит лишь нежная, мелодичная музыка, как бы говорящая о призрачности человеческой жизни, бренности людс-

ких страданий. Затем в музыкальное звучание оркестра врываются резкие призывные ноты духовых, усиливается дробь барабанов и литавр. Сцена погружается в кроваво-красное зарево. На горизонте обозначаются контуры Моабитской тюрьмы. Центр сцены занимает эшафот, по четырем углам которого с факелами на руках стоят часовые. Постепенно все лестничные площадки, проходы, окна тюрьмы заполняются арестантами в полосатых пижамах. И когда дробь ударных достигает наибольшей силы, на эшафоте появляется Джалиль. В наручниках, на плечо наброшена черная мантия. Поэт на свою последнюю высоту поднимается не спеша, с гордо поднятой головой. И вот палач сдергивает с него мантию. С достоинством, с чувством исполненного долга начинает читать поэт свои прощальные стихи. Огненные строки высокой поэзии беспощадно жалят палачей. В бессильной истерике они пытаются остановить поэта. Однако он продолжает с новой силой.

*«Пусть клятвой предсмертной сердце
В любую стучит погоду.*

Все песни отдал стране я,

А жизнь своему народу!».

Неожиданно последний куплет стиха подхватывает хор арестантов. Усиливаясь во сто крат, песня на стихи Джалиля заполняет все пространство сцены и зрительного зала.

Песни меня учили,

Как жить и как смерть встречать.

И верю я: смерть моя тоже

Будет песней звучать.

Вторая часть куплета сопровождается гулом работы гильотины. По окончании куплета над Мусой проскальзывает тень лезвия механического топора и вся сцена погружается в огненно-кровавый цвет. Однако песня не прерывалась. Ее не могли остановить ни автоматные очереди, ни гул далекой канонады...

Премьера спектакля «Муса Джалиль» прошла 3 ноября 1957 г. Прием и обсуждение постановки художественным советом ТГАТ им. Г.Камала состоялись в тот же день. На обсуждении присутствовали представители Министерства культуры и общественных организаций, ученые-театроведы и драматурги. Многие выступавшие находили режиссерское решение спектакля интересным и оригинальным. Как положительный факт было отмечено стремительное, динамичное развитие действия, наличие в спектакле удачных актерских работ, благодаря чему постановка получила эмоционально насыщенную, глубокой. Естественно, во всем этом была огромная заслуга режиссера-дипломника, успешно применившего на практике полученные в институте теоретические знания.

13 ноября состоялось производственное совещание творческих работников театра, посвященное спектаклю «Муса Джалиль». Основной доклад был сделан тогдашним заведующим литературной частью Х.Кумысниковым. Докладчик также отметил высокую культуру работы молодого постановщика. Анализируя актерские работы, Х.Кумысников на первый план выдвинул образ Мусы Джалиля, созданного Ф.Халитовым. По его мнению, зрителя в образе привлекли правда, органичность, достоверность сценического поведения главного героя. Добиваясь поразительного портретного сходства, актер наделил своего персонажа умным, проникновенным взглядом, быстрой реакцией на все происходящие события, тонким юмором, мечтательностью и мужеством⁴. Действительно, невысокого роста, коренастый, с огромными пытливыми глазами, которые то лукаво смеются, то гневно блестят, Муса Ф.Халитова внешне ничем особо не выделялся среди сво-

их друзей-подпольщиков – Ильстана (Г.Шамуков), Гульгуны (Р.Ахмерова) и др. Но война, плен сделали его вожаком. Экспериментальные условия подпольной работы раскрыли, проявили до нужного момента дремлющие в нем силы и способности. Не случайно старая Газиза с удивительной прозорливостью и истинно народной мудростью угадала в Мусе истинного борца за народное счастье. «При всех актерских удачах в спектакле многие образы заметно тускнеют, как только на сцене появляется Муса Джалиль, – писал об образе поэта А.Соколов во время гастролей ТГАТ им. Г.Камала летом 1958 года. – Постановщик и актер не ставят своего героя на пьедестал. Муса прост и человечен. И эту обыкновенность, эту простоту человеческую Ф.Халитов пронесит через весь спектакль. Тем значительнее, глубже победа, которую одерживает Муса над врагами»⁵.

Однако предложенное П. Исанбетом и Ф. Халитовым решение образа устраивало далеко не всех. Их точку зрения выразили в своих отзывах к спектаклю рецензенты газет «Советская Россия» и «Советская культура» Н.Морозова и А.Громов. В двух совершенно разных газетах они высказали достаточно сходную мысль, что, естественно, не может не привлечь внимание исследователя театра. По их мнению, создавая обаятельный образ страстного патриота, превосходно исполняя сцену, когда Джалиль принимает решение сотрудничать в эмигрантской татарской газете и вступает на представлявшийся ему постыдным, а затем оказавшийся единственно возможным путем скрытой борьбы с врагом, актеру и режиссеру слабее удалось показать Джалиля-поэта, вдохновенного романтика и пламенного агитатора⁶. Стараясь избежать ложной героизации, сторонясь необходимого в случае дра-

матического пафоса, они оставили в стороне истинный романтизм, который, по их мнению, так соответствовал облику Мусы Джалиля. Этому способствовало обилие бытовых эпизодов в спектакле, нарушивших общую героическую его тональность⁷. С этими суждениями тесно смыкается мнение третьего московского критика Г.Кормушиной, утверждавшей, что в постановке не в полной мере использованы лучшие качества актера Ф.Халитова: лиризм, сдержанность, великолепное умение раскрыть «второй план», точная нюансировка душевных движений героя, способность на глубокие чувства и другие. Она также замечала, что некоторые бытовые сцены спектакля, в особенности в доме эмигрантов Альбиковых, заняли непропорционально большое место. Все это, считает она, уведило от главного в сторону, мельчило жанр, переводило действие из трагедийного плана в план социально-бытовой драмы⁸. Оценки образа Джалиля и режиссерского решения драматургического материала Н.Исанбета всеми тремя столичными критиками верны лишь в том случае, если исходить из традиционного аристотелевского понимания жанра трагедии. Но тогда останется в стороне новаторская сущность произведения татарского драматурга, которая предполагает нетрадиционное целостное монументальное решение. Трагическое у Н.Исанбета зарождается в недрах социально-бытовой драмы и лишь к финалу вырастет до подлинных романтических высот. Однако и в первом, и во втором случае катарсис обязателен. Эффект очищения достигается за счет концентрации эмоционального накала актерской игры и, естественно, за счет умелого использования выразительных средств режиссуры.

Очевидно, образ Джалиля можно было бы решить и в традиционном

ключе, в рамках героико-монументальной трагедии, как того требовали столичные критики. Но для этого нужно было бы написать другую пьесу и, возможно, передать роль другому актеру.

В Татарстане постановка трагедии о Джалиле также вызвала пристальный интерес. Прошедшая после триумфального успеха оперы «Джалиль» Н.Жиганова на сцене Театра оперы и балета в мае 1957 г. осенняя премьера в ТГАТ им. Г.Камала тоже стала огромным событием в культурной жизни республики. О спектакле много говорили. Но все же в местной периодической печати о нем написано сравнительно мало. Можно указать лишь одну развернутую рецензию на постановку, достаточно подробно анализирующую данную работу театра. В ней театральный критик Х.Губайдуллин, останавливаясь на актерских образах, дал положительную оценку сценическому оформлению художника М.Сутюшева и эмоционально насыщенной музыке композитора Х.Валиуллина, он приходит к мысли о том, что постановка является этапной на творческом пути ТГАТ им. Г.Камала и что трагедия войдет в золотой фонд национального сценического искусства⁹.

Спектакль держался в репертуаре достаточно долго. Его возили на ответственные гастроли в Москву летом 1958 г., в последующие годы – в соседний Башкортостан и Среднюю Азию. И везде спектакль о героическом сыне татарского народа находил живейший отклик в сердцах зрителей.

В связи с 60-летним юбилеем поэта в 1966 г. ТГАТ им. Г.Камала вновь обратился к трагедии Н.Исанбета. Постановочная группа оставалась без изменений, лишь артист Ф.Халитов на этот раз выступал в качестве второго режиссера. Почти на все основные роли вводились молодые акте-

ры¹⁰. В целом же это было в основном возобновление постановки 1957 г. Естественно, некоторые изменения и поправки были неизбежны. Как-никак прошло уже почти десять лет. Да и новые исполнители во многом по-новому подошли к решению своих образов. Работая с недавним выпускником Щепкинского училища Р.Газетдиновым над ролью Мусы Джалиля, П.Исанбет постарался учесть пожелания московских критиков к этому образу и по мере возможности усилить героико-романтическую линию. И это в некоторой степени ему удалось сделать. Однако при этом молодому актеру явно не хватало той человеческой теплоты, мужественной простоты, органичности и, наконец, жизненного опыта, которые в достатке имелись у Мусы (Ф.Халитов). Аналогичного порядка замечания можно было бы отнести и к Амине (Г.Исангулова), Алишу (Д.Хайруллин) и Янгиру (Х.Залялов).

Со спектаклем «Муса Джалиль» в татарском театре родился новый режиссер, умный, тонко чувствующий, с большим теоретическим багажом и широким кругозором. Отныне П.Исанбету предстояло жить и творить совместно с коллективом Театра имени Г.Камала, который характеризуется как бесценное достояние, как венец сценического искусства татарского народа. Многие ценные качества молодого режиссера были замечены уже во время работы над «Мусой Джалилем». Вот что писалось об этом в отношении, подписанном директором ТГАТ К.Гильмановым и главным режиссером Ш.Сарымсаковым и направленном тогдашнему директору ГИТИС им. А.В.Луначарского А.М.Горбунову: «Умение подбирать актера на роль и работать с ним, верно вскрывать текст, точно определять события пьесы и организовать их на сцене является достоинством молодого-

го режиссера. Творчеству П.Исанбета характерно точное и ясное решение отдельных сцен и компоновать их в единый целостный спектакль исходя из жанра пьесы. Молодой режиссер хорошо владеет композицией мизансцены. Они всегда ясны по мысли и скульптурны по рисунку. Режиссер Исанбет хорошо чувствует ритм, атмосферу; он обладает тонким вкусом. Большую и плодотворную работу П.Исанбет провел с художником и композитором спектакля, вместе с которыми достиг хороших результатов»¹¹.

Как видно, здесь перечислены почти все качества, необходимые для режиссерской работы. Тем не менее особо нужно акцентировать внимание на тех свойствах режиссуры П.Исанбета, которые названы, но не выделены, которые в дальнейшем стали определяющими в его творчестве. Это умение чувствовать, находить и создавать на сцене ту атмосферу, то построение, те нюансы «жизни человеческого духа», которые так необходимы именно для данного момента действия. Названные качества режиссуры, требующие владения всем спектром жизненных в дальнейшем сценических чувств, человеческих взаимоотношений, огромной интуицией и богатым опытом, выдвигают П.Исанбета в один ряд с самыми крупными режиссерами страны.

Тема жизни и деятельности, подвига великого сына татарского народа Мусы Джалиля для коллектива ТГАТ им. Г.Камала оказалась непреходящей. В дни празднования 75-летнего юбилея поэта театр вновь обратился к данной теме. Прошло почти четверть века после первого обращения Театра имени Г.Камала к образу М.Джалиля. За этот период изменилось восприятие зрителями личности самого поэта. Если публика спектаклей 1957 г. считала его своим современником и

если в зале сидело определенное количество лично знавших Джалиля людей, то спустя 24 года поэт перешел в разряд исторических личностей. Данное обстоятельство должно было внести серьезные изменения в режиссерский подход к образу.

К тому времени о Джалиле было написано достаточно много – романы, пьесы, поэмы, статьи, мемуары, научные исследования. Однако ни коллектив театра имени Г.Камала, ни драматург Т.Миннуллин, чью пьесу собирався поставить театр, не хотели повторить уже ставшие известными всем события и факты биографии. Решительно отходя от хроникального воспроизведения действительности, они обратились к условному приему. «Я мучительно искал форму выражения собственных мыслей и чувств, – писал об этапе вынашивания замысла драмы Т.Миннуллин. – И, как мне кажется, нашел в том, что пьеса как бы отразила мой поиск: не сосредоточивая внимания на отдельных биографических эпизодах, известных всем, я, с точки зрения современного Поэта (одного из героев пьесы), искал не только героического поступка, но всего пути Джалиля»¹². Как видно, драма Т.Миннуллиной задумана как переключка прошлого и настоящего. Перед глазами зрителей происходит продолжительный диалог Джалиля и десяти его товарищей с Поэтом – нашим современником. По теории, эта драма открытого типа, складывающаяся прямо по ходу спектакля, сочиняющаяся и сценой, и зрителем одновременно, а также рассчитанная на сотворчество публики. В нее вошли напряженнейшие раздумья автора и театра о силе человеческого духа, о его проявлениях в критические моменты человеческого бытия, об истоках этой силы, ее первопричинах¹³. Условным приемом запросто отодвигались временные рамки и, сдвигая простран-

тво, создатели спектакля наполняли сценическое действие философскими размышлениями о смысле жизни и величайшем героизме, о низости, подлости и величии, самопожертвовании, об ответственности личности перед высочайшим судьей всех времен – совестью. По мнению драматурга, человек вольно или невольно может подготовить себя для подвига или для подлости. Жизнь Джалиля до войны являлась своеобразной подготовкой к подвигу¹⁴. Исходя из этого положения, автор, а за ним и поставивший спектакль М.Салимжанов силой человеческой памяти вызвали на диалог свидетелей истории – мать Джалиля, соратников, друзей, знакомых, даже предателя Каина, врагов Розенберга, Палача. Это позволило им шаг за шагом вскрывать первопричины величайшего подвига поэта, философски осмыслить его жизнь, показать величие и красоту самопожертвования ради высокого, благородного идеала.

«Стремясь к философскому обобщению, я отказался от бытовых деталей, сознательно пошел на сценическую условность, чтобы сблизить нашу современность и годы Великой Отечественной», – признавался драматург в одном из своих выступлений в периодической печати¹⁵. Подхватывая это стремление автора, режиссер и художник А.Кноблок в сценографии спектакля также предложили условно-метафорическое решение сценического пространства. Одета в черные одеяния сцена воспринималась как пространство, свободное от примет эпохи и времени. В центре устанавливалась конструкция, состоящая из трех самостоятельных продолговатых площадок, по ходу действия имеющих возможность свободно подниматься или спускаться каждая по отдельности и все вместе. Таким образом, возникало множество комбинаций, определяющих отдельные места действия.

При этом с колосников опускались детали, дополняющие, уточняющие сценографические обозначения. Это или карта резервного государства «Идел-Урал», или фашистский флаг со свастикой, или еще какие-либо иные знаки. В сценографии постановки имелись места действия, напрямую не связанные с основной конструктивной установкой: рабочее место современного поэта и камера заключения Мусы Джалиля. Объединяющее два принципа современной сценографии – симультанный принцип и принцип динамичной декорации – решение одновременно воспринималось и как сценическая метафора. Конструкция в центре открытого пространства – это и мост памяти, связующий героизм Джалиля и его соратников с сегодняшним днем, и дорога, ведущая их в бессмертие, и последняя высота жизни героев, соединенная с вечностью. Ассоциативные возможности конструктивной установки позволяли воспринимать ее и как весы истории, взвешивающие величие подвига героев и степень падения предателей.

Жанр пьесы Т.Миннуллин определил как публицистическую драму. Как известно, данный жанр требует горячей заинтересованности, страстности, гражданского пафоса, публицистического заострения мысли и поэтической декламации, даже иногда митинговой интонации в манере актерской игры. Режиссер М.Салимжанов стремился придать спектаклю страстность гражданского пафоса, сохраняя при этом глубину сценических нюансов. Если в игре Р.Тазетдинова, Р.Зиганшиной, В.Минкиной, Р.Салыхова, А. Шакирова, И.Багманова, И.Хайруллина, А.Хафизова, сыгравших роли М.Джалиля, его матери, современного поэта Ланфредини, а также актеров, создавших коллективный портрет джалиловцев, можно было почувствовать горячую любовь к своим героям,

преклонение перед их мужеством, стойкостью, и если эти образы решались исходя из канонов психологического реализма, то такие персонажи, как Шафи Алмаз, Розенберг, Хаин, Палач (актеры Г.Шамуков, Х.Султанов, Ф.Кульбарисов, Ш. Бариев, С.Мифтахов), были подвергнуты ироническому осмыслению. В манере игры актеров нашли выражение также сарказм, обличительные интонации. В результате родился спектакль, объединяющий в себе психологическую правду и публицистический пафос, иронию, сарказм и мотивы фольклора. В жанровом отношении это сложное соединение психологической и публицистической драмы.

Анализируя спектакль «У совести вариантов нет» ТГАТ им. Г.Камала, нельзя не отметить удивительно точное музыкальное оформление композитора Ф.Абубакирова, в контексте постановки выполняющее весьма многообразные функции. Сейчас уже всем известно о музыкальности Джалиля и его соратников. Почти каждый из них пел и играл на каком-либо музыкальном инструменте. Исходя из данного факта, композитор и режиссер М.Салимжанов лейтмотивом сценического действия избрали протяжную народную песню «Осыпаются цветы».

Эту песню, идущую из глубины веков и как бы выражающую боль страдавшей души татарского народа, джалиловцы запевали в самые разные минуты своей жизни: когда вспоминали любимых жен и детей, родных и близких, мучительно переживали за Родину, радовались за успехи Красной Армии и за каждую удачно проведенную операцию подпольной организации, когда необходимо было поддержать друга, чтобы облегчить страдания после очередного допроса и т.д. В финале песни лейтмотив дорастает до сценической

метафоры. Теперь это уже не только песня, а гораздо больше, всеобъемлющее, в контексте действия говорящее о бессмертии подвига Джалиля и десяти его соратников.

...Герои стоят перед гильотиной, установленной на возвышении и по особому освещенной. И вот звучит скрипучий голос Палача, требующего первую жертву среди джалиловцев. Почти сразу же начинается песня «Осыпаются цветы», на этот раз как последнее прощание с жизнью, с родными и близкими, с друзьями-соратниками. Ее тут же подхватывают все одиннадцать героев. Один за другим уходят они на смерть. Но песня не ослабеваает, наоборот, растет и ширится. Чем меньше остается их, тем громче она звучит. И настанет момент, когда уходит последний – Салим Бухаров. Лишь тогда песня прерывается на секунду, как минутное молчание в память погибших, и тут же возрождается, звучит с новой силой! А на сцене остаются выстроившиеся в один ряд одиннадцать пар тюремных башмаков. Башмаки тех, чей след не сотрется, когда будет на земле жить татарский народ...

Публика восторженно приняла постановку. Не было недостатка внимания и со стороны театральной критики. Уже за день до премьеры, т.е. 22 февраля 1981 г., на страницах газеты «Социалистик Татарстан» была опубликована достаточно развернутая статья М.Харисова, рассказывающая о готовящемся спектакле, с размышлениями о нем, о Джалиле и его соратниках режиссера М.Салимжанова, актера Р.Газетдинова. Они говорили о замысле, форме постановки, средствах художественной выразительности, используемых в работе¹⁶.

В марте месяце на русском и татарском языках вышли две рецензии А.Гаффара на спектакль «У совести вариантов нет». В них автор с прису-

щей ему глубиной пытался философски осмыслить жизнь и подвиг Джалиля и джалиловцев, а также данную сценическую композицию ТГАТ им. Г.Камала. «Совместное творчество драматурга Т.Миннуллина, режиссера М.Салимжанова и всего коллектива театра воспринимается как важное и знаменательное событие республиканского театрального сезона, – писал рецензент. – ...Это спектакль-песня, спектакль-гимн, не случайно такую важную роль играет в нем музыка»¹⁷.

Данная постановка театра приняла участие во Всесоюзном смотре спектаклей, посвященных XXVI съезду КПСС, и была удостоена Почетного диплома, а исполнитель роли Мусы Р.Тазетдинов – премии за лучшее исполнение мужской роли. По поводу выступления ТГАТ им. Г.Камала в Москве вновь откликнулся двумя статьями М.Харисов¹⁸. Он, как и режиссер переводчик Ю.Молчанов, выступивший на страницах газеты «Советская Россия» с небольшой рецензией, высказал мысль о том, что постановка Татарского театра, показанная в одном ряду со спектаклями лучших театров страны – Ленинградского академического Большого драматического театра им. М.Горького, Сумгаитского драматического театра им. Н.Араблинского, Армянского академического театра драмы им. Г.Сундукяна, Латвийского академического театра им. А.Упита, Ярославского академического театра им. Ф.Волкова, Одесского русского драматического театра им. А.Иванова, Киевского академического театра драмы им. И.Франко и др., по силе эмоционального воздействия, по качеству постановки и исполнения стояла несравненно выше многих работ, показанных на смотре. «Спектакль Татарского театра публицистичен, – писал Ю.Молчанов. – ...В нем существуют вдохновение и лиричность. Спектакль

социально страстен. Усилиями драматурга, лауреата Государственной премии РСФСР Т.Миннуллина, и режиссера-постановщика, народного артиста РСФСР М.Салимжанова, создано истинно гражданское произведение искусства»¹⁹.

Самый профессиональный анализ спектакля, пожалуй, был предложен журналом «Театральная жизнь». Его сотрудница М.Литаврина, шаг за шагом прослеживая концептуальную линию, одновременно раскрыла систему художественных образов постановки.

На первое место она, естественно, поставила образ Джалиля, созданный Р.Тазетдиновым. Как верно заметила театральная критик, актер, а вместе с ним и режиссер не добивались портретного сходства, не настаивали на точном документальном воссоздании внешнего облика автора «Моабитской тетради»²⁰. Да и, может, не эти слова говорил поэт при жизни, не эту песню пели джалиловцы, уходя на смерть. Даже наверняка не так проходили их последние минуты. Но актер и режиссер уловили самое главное в характере Мусы и сумели выразить через сценическое действие его непокорный высокий моральный дух, при любых обстоятельствах бьющую ключом поэтическую мощь. «Для меня спектакль «У совести вариантов нет» – это уже не первое обращение к образу Мусы Джалиля, – признавался Р.Тазетдинов читателям «Советской Татарии». – Я шел к нему, накапливая актерский и жизненный опыт... В спектакле основной акцент был сделан на такие черты в характере Мусы, как простота, человечность, искренность. В сочетании с его поэтическим талантом они дали тот живой сплав мыслей и эмоций, которые легли в основу сценического образа»²¹.

М.Литаврина уловила еще одну новаторскую черту спектакля. До этой постановки во многих сценических

ких композициях театров республики соратники Джалиля как бы отодвигались на второй план. Здесь же поэт показан в кругу своих друзей. Это не только дань истории, но и дань тем, кто разделил судьбу Мусы, о ком до сих пор говорилось и писалось значительно меньше. Актеры Р.Салахов (Гайнан Курмашев), А.Шакиров (Абдулла Алиш), И.Багманов (Ахмет Симмаев), И.Ахметзянов (Гариф Шабаев), А.Хисматов (Фуат Булатов), Х.Залялов (Абдулла Батталов), Д.Касымов (Зиннат Хасанов), Г.Шарафиев (Фуат Сайфульмулюков), Н.Гарифуллин (Ахат Аднашев), Ш.Галиуллин (Салим Бухаров), несмотря на обезличивающую индивидуальность полосатую тюремную форму, каждый своими средствами выразительности создал неповторимый в привычках и манерах держаться характер. Все вместе – это коллективный портрет джалиловцев, собирательный образ народа-борца²².

По воле актеров Н.Дунаева, Ф.Кульбарисова и Ш.Биктимерова и

режиссера, помимо реальности конкретного характера в спектакле обобщающий смысл получили образы Каина, Розенберга и Палача. Это те символические фигуры, на ком вырос, стоял фашизм: страх, двуличие и подлость, злость, ум и холодный расчет, равнодушие, бездуховность и жадность. Вот и весь скудный набор качеств, при помощи которых управляли одураченным народом Гитлер и его сподвижники. Создавая эти зловеще-обобщенные образы и вводя в непримиримый конфликт силы жизни и смерти, авторы спектакля как бы говорили о живучести такого социального зла, каким является фашизм, и предупреждали о его возможном возрождении в исторической перспективе.

«Муса Джалиль» П. Исанбета и «У совести вариантов нет» М. Салимжанова обогатили национальную сцену крупным образом еще одного героического сына татарского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Риза Ишморат*. Почему была написана пьеса «Бессмертная песнь» // Муса Джалиль. Материалы Всесоюзной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения поэта-героя. – Казань, 1978. – С. 171.

² ЦГАЛИ. Ф.650. Оп.2. Ед.хр. 1370. С.5.

³ *Соколов А.* Поэт-гражданин // Московская правда. – 1958. – 3 июля.

⁴ ЦГАЛИ. Ф.650. Оп.2. Ед.хр. 1370. С.6.

⁵ *Соколов А.* Поэт-гражданин // Московская правда. – 1958. – 3 июля.

⁶ *Морозова Н.* Новая встреча // Советская Россия. – 1958. – 26 июня.

⁷ *Громов Н.* Кому много дано // Советская культура. – 1958. – 10 июня.

⁸ *Кормушина Г.* По пути исканий // Литература и жизнь. – 1958. – 6 июля.

⁹ *Гобәйдуллин Х.* Улемсезлек турында // Совет Татарстаны. – 1958. – 18 декабрь.

¹⁰ *Мәхмүтов Ц.* Сәхнәдә халык герое // Социалистик Татарстан. – 1966. – 13 март; Спектакль о подвиге // Советская Татария. – 1966. – 17 февраля.

¹¹ ЦГАЛИ. Ф.650. Оп.2. Ед.хр. 1370. С.7.

¹² *Миннуллин Т.* У совести вариантов не бывает // Театральная жизнь. – 1981. – № 4. – С. 24.

¹³ *Миннуллин Т.* Поиск первопричин // Советская Татария. – 1981. – 16 августа.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Харисов М.* Шагыйрь безнең белән // Социалистик Татарстан. – 1981. – 22 февраль.

¹⁷ *Гафар А.* Творцы бессмертия // Советская Татария. – 1981. – 12 марта; *Әхәт Гафар*. XX гасыр уллары // Социалистик Татарстан. – 1981. – 10 март.

¹⁸ Харисов М. «Моңлы бер жыр» Мәскәү сәхнәсендә // Социалистик Татарстан. – 1981. – 21 апрель; Үлмәс жыр // Социалистик Татарстан. – 1981. – 28 апрель.

¹⁹ Молчанов Ю. Драма о Джалиле // Советская Россия. – 1981. – 24 апреля.

²⁰ Литаврина М. Великое противостояние // Театральная жизнь. – 1981. – № 9. – С. 15.

²¹ Тазетдинов Р. Гимн советскому человеку // Советская Татария. – 1981. – 16 августа.

²² Литаврина М. Испытание на прочность // Театральная жизнь. – 1981. – № 9. – С. 16.

Аннотация

В статье анализируются два этапных спектакля Татарского государственного академического театра имени Г.Камала о выдающемся сыне татарского народа, поэте-гражданине, Герое Советского Союза Мусе Джалиле и его сподвижниках, поставленных в 1957 г. режиссером-дипломником П.Исанбетом и в 1981 г. режиссером М.Салимжановым.

Ключевые слова: Татарский государственный академический театр имени Г. Камала, режиссерское искусство, Муса Джалиль, джалиловцы.

Summary

The article analyzes two milestone performances of G. Kamal Tatar State Academic Theatre about outstanding son of Tatar nation, the poet-citizen, Hero of the Soviet Union Musa Dzhilil and his associates which were staged in the 1957 by P. Isanbet and in 1981 by M. Salimzhanov.

Keywords: G. Kamal Tatar State Academic Theatre, the director's art, Musa Dzhilil, Dzhilil associates.

УДК 7.07

КОМЕДИЙНЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РИЗВАНА ХАМИДА И ИХ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

(на примере комедийных произведений
«Жители старого дома», «Рабы – не мы»,
«Сын Джанкая Джанкыяр», «Беспокойный в лаптях»)

Г.И. Каюмова, кандидат филологических наук

Новые явления, появившиеся на литературной арене в конце XX – в начале XXI века и получившие такие названия, как «постмодернизм», «запоздалый модернизм», «магический реализм», «новый реализм», характерны и для татарской литературы. В ней также ведутся поиски и исследования в области новых нетрадиционных художественных форм. В связи с этим уместно назвать имена таких литературоведов, как Д.Загидуллина, А.Закирзянов, М.Ибрагимов, Ю. Нигматуллина, А.Шамсутова и другие.

Такие формы, как «жесточкий театр», «театр смеха», «театр абсурда», к которым в наши дни драматурги и прозаики обращаются с удовольствием, А.Закирзянов относит к явлениям модернизма¹.

Среди художественных произведений, созданных в татарской и русской литературах, в последнее время можно встретить «качественно новые» произведения, которым свойственно мифологическое, романтическое и символическое мышление автора одновременно. Согласно мнению И. Даниловой, такой синтез присущ произведениям постмодерна, который является новым течением в литературе².

В.Халипов отмечает, что в наши дни в художественном творчестве

постмодернизм является доминирующим направлением³.

Постмодернистские произведения считаются произведениями «дерзкими» (И.Данилова), «изящно страшными», «странными» (А.Якимович). В постмодернистской литературе реальные явления не даются в логической последовательности, наоборот, жизнь в ней представляется как хаос. Этим произведениям свойственны фрагментарность, неопределенность⁴. Одно из важнейших явлений, присущих постмодернистской литературе, – это игра⁵. «Игра – перводвигатель творчества постмодернистов»⁶, – пишет И.Скоропанова. В некоторых драматических произведениях, именно благодаря игре, раскрывается сущность героя. Игровая функция проявляется не только в литературе, но и во всех видах искусства. Однако «в драматургии, тесно связанной с искусством театральной игры, она особенно органична»⁷.

В наши дни самые большие достижения в татарской драматургии А.Закирзянов видит в «находках драматургов в литературном мышлении, в изобразительных средствах, формах-приемах, использованных для отражения действительности во всей ее сложности и в богатстве образов, составляющих весьма богатую инфор-

мацию о деятельности человека, изоб-
ражающих действительность, исходя
из эстетических принципов»⁸.

В сатирической комедии «Жители
старого дома» и трагифарсе «Рабы –
не мы» Р.Хамид показывает деваль-
вацию нравственно-моральных цен-
ностей среди людей. В первой из них
стрелы сатиры автора устремлены
на такие уродливые стороны совре-
менной жизни, как ненасытность,
алчность, тщеславие, завистливость,
бессовестность, лицемерие. В центре
внимания – жители старого дома Шах-
санам ханум и ее муж Ахнаф Камали-
евич, начальник конторы утильсырья;
комендант дома сплетница Аниса –
особо хитрая женщина; ненавидящие
друг друга старая дева Рая и Райса,
одна воспитывающая ребенка. Между
женщинами идет борьба за комнату,
в которой проживает студент Ренал и
который по завещанию дяди должен
прописаться там. Вопрос в том: кому
достанется жилье?

Развитие действия в комедии стро-
ится на интриге. Комедийная интри-
га – одно из средств создания ко-
медийной ситуации⁹. Персонаж, со-
здающий такую интригу, – Аниса,
взявшаяся за разоблачение таких же
сатирических типов, как сама. Исходя
будто бы из интересов жителей дома
и выражая им солидарность, на самом
деле она обманывает их.

Р.Хамид выигрышно использует
прием саморазоблачения, характери-
зуя другой сатирический персонаж –
Шахсанам ханум, речь и поступки ко-
торой раскрывают ее убогий внутрен-
ний мир, духовную ограниченность.

Одна из важнейших задач коме-
дии – показать разрыв между вне-
шней и внутренней сутью человека,
между тем, каким он является на деле
и каким хочет казаться¹⁰. В анализи-
руемой комедии как раз проявляется
такое противоречие: через игру персо-
нажей в приличность, культурность,

сочувствие, сострадание драматург
разоблачает их аморальность. Ду-
ховная деградация, падение морали
и чести, девальвация человеческих
достоинств делают мир этих людей
«объектом народного сатирическо-
го осмеяния и отрицания»¹¹. Сатири-
ческие герои Р.Хамида как личнос-
ти – ярковыраженные характеры. Их
индивидуальность и неповторимость
свидетельствуют о мастерстве писате-
ля как сатирика.

В данном произведении, постро-
енном по принципу «много шума из
ничего», индивидуальные недостатки
героев представляются недостатками
общественного порядка. Пафос разо-
блечения и ирония автора сохраняют-
ся на протяжении всей комедии. Со-
бытия, происходящие в старом доме,
являются пародией на жизнь жителей
Татарстана во времена застоя.

Конфликт в комедии дается в двух
плоскостях. Первый из них представ-
ляется как борьба за квартиру между
сатирическими героями, как их стрем-
ление претворить в жизнь свои алч-
ные желания. Второй параллельный
конфликт является основным в коме-
дии. Он происходит между сатиричес-
кими и положительными героями и в
его основе лежит борьба за утвержде-
ние принципов высокой морали.

Производит комический эффект
неожиданная концовка пьесы. Ока-
зывается, дом, в котором персонажи
живут, сносят, так сообщают из до-
моуправления. В итоге глупая, бес-
смысленная активность, энергия са-
тирических типов, по законам сатиры,
были затрачены только на саморазо-
блечение, самоуничтожение.

В трагифарсе «Рабы – не мы» дра-
матург критикует тех, кто, поверив в
пустячные слова, наносит большой
вред окружающим; разоблачает такие
принижающие человека качества, как
высокомерие, «психология рабства».
Именно такие качества составляют

всю сущность сатирических персонажей комедии и даются в гротесковой форме. Видны искры трагизма в смехе автора, на что указывает жанр произведения. Драматург, обращаясь к средствам комедии-фарса, поднимает проблему нравственной девальвации по отношению к таким святым чувствам, как любовь, верность, доверительные взаимоотношения между людьми.

В трагифарсе «Сын Джанкая Джанкыяр» автор раскрывает причины, которые могут привести к исчезновению татарского народа как нации.

Один из татарских баев Атилла с целью возрождения национального духа организует группу из семи человек, таких же богатых, как и сам. И он, и члены этой организации состоят в смешанном браке, и ни у кого из них дети не знают родного языка, что и определяет абсурдность данной затеи. Кроме Атиллы, все члены организации носят маски. Люди в масках даны как схематично-абстрактные образы, придающие произведению смысловую нагрузку. Забота этих скороспелых миллионеров о судьбе народа понимается как ирония автора. Маски указывают не только на то, что персонажи скрывают свои истинные лица, но и на то, что они вообще не имеют своего лица.

Трагифарс построен на игре. Организация масок начинает игру в возврат национального духа татарской нации, но ей не удается претворить свой план в жизнь. Со смертью Атиллы организация распадается.

Своеобразным является образ Виктора (настоящее его имя Вакиль), которому чужды родной язык, национальные обычаи и традиции и вообще татарская среда, что обуславливает его трагичность. Через нелепые деяния парня по отношению к родным, через называние их «татарвой» драматург показывает абсурдную деваль-

вацию родственных чувств. Таким образом, абсурдные явления в пьесе помогают раскрыть причины национальной трагедии.

Свойственная фольклорному приему игра масок в конце произведения заново повторяется. На этот раз глава масок – Виктор. В своей пещере он организует «фан-клуб Интим» с русскими масками и предлагает на все смотреть как на игру. Игра, маскарад, который организовал Виктор, эротическая сцена, свойственная фарсу, подчеркивают нравственную низость, что противоречит совестливой игре отца.

Вообще, в комедиях Р.Хамида прослеживается явление «карнавализации», то есть «игровое освоение мира-текста»¹².

Виктор раскрывается в пьесе как двуединая сущность. В его душе идет борьба между ее светлой и темной сторонами, между положительными и отрицательными началами в нем. Как известно, двойственная природа внутреннего мира человека, его психики в конце концов приводит к раздвоению личности, что и происходит с Виктором. Жизнь его заканчивается трагически: маски окружают и убивают его. Явление смерти, повторяющееся в конце произведения, приобретает общественное звучание. Смерть одного сопровождается рождением другого. Виктор погибает, но на свет появляется новый человек – его младший брат. Образ новорожденного – символ спасения нации. Он не будет таким, как его брат. Как видим, двусторонние законы бытия – жизнь и смерть, добро и зло – драматург ставит рядом. В пьесе это объясняется явлением принципа инь-ян, что составляет жизнь человека.

Атилла и его близнец Самат играют общественно значимую роль в пьесе. Внешней схожести братьев противопоставляется их духовное различие. В

отличие от первого, который заботится о будущем нации, второй близнец предстает как человек эгоистичный, жестокий, который ради достижения своего может поднять руку даже на родного брата. В литературе одного из подобных героев называют «культурным героем», а другого – «трикстером», которому дается следующее определение: «Трикстер – близнец культурного героя, отчетливо ему противопоставленный... Трикстер в отличие от культурного героя в известном смысле асоциален и потому более «персонален»»¹³.

В комедии «Беспокойный в лаптях» поднятая драматургом проблема родного языка преподносится со своеобразной художественностью. «Беспокойный в лаптях» – народная гротескная комедия, музыкально-театральное зрелище, построенное на фантастическом комизме, основанное на стихии карнавального мышления, на народной смеховой культуре.

В зрелище комический персонаж Исанали требует у государства возврата родного языка народу. И в незнании внуков родного языка он винит и свою жену, и их родителей, и работников образовательного учреждения.

Значительную роль в пьесе играет деталь лаптя. Исанали, подражая татарским начальникам, вешает свои лапти в передний угол, показывая

этим, что хочет быть похожим на них. Есть в зрелище другое явление, похожее на это, – стремление части татар усвоить только русскую культуру, говорить только на русском языке.

Драматург пользуется приемом «комизма сходства». И директор школы, и руководитель районного образовательного учреждения, и «очень ответственный работник» министерства образования совершенно одинаковы и по своей внешности, и по своему духовному облику, то есть они во всем дублируют друг друга, между ними нет никаких ни внешних, ни внутренних индивидуальных отличий. Они представляют собой «инструменты тоталитарной системы», безропотно исполняющие «законы правящей верхушки».

Как видим, в комедийных произведениях драматург ищет различные формы и находит оригинальные комические и сатирические приемы и средства, чтобы донести до читателя и зрителя актуальность поднятых им проблем. Элементы игры, пародия, ирония, парадоксальные явления, метафора, гротеск, гиперболы, элементы «театра абсурда», «театра жестокости», параллельные явления метафизики и реальности в комедиях создают абсурдную концепцию действительности и дают картину гиперреальной действительности, что присуще постмодернизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закиржанов Ә. Заман белән бергә: Әдәби тәнкыйть мәкаләләре / Ә. Закиржанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 41–42 б.

² Данилова И.Л. Модерн – Постмодерн? О процессах развития драматургии 90-х годов / И.Л. Данилова. – Казань: Фэн, 1999. – С. 3.

³ Халипов В. Постмодернизм в системе мировой культуры / В. Халипов // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – С. 240.

⁴ Нигматуллина Ю. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве / Ю. Нигматуллина. – Казань: Фэн, 2002. – С. 149; Вайнштейн О.Б. Постмодернизм: история или язык / О.Б. Вайнштейн // Постмодернизм и культура: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 5–6.

⁵ Халипов В. Постмодернизм в системе мировой культуры / В. Халипов // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – С. 239; Трубина Е.Г. Посттоталитарная культу-

ра: «все дозволено» или «ничего не гарантировано»? / Е.Г. Трубина // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 24; *Вайнштейн О.Б.* Постмодернизм: история или язык / О.Б. Вайнштейн // Постмодернизм и культура: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 5.

⁶ *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – СПб.: Невский Простор, 2001. – С. 75.

⁷ *Данилова И.Л.* Стилиевые процессы развития современной русской драматургии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.Л. Данилова; Казанск. гос. ун-т. – Казань, 2002. – С. 27.

⁸ *Закиржанов Ә.* Сәхнә әдәбиятында – замандаш / Ә. Закиржанов // Казан утлары. – 2004. – № 12. – 129 б.

⁹ *Борев Ю.* Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека, и утверждает радость бытия / Ю. Борев. – М.: Изд-во «Искусство», 1970. – С. 206.

¹⁰ *Сахновский–Панкеев В.* О комедии / В. Сахновский–Панкеев. – Л. – М.: Изд-во «Искусство», 1964. – С. 115.

¹¹ *Ханзафаров Н.Г.* Татарская комедия: Истоки и развитие / Н.Г. Ханзафаров. – Казань: «Фэн», 1996. – С. 90.

¹² *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – СПб.: Невский Простор, 2001. – С. 40.

¹³ Литературные архетипы и универсалии / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – С. 113.

Аннотация

В статье кратко рассматриваются комедии Ризвана Хамида, художественное воплощение в них комедийных образов. На материале комедийных произведений освещаются традиционные и новые нетрадиционные художественные формы, приемы и средства, используемые автором для выявления актуальных проблем действительности, разоблачения отрицательных черт в характерах комических и сатирических персонажей.

Ключевые слова: Ризван Хамид, комедийные образы, художественные формы, художественные средства, постмодернизм, игра, абсурд.

Summary

The article briefly discusses the comedies of Rizvan Hamid and artistic expression in their comic images. Traditional and new untraditional artistic forms, methods and means used by author to identify the actual problems of reality, exposing negative traits in the characters of the comic and satirical characters.

Keywords: Rizvan Hamid, comedy images, artistic forms, artistic means, postmodernism, play, absurdity.

УДК 82-1/-9

ТИПОЛОГИЯ КОМИЧЕСКОГО

В.Ф. Макарова, кандидат филологических наук

Комическое – одна из основных эстетических категорий, которая выражает особую, эмоционально насыщенную эстетическую критику: осмеяние.

Некоторые исследователи считают, что комическое вообще не поддается дифференциации. И.Г.Левин, В.Я.Пропп отмечают нерасчлененность сатиры и юмора: «...смех и юмор не обладают необходимыми классифицируемыми свойствами, достаточными для выделения из словесности единого жанра, рода и еще менее для его дальнейшего членения»¹.

В качестве классифицирующего признака чаще всего используется противопоставление высокого и низкого, а юмор и сатира определяются по степени развлекательности. Иногда различают сатиру и юмор по предмету изображения: юмор осмеивает индивидуальные недостатки, а сатира – социальные.

Долгое время, например, единственным критерием сатиричности в советском литературоведении считалось обличение. М.М.Бахтин предлагает ряд существенных смысловых признаков, связующих сатиру с явлениями народно-смеховой культуры, и устанавливает важную особенность: сатира может быть и смеховой, и серьезной. «Образное отрицание может принимать в сатире две формы. Первая форма – смеховая: отрицаемое явление изображается как смешное, оно осмеивается. Вторая форма – серьезная: отрицаемое явление изобра-

ражается как отвратительное, злое, возбуждающее отвращение и негодование»². Таким образом, крупнейшим литературоведом XX века выделяется и вводится в научный оборот иное отношение к сатире как к категории, имеющей комическую и серьезную стороны.

В отношении комического также нет единого мнения. Некоторые ученые считают, что комическое нельзя отождествлять со смешным вообще. Так, Ю.Борев пишет, что «смех и смешное – шире комического. Они охватывают и внеэстетические явления. Смешное не всегда комично. Комическое – прекрасная сестра смешного. Комическое порождает «высокое»³. Того же мнения придерживается и А.Н.Лук: «... не все смешное комично, но все комическое смешно»⁴. Получается, что, обладая всеми признаками смешного, комическое наделяется еще признаком общественной значимости. Интерес представляют в этом плане и слова Д.С.Лихачева: «Функция смеха – обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества»⁵.

Одну из основных категорий комического – сатиру – Ю.Б.Борев определяет как «жанр, оттенок смеха, тип комизма», объясняя главную отличительную особенность через отношение к идеалу: «Сатира (лат. *satyra*; от *satura* – блюдо, приготовленное

из смеси разных плодов. Некоторые исследователи предполагают, что по происхождению это кулинарный термин) (...) – бичующее изобличение всего, что не соответствует эстетическим идеалам, гневное осмеяние всего, что стоит на пути к их полному осуществлению. Сатира в корне отрицает осмеиваемое явление и противопоставляет ему идеал. Когда отрицательны не отдельные черты, а явление в своей сущности, когда оно социально опасно и способно нанести серьезный ущерб обществу, – здесь уже не до дружелюбного смеха, и рождается смех бичующий, изобличающий, сатирический. Сатира отрицает, казнит несовершенство мира во имя его коренного преобразования в соответствии с идеалом»⁶.

Юмор противопоставляется сатире по критерию отношения к идеалу, при этом ученый несколько умаляет критическое отношение субъекта к объекту в юморе: «Юмор (англ. *humour* – нравственное настроение, от лат. *humor* – жидкость) – 1) один из оттенков смеха; юмор видит в своем объекте какие-то стороны, не вступающие в противоречие с идеалом; объект юмора, заслуживая критики, все же сохраняет свою привлекательность; юмор, утверждая сущность явления, стремится его совершенствовать, очищать от недостатков, помогая полнее раскрываться всему общественно ценному в явлении. (...) 2) тип эстетического чувства; эстетическое отношение к действительности, включающее в себя эмоционально-критическую оценку, опирающуюся на эстетический идеал»⁷.

По нашему мнению, это определение выделяет главные свойства юмора, охватывает два крыла данной категории комического, которых условно можно назвать «юмором, в котором выступает отрицающее начало» и «теплым, утверждающим юмором».

Например, второй вид юмора широко распространен в детской литературе.

В татарской детской литературе также активно используется «теплый» психологический юмор, в котором эстетическое отношение к действительности опирается на эстетический идеал. К примеру, в стихотворении З.Туфайловой «Не бездельничает, ест снег» («Тик йөрөми, кар ашый») юмор возникает в результате различий между мировоззрением субъекта – старшего по возрасту человека, и ребенка:

*Ник тау болай тәбәнәк,
Булмый түбән тәгәрән?
Гөлнаһарга әйттеләр:
Житте ашама карны,
Кечерәйтәсең тауны,
Почему горка такая низенькая,
Даже скатиться вниз с нее нельзя?
И сказали Гульнахар,
Хватит, перестань есть снег,
Уменьшаешь горку.*

(Подстрочный перевод наш)

И субъект, и читатель прекрасно понимают, что горка не уменьшится из-за вредной привычки Гульнахар есть снег. Это и вызывает улыбку. Как и слова бабушки девочки о том, что пока холодно, пусть на санках катается брат, а летом, когда потеплеет, обязательно отдаст их сестренке в стихотворении З.Туфайловой «Не стану я плакать» («Гормыйм елап та»). Решение маленького героя Ш.Галеева, который из-за того, чтобы легче было попасть на улицу пчелам, просверлил дырку в воротах, также юмористичен. Таким образом, можно констатировать, что комическая ситуация в детской литературе опирается на контраст между позицией субъектов – персонажей, разных по возрасту и жизненному опыту.

Во «взрослой» юмористической литературе источником комической ситуации часто становятся недоразумения. Множества примеров тому

можно найти и в татарской классической литературе: это комедии «Первый театр» («Беренче театр», 1908) Г. Камала, «Хаджи эфенди женится» («Хажи эфэнде өйләнә», 1915) Ш. Камала, стихи «Любовь и насморк» («Томаулы гыйшык», 1943), «Хадича» (1943) М. Джалиля, «Новаторство в любви» («Мэхэббэттә новаторлык») Г. Афзала и т.д.

Основой комического является комическая ситуация. Необходимо отметить, что комические ситуации сплошь и рядом встречаются и в повседневной жизни, но творческий человек преображает их при помощи фантазии. Особенно часто одним из приемов преобразования становится гиперболизация недоразумений. В упомянутых выше произведениях именно этот прием является сюжетообразующим центром. Читатель прекрасно понимает, что комическая ситуация, преувеличенная до предела, не может встречаться в такой форме в действительности, но тем не менее верит изображенному. Например, герой рассказа Х. Сарьяна «Два письма Хабутдина» («Хэбетдиннең ике хаты», 1969) перепутал письма, написанные своему брату и начальнику, и положил их не в те конверты, что становится приемом разоблачения двуличия героя.

В современной татарской литературе (например, рассказы З. Хакима «Шифоньер» (1989–1991), «Истинная любовь» и др.) одним из действенных приемов создания комических ситуаций является *гиперболизация*. Еще один прием – *неожиданный поворот в сюжете* – также широко представлен в национальной литературе. Например, в рассказе «Сочинение» («Инша») Р. Гизатуллина автор обличает нерадивую учительницу Замзамию именно так. Существует и вариант *неожиданного финала*: в стихотворении «Блоха» («Борча»,

1943) М. Джалиля или в рассказе «Испытывал удушье» («Бастырылу») Х. Сарьяна неожиданный финал «открывает глаза» читателю, дав возможность изменить оценку ситуации.

В типологии комического особое место занимает ирония. В научной литературе ее часто представляют как стилистический прием, основанный на несовпадении кажущегося и подразумеваемого. Ирония легко совмещается и с другими эстетическими категориями⁸.

Ирония (греч. *Eirōneia* – притворство, насмешка) – осмеяние, содержащее оценку того, что осмеивается; одна из форм отрицания. Отличительный признак иронии – двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый; чем больше противоречие между ними, тем сильнее ирония. Осмеиваться может как сущность предмета, так и отдельные его стороны; в этих двух случаях характер иронии – объем отрицания, выраженный в ней, неодинаков: в первом ирония имеет значение уничтожающее, во втором – корректирующее, совершенствующее.

Ирония появляется в начале 5 в. до н.э.: в древнегреческой комедии, где в числе действующих лиц выступает «ироник» – обыватель-притворщик, нарочито подчеркивающий свою скромность и незначительность. В эпоху эллинизма ирония оформляется как риторическая фигура, усиливающая высказывание намеренно его переакцентированием. В той же функции ирония переходит к римским риторам и становится одним из вариантов аллегии, который в дальнейшем используют гуманисты Возрождения (Госпожа Глупость у Эразма Роттердамского), авторы эпохи Просвещения (Дж. Свифт, Вольтер, Д. Дидро). Сохранившись до настоящего времени в качестве стилистичес-

кого средства, ирония передается через автора или персонажей, придавая изображению комическую окраску, означавшую, в отличие от юмора, не снисходительное одобрение к предмету разговора, а неприятие его⁹.

В науке отмечено существование множества типов иронии. Прямая ирония – способ принизить, придать отрицательный или смешной характер описываемому явлению. Самоирония – ирония, направленная на собственную персону. В самоиронии и антииронии отрицательные высказывания могут подразумевать обратный (положительный) подтекст (например, «Где уж нам, дуракам, чай пить»).

Антиирония противоположна прямой иронии и позволяет представить объект антииронии недооцененным. «Сократическая ирония построена на мнимом незнании; прием, который Сократ использовал в педагогических целях, романтическая ирония – автор отрицает то, что сам сказал. Ирония судьбы – неожиданный, непредсказуемый поворот событий.

Понятие экзистенциальной иронии разрабатывалось С.Кьеркегором применительно к человеческому существованию как неотделимая от экзистенциального предназначения человека данность. Словесная ирония возникает из расхождения между тем, что говорится, и тем, что подразумевается (наиболее ярко проявляется в сарказме). Ю.Борев выделяет еще и структурную, драматическую, трагическую, космическую иронии¹⁰.

В татарской литературе, судя по материалу наших исследований, преобладает прямая ирония, и высшим проявлением категории, свидетельствующим о мастерстве автора, становится самоирония. Так, например, в стихотворениях «Зря нас осуждают» («Безне урынсызга яманлылар», 1907), «Парень и девушка» («Егет илэ кыз», 1908) Г.Тукая или в рассказе

«Надо верить» («Ышанырга кирэк», 1990) З. Хакима, «Это жизнь!» («Дөнъя бу!»), 1956) «Как мы праздновали день рождения мамы» («Без энинез туган кенен ничек бэйрэм иттек», 1973) Х.Сарьяна комическая ситуация создается при помощи самоиронии и этот прием является также формообразующим моментом.

«Скрытность» насмешки, маска «серьезности» отличают иронию от юмора и особенно – от сатиры. Когда ироническая насмешка становится злой, едкой издевкой, резким, ранящим замечанием, ее называют сарказмом.

«Сарказм (греч. sarcasmos, букв. «рвать плоть») (...) – остроироничный комизм; оттенок смеха с горьким привкусом; особо издевательское высказывание»¹¹. Существует мнение, что сарказм является высшей степенью иронии, так как его целью становится причинение боли. Татарское литературоведение определяет сарказм как «убийственный смех» (үтергеч көлү). Автор не прячет свое мнение и отношение, наоборот, он их высказывает открыто, в неприятной форме. Например, саркастическая оценка Х.Сарьяном своего героя Чемата звучит следующим образом: «очлы баш» («остроголовка»), а умного человека татары называют «йомры баш» («круглоголовка»).

В татарской литературе созданию саркастического эффекта зачастую служит *алогизм*. «Алогизм (греч. А – отрицательная частица, Logismos – разум) – нарушение или разрушение логических связей как стилистических (в речи рассказчика, повествователя или персонажа), так и сюжетно-композиционных (немотивированные сюжетные сдвиги или композиционные разрывы)»¹². Например, алогизм проявляется в характеристике прокурора в повести З.Хакима «Что не встретишь в текучей воде» («Агым-

суда ни булмас») или Мингаза в романе Т.Миннуллина «Приключения Мингаза» («Минһаж мажаралары», 1998). В повести «Запятая с точкой» («Нокталы өтер», 1967) Х. Сарьяна алогизм приобретает форму речевой аномалии, в которой обнаруживаются особенности мировоззрения, умственная ограниченность главного героя Чемата. Этот прием способствует осмеянию бессмысленной и абсурдной действительности 1960-х гг. Обладая непредсказуемостью и спонтанностью, алогизм доводит объект саркастического смеха до абсурда.

Основу комической ситуации в татарской литературе может создавать пародия. «Пародия (греч. *parodia*, букв. – перепев) в поэтике литературы – один из способов воспроизведения чужого стиля и чужого слова в произведении»¹³. В рассказе Ф.Шафигуллина «Рыба плавает в воде» («Суда балык йөзәдер») автор воссоздает язык критической статьи, а в рассказе «Каша» («Ботка») – диссертации. В пародии, по М.М.Бахтину, автор вводит в чужое слово смысловую направленность, которая прямо противоположна чужой направленности¹⁴: в данном случае – критике и научности. В романе «Приключения Мингаза» Т.Миннуллина воссоздается речь Брежнева, и объектом пародирования становятся застойные явления в общественной жизни, наблюдаемые в советский период исторического развития.

В словаре основных терминов эстетики и теории литературы Ю.Борев дает следующее определение *пародии*: «Пародия (от греч. *paroidos* – поющий наизнанку) {изобретение пародии Аристотель в «Поэтике» приписывает Гегемону из Тазоса (V в. до н. э.), с помощью эпического стиля представлявшего людей хуже, чем они есть в действительности; он ввел пародию в театр; другие источники приписыва-

ют создание первой пародии поэту V в. до н. э. Гиппонакту} [комедийно-юмористический жанр] – подражание, утрированно повторяющее особенности оригинала, выражающее насмешливо-критическое отношение к некоторым героям, идеям, стилистическим особенностям источника, при некотором его почитании и даже восхищении его качествами»¹⁵.

Необходимо отметить, что на материале проведенных нами исследований были выявлены следующие виды пародирования: пародия как имитация словаря (Г.Тукай), стиля (Ф.Шафигуллин, Х.Сарьян) авторской позиции (Г.Афзал), тональности (А.Гилязов), идеи (Т.Миннуллин) и т.д. В татарской литературе пародирование в основном достигалось за счет механизации определенного приема, при этом писатели обращались к методам, применяющимся художниками-карикатуристами.

Наиболее обстоятельный анализ средств и приемов комического содержится в работах Ю.Борева. Он выделяет даже такие редко встречающиеся приемы, как «овеществление» и «оживотнивание». Также в свою классификацию Ю.Борев включает сатирическую гиперболизацию (преувеличение (гипербола) и преуменьшение, смягчение (эвфемизм)). «Гипербола (греч. – преувеличение) [риторика] – риторическая фигура, непомерное преувеличение размеров, количества, силы, значения явлений. Римский оратор и теоретик красноречия Квинтилиан определял *гиперболу* как «уместное отступление от истинного положения вещей»¹⁶.

Для татарской сатирической литературы характерны приемы конструирования художественного целого по принципу противопоставления слов и дела (рассказ «Болезнь старости» («Картлык чире», 1977) Х. Сарьяна, комедия «Не жена, а дракон» («Ха-

тын түгел, аждаһа!») Д.Салихова), повторов (знаменитая повесть «Шафигулла агай» (1924) Ф.Амирхана), параллелизма действий (роман «Приключения Мингаза» Т.Миннуллина), фантастики (рассказ «Пусть не появляется рок в деревне» («Авылга рок килмәсен», 1990).

В теории комического «гротеск (фр. – причудливый, необычный; ит. – грот, пещера) – фантастическое по форме или по композиции, странное, причудливое, смехотворное, нелепое, искаженное, экстравагантное изображение реального»¹⁷. При этом действительность «преобразуется за счет субъектного и объектного в широком смысле обоих слов (активное и пассивное, человеческое и природное, воображаемое и фактическое и т.д.)»¹⁸. В татарской литературе, как и в русской, при изображении героев гротескность зачастую возникает за счет психосоматической ущербности индивида (рентгеновский снимок Чамата в повести «Запятая с точкой» Х.Сарьяна можно сопоставить с гротескными формами, которые используют Н.В.Гоголь в повести «Нос», М.Салтыков-Щедрин в «Истории одного города» и др.). В татарской литературе словесный гротеск также охотно обращается к мотиву оживающих сказочных сюжетов (сатирические повести З.Хакима), фантастических картин.

«Аллегория (от греч. – иносказательная речь) [художественные средства, риторика] – иноговорение, высказывание с подводным течением, утверждение, подразумевающее нечто другое и даже противоположное прямому смыслу, не прямое выражение смысла; олицетворенное, знаково выраженное иносказание, образное воплощение важной идеи в конкретном символе; перенос значений одного круга явлений на другой, перенос по сходству от буквального значения

к небуквальному значению суждения»¹⁹.

Как прием сатирической оценки и толкования аллегория широко используется в баснях М.Гафури («Две мухи» («Ике чебен», 1940), «Кузнецик и муравей» («Чикерткә белән кырмыска», 1940), А. Исхака «Медведь на новом месте» («Аю яңа урында»), «Рыба и рыбаки» («Балык һәм балыкчылар») и мн.др. В прозе XX века на первый план выходит противопоставление буквального и скрытого смысла (произведения Х.Сарьяна, Ф.Шафигуллина и др.).

Существует и более широкое толкование аллегии. Нортроп Фрай в книге «Анатомия критики» (1957) отождествляет ее с любым актом «привязывания идей к структуре поэтической образности». «Мы фактически имеем аллегию, когда поэт открыто обозначает связь своих образов с примерами и предписаниями и таким образом пытается указать, каким должен быть комментарий к его произведению. Писатель становится аллегоричным всякий раз, когда он очевидным образом говорит: «под этим я подразумеваю также то-то». Если это происходит в его произведении постоянно, то мы можем с некоторой осторожностью сказать, что его текст представляет собой аллегию... Аллегория, таким образом, – это контрапунктическая техника, подобно канонической имитации в музыке»²⁰.

Этот пример является знаковым для теории комического. В течение XX века многие термины, имеющие отношения к комическому, избавлялись от негативного ореола. В трудах немецких философов (Х.Г.Гадамер и др.) была сделана попытка связать виды и подвиды комического с определенным модусом художественного мышления. Такая попытка изменила подходы к типологии комического. Интересным в этом плане является ра-

бота М.Т.Рюминой, которая в отличие от Ю.Борева, определяющего сатиру, юмор, иронию как основные виды комического, выделяет три основополагающих мотива. По ее мнению, они прослеживаются практически во всех теориях смеха и имеют отношение к сущности комического: «Это *мотив противоречия* (контраста, нелепости, безрассудства, бессмыслицы, перехода в противоположность и т.д.), часто сопутствующий ему *мотив игры* (оба эти мотива – игры и противоречия – пересекаются в концепциях романтиков Жан-Поля, К.Грооса, А.Бергсона и др.) и *мотив видимости* (мнимости, кажимости, лжи, обмана, самообмана, иллюзии, виртуальности, претензии, «тени», «сна наяву», «грезы» и т.д.)»²¹. Исследователь отмечает, что именно последний мотив занимает определяющее место в сущности комического.

Рассматривая комическое как родовую категорию, М.Т.Рюмина выделяет «субкатегории» или «модификации» комического – юмор, остроумие, ирония, сатира, пародия, карикатура, гротеск и др.

По мнению М.Т.Рюминой, *остроумие* – способность к восприятию комического и к его продуцированию. *Ирония* содержит указание не только на субъективное отношение к объекту иронии (отрицательное, как правило, насмешку), но и на логику развития объекта в его соотнесенности с субъектом – на диалектику видимого и скрытого, видимости и сущности. *Юмор* и *сатира* отличаются субъективным отношением к своему предмету. *Сатира* предполагает однозначно отрицательное, осмеивающее отношение ее автора к объекту и рассчитана на то, чтобы вызвать подобное же отношение и у воспринимающего сатирическое произведение. Особенность же юмора, по М.Т.Рюминой, состоит в примиряющем отношении к объекту осмеяния, выражающем внутреннее

принятие мира таким. *Гротеск, пародия, карикатура*, также модификации комического направлены на то, чтобы искусственно воссоздавать принцип удвоения видимости. Они являются средствами конструирования объекта комического (смешного) в искусстве. Все они основаны на искажении реальных форм жизни. Все они в целом являются социокультурными и художественными средствами, которые были выработаны историей для искусственного создания комической удвоенной видимости²².

Польский ученый Богдан Дземидок предлагает оригинальную классификацию приемов комического:

1. Видоизменение и деформация явлений: а) преувеличение (его разные формы), б) пародирование, в) гротеск.
2. Неожиданные эффекты и сопоставления, сюда относится и острота.
3. Несоразмерность в отношениях и связей между явлениями.
4. Мнимое объединение абсолютно разнородных явлений.
5. Создание явлений, которые по существу или видимости отклоняются от логической или праксеологической нормы²³.

Кроме того, ученый различает художественные и языковые средства создания комического. К первой группе он относит: сатирическое преувеличение и заострение; пародирование; окарикатуривание; гротеск; овеществление и оживотнивание; саморазоблачение и взаиморазоблачение. Ко второй группе причислены: острота, каламбур, иносказание.

Многие ученые особо подчеркивают, что приемы комического порождаются различными, прежде всего, языковыми средствами. «Путь формирования комического можно представить в следующем виде: объективный смех (смешное, комическое) – средства комического (в том числе языковые средства комического: фо-

нетические, лексические, фразеологические и грамматические) – приемы комического (как в широком смысле в качестве эстетических категорий, так и речевые приемы: эзоповский стиль, иносказание, деформация, неожиданность, несоответствие, недопонимание, разоблачение посредством анахронизмов...) – формы комического (юмор, сатира) – результат – смех (комическое: улыбка, смех, веселый смех, хохот, гомерический хохот, горький смех, гневный смех, смех сквозь слезы...)»²⁴.

Итак, комическое как одна из эстетических категорий объединяет три основных вида: юмор, сатиру, иронию. В литературе последних двух веков различные виды комического могут взаимодействовать в рамках одного произведения. Но одна из стра-

тегий должна оказаться эстетической доминантой, «которая сообщает всякому другому элементу и целому их конечный смысл»²⁵. Безусловно, все три основных вида комического участвуют как приемы в развитии, совершенствовании другого вида. Поэтому при изучении феномена комического очень важно выявить сферу приемов комического, которые обладают широкими возможностями смысло- и формообразования. В художественной литературе они могут быть связаны с сюжетом произведения, характерами персонажей, могут порождаться их поведением и действиями, ситуацией, комизм могут создавать одежда героя и детали обычных предметов; в то же время приемы комического формируются в непосредственной связи с языковыми – речевыми средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левин И.Г. Аффективная классификация шуток // MOYZEION. СПб., 1997. С.325–337; Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М. 1976. С. 19.

² Бахтин М.М. Сатира // Собрание сочинений: В 7 тт. М., 1997. Т.5. С.35.

³ Боров Ю.Б. О комическом. М.: Искусство, 1957. С.10.

⁴ Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М.: Искусство, 1968. С.65.

⁵ Лихачев Д.С., А.М.Панченко, Н.В.Поньрко. Смех в Древней Руси. Л.: Наука. Лен. отд-ние, 1984. С16.

⁶ Боров Ю.Б. Сатира // Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.395.

⁷ Боров Ю.Б. Ирония // Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.573.

⁸ Рощина О.С. Ирония как эстетическая категория: Автореф. дисс. ...канд. фил. наук. Новосибирск, 1998. 24 с.; Болдина Л.И. Ирония как вид комического: Автореф. дисс. ...канд. фил. наук. М., 1982. 23 с.

⁹ Чачванидзе Д.Л. Ирония // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. ред. Н.Д.Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С.84-85.

¹⁰ Боров Ю.Б. Ирония // Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.171.

¹¹ Боров Ю.Б. Сарказм // Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.395.

¹² Кривонос В.Ш. Алогизм // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. ред. Н.Д.Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С.18.

¹³ Кривонос В.Ш. Пародия // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. ред. Н.Д.Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С.159.

¹⁴ Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С.332.

¹⁵ Боров Ю.Б. Пародия // Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.289.

¹⁶ *Борев Ю.Б.* Гипербола // Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.97.

¹⁷ *Борев Ю.Б.* Гротеск // Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.102.

¹⁸ *Смирнов И.П.* Гротеск // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. ред. Н.Д.Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008.С.50.

¹⁹ *Борев Ю.Б.* Аллегория // Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С.20.

²⁰ *Фрай Н.* Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Тракаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ, 1987. С.254.

²¹ *Рюмина М.Т.* Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. Изд 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. С.74.

²² *Рюмина М.Т.* Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. С.118.

²³ *Дземидок Б.* О комическом. М.: Прогресс, 1974. 225 с.

²⁴ *Борев Ю.Б.* О комическом. М.: Искусство, 1957. С.74.

²⁵ *Христиансен Б.* Философия искусства. СПб., 1911. С.204.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы типологии комического и выделяются основные виды комического.

Ключевые слова: комическое, сатира, юмор, ирония, сарказм, алогизм, пародия.

Summary

The article examines the typology of the comic and highlights the main types of comic.

Keywords: comic, satire, humor, irony, sarcasm, illogic, parody.

УДК 821(091)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ ПРОЗЕ ТАТАРСТАНА, ИЛИ «КОГДА ВЕРНУСЬ В КАЗАНСКИЕ СНЕГА...»

*М.В. Небольсина, кандидат филологических наук,
член Союза писателей Республики Татарстан*

В Татарском книжном издательстве готовится к изданию Антология русской прозы Татарстана XX–XXI вв., составленная членами СП РТ Р.С. Сабировым и М.В. Небольсиной.

Авторы данной книги решили осветить не очень популярный ныне жанр антологии и собрали писателей-прозаиков: тех, кто издавался и издается, кто жил и живет в Татарстане, кто писал и пишет на русском языке – независимо от национальности, возраста и общественного положения, кто широко известен и чьи имена мало знакомы читателю – с целью ознакомления читателей с их творчеством.

Энтузиазма авторам-составителям придает напутственное слово главного редактора журнала «Наш современник», лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького, премии «России верные сыны», литературной премии имени Г. Державина, поэта, прозаика, публициста Станислава Куняева:

«Издание данной антологии – это интересный, хотя и немного рискованный эксперимент. Я думаю, что в современном мире, когда жизнь одних народов «врастает» на пограничных сферах в жизнь народов других, когда духовные сущности их соприкасаются друг с другом и в поисках взаимопонимания, притягиваясь друг к другу, а порой и отталкиваясь одно от другого, соблазняются враждебными или «осторожными» чувствами, –

подобное издание является весьма современным и нужным проектом.

Хочется пожелать этой книге доброго пути к внимательному, вдумчивому и заинтересованному читателю»¹.

Мы не пытались как-то систематизировать писателей, делить их по мировоззрению, политическим взглядам, философским концепциям, уровню дарования или популярности. Все они – это наша история, наша культура, наше наследие.

Настоящая антология (в переводе с греческого – «собрание цветов», «цветник») является первым опытом издания избранных произведений русских и русскоязычных прозаиков Республики Татарстан, каждый из которых писал о своем времени. И насколько многолика эпоха, настолько различны и несхожи пути татарстанских писателей.

Блистательная, искрометная, ни на что не похожая, проза Василия Аксенова ворвалась в нашу жизнь шестидесятых годов (прошлого уже века!) как порыв свежего ветра. Номера «Юности», где печатались «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», зачитывались до дыр.

Огромной популярностью среди молодежи пользовался роман Владимира Корчагина «Тайна реки Злых духов». В свое время, выражаясь языком современности, он был «культовой книгой», он не залеживался ни

в книжных магазинах, ни в библиотеках.

Спокойным, несуетным словом представлена военная проза Тихона Журавлева, которому удавалось о страшном писать спокойно и обыденно.

Образный поэтический язык Геннадия Паушкина придает крылатость и яркость его реалистическим произведениям, в которых живут и действуют его современники.

Прозу Юрия Белостоцкого и Дмитрия Сычева пронизывает романтика неба, замешанная на жестокой прозе войны.

Особо хотелось бы выделить жизнь и судьбу Сергея Ефремова, участника обороны Одессы и Севастополя, узника Дахау и Бухенвальда, познавшего горечь сталинского ГУЛАГА. «Дорогие мои, родные мои, сегодня я не должен умереть, просто не имею такого права!.. Здесь, где для утраты человеческого достоинства и совести сделано все, я, изверившийся, вновь обрел, буду нести в своем сердце и никогда не потеряю веру в самое дорогое, что есть на земле, – веру в человека...».

Жестокая, долгое время скрываемая правда войны пронизывает и повесть Игоря Толстого «Люди в кирасах».

Философская проза представлена, в первую очередь, произведениями Рауфия Бухараева, Диаса Валеева, Рустема Кутуя. И если у Кутуя философия тесно переплетена с природой, то Диас Валеев более обращается к миру искусства, Бухараева же более волнуют сложные сплетения человеческих взаимоотношений.

К философской прозе тяготеют также произведения Натана Солодухо, Рустема Сабирова, Салавата Юзеева. В аллегории Н. Солодухо повествуется о том, какую бессмысленную жестокость таит в себе праздное и

простое, казалось бы, любопытство. В рассказе Р. Сабирова – попытка заглянуть за черту незнаемого. В рассказе же С. Юзеева – отчетливое тяготение к татарскому национальному фольклору.

Тема творчества Софьи Радзиевской и Василия Подгорнова – полный тайн и загадок мир природы. Без философского осмысления, но с любовью ко всему сущему и живущему.

Повести Веры Арямновой, Эльмиры Блиновой, Лилии Газизовой, Маргариты Небольсиной проникнуты особым, узнаваемым «женским» юмором, немного горьким и ностальгическим.

Рассказы Льва Кожевникова и Владимира Ларишко проникнуты болью за горькие реалии современности.

Произведения Нонны Орешинной, единственной женщины, летавшей на реактивных самолетах вертикального взлета, имеющей за спиной десятки парашютных прыжков, пронизаны романтикой неба, повествуют о нелегкой судьбе летчиков и их семей.

Русская литература в национальных республиках – тема отдельного исследования. Очевидно, в каждом регионе ситуация складывается по-разному. Однако общим, вероятно, является активное взаимопроникновение и взаимообогащение разноязычных культур.

В среде русских писателей год от года растет удельный вес литераторов-татар, пишущих на русском языке, которые имеют свой круг читателей, и литература их была и остается востребованной.

Не случайно возник и новый термин «русскоязычная литература», ибо после 1917 г. советская литература стала носить не только национально-специфический, но и «пограничный» характер, когда «писатель мыслит в координатах одной национальной культуры, но на языке, в речевых

формах другой национальной культуры»².

Русскоязычных авторов условно можно разделить на три категории: те, кто, творя по-русски, считает себя тем не менее ветвью именно татарской литературы: это Равиль Бухараев, Рустем Кутуй, Рафаэль Мустафин; те, кто, идентифицируя себя как русских писателей, тяготеет в той или иной степени к национальным истокам: это Лилия Газизова, Рустем Сабилов, Салават Юзеев; и те, наконец, кто, будучи татарами по крови, отчетливо отнесли себя именно к русской литературе вне всякой национальной привязки – Руслан Галимов, Диас Валеев.

В одном из своих интервью известный татарский драматург Туфан Миннуллин, ныне покойный, на вопрос, как он оценивает ту огромную армию, пишущую на русском языке, ответил: «Русскоязычные писатели... Мне самому не нравится этот термин. Почему? Да потому, что у этого слова нет лица. Или вот долгое время имело место расхожее определение «советский писатель»... Человек так устроен, что, даже не зная ни одного слова на родном языке, он все равно стремится к истокам»³.

На вопрос журналиста Р. Даутовой, имеет ли смысл издать отдельную антологию писателей-татар, пишущих на русском языке, Т. Миннуллин ответил за десять лет до своей смерти:

«Если хотят, пусть объединяются и сами выпускают. А потомки... они будут искать свои корни у нас, писателей, писавших на татарском языке. Мы же не ищем татарина среди тех, кто писал на английском или голландском. Поймите, русскоязычные – зигзаг нашей истории. Татарская литература – это мы, а не они»⁴.

Надо отметить, что и русская литература не стремится признавать русскоязычных писателей за «своих». Таким образом, возникает опасность,

что национальный писатель, пишущий на русском языке, никому не нужен. И его одинаково легко может потерять и русская литература, и национальная.

Нам кажется, что в том, что писатель, принадлежащий к одной национальности, пишет на другом языке, нет ничего сверхъестественного. Писатели, пишущие на русском языке, были и остаются родными сыновьями своего народа. И, наверное, бесполезно давать оценки такому явлению.

Литературу питает жизнь, а жизнь оценок не дает и в них не нуждается.

Впрочем, предоставим право выбора нашим читателям.

Названием нашей книги «Когда вернусь в казанские снега...» послужили строки стихотворения Равиля Бухараева, с любезного согласия его вдовы, Лидии Григорьевой.

Авторы надеются, что сумели справиться со своей задачей и не только вернули читателю забытые имена, но и сумели обратить его внимание на новые.

Несмотря на то, что издание снабжено научным комментарием, оно не претендует на исчерпывающий охват литературы и может стать для кого-то открытием, поскольку представлено яркой палитрой образов, сюжетов и тем. Под одной обложкой нам удалось собрать соцветие из пятидесяти шести лепестков-имен.

Книга еще находится на подступах к изданию, и неизвестно, что ее ждет в будущем, сколько ей понадобится времени, чтобы найти своего читателя, а уже есть первый отзыв – секретаря Союза писателей Москвы, одного из основателей Русского ПЕН-центра, лауреата премий «Большая книга», «Венец», премии за выдающийся вклад в отечественную культуру «Триумф», Евгения Попова:

«Я искренне рекомендую любителям литературы не пропустить эту

примечательную книгу, антологию русской прозы Татарстана XX–XXI века, любовно и профессионально составленную неизвестными мне М. В. Небольсиной и Р. Р. Сабировым.

Это – чрезвычайно увлекательное чтение. Десятки человеческих судеб, сюжетов, взлетов, падений, разочарований, детского и взрослого восторга перед таинством жизни – вот что объединяет прозу участников антологии, начиная от всемирно прославленного мэтра Василия Аксенова и заканчивая писателями всего лишь «широко известными в узких кругах».

Эта книга убедительное доказательство того, что слухи о смерти русской литературы, мягко говоря, сильно преувеличены. Что она пережила и советскую цензуру, и постсоветскую нищету, когда писателям и поэтам почти совсем перестали платить за их труд, а издатели встречают литераторов сакраментальной фразой: «Все это хорошо, но спонсор-то у вас есть?».

Для меня настоящий писатель это тот, кто пишет вне зависимости от того, печатают его или не печатают, возносят или хулят, платят ему или он сам платит. То есть *тот, кто не может не писать*. Здесь, в пределах этого издания, – настоящие писатели.

Соцреалисты, модернисты, постмодернисты, бытописатели... Прак-

тически, любой участник антологии – личность, и я уверен – каждый читатель этой книги отыщет себе на ее страницах близкого ему по мироощущению и взгляду на жизнь автора. Это – важное издание, побольше бы таких в стране, где у многих наших сограждан от вечного российского бардака и беспредела зачастую опускаются руки. А вот здесь люди захотели и сделали, добились своего, мысль о необычном издании перестала быть мечтой и стала явью, что лично мне прибавляет оптимизма.

Ибо получилось в Казани, получится и в Перми, Красноярске, Владивостоке, Курске. Страна ведь по-прежнему большая и погибать, погружаясь в варварство, дикость, бескультурье, бездуховность, вовсе не намерена.

И еще – на страницах этой антологии мирно уживаются пишущие на русском языке «дети разных народов», населяющих Татарстан. Более того, разница менталитетов лишь усиливает ощущения того, что хочешь – не хочешь, а все мы, живущие в России, – одна семья. Или, как некогда выразился американский классик Шервуд Андерсон: «Все мы – братья, но наш отец, видите ли, ушел в море».

Читающему да обрящется⁵.

Остается надеяться, что книга найдет своего читателя и не оставит его равнодушным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из письма С. Куняева Небольсиной М. 04.07.2014.

² *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература – перекресток культур / Н.Л. Лейдерман // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – Екатеринбург, 2005. – С. 50.

³ *Даутова Р.* Русскоязычные писатели – зигзаг истории. К анализу творчества Д. Валеева. Интервью с Т. Миннуллиным / Р. Даутова // Восточный экспресс. – 2002. – 4 мая.

⁴ *Даутова Р.* Русскоязычные писатели – зигзаг истории. К анализу творчества Д. Валеева. Интервью с Т. Миннуллиным / Р. Даутова // Восточный экспресс. – 2002. – 4 мая.

⁵ Из письма Е. Попова М. Небольсиной. 14.09.2014.

Аннотация

Автор, являющийся одним из составителей Антологии русской прозы Татарстана XX–XXI вв. «Когда вернусь в казанские снега...», размышляет о русской и русскоязычной прозе Татарстана, анализирует творчество отдельных авторов, комментирует издание.

Ключевые слова: антология, русская и русскоязычная проза, писатели Татарстана.

Summary

The author, who is compiler of the Anthology of Russian prose of Tatarstan in XX–XXI centuries «When I get back in Kazan snow ...» reflects on Russian and Russian-language prose of Tatarstan, analyzes creativity of the individual authors, comments edition.

Keywords: anthology, Russian and Russian-language prose, writers of Tatarstan.

УДК 792.03

РАСКРЫТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕМЫ В ТАТАРСКОМ СЦЕНИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

А.Р. Салихова, кандидат филологических наук

Театр пришел к нам из глубины веков. Но вслед за древними греками каждый народ заново осваивал для себя это волшебное искусство, подстраивая его под свои нужды, обогащая своими исконными традициями и опытом. Французы, итальянцы, русские или татары – каждый считает свой театр неповторимым национальным достоянием, бесценным сокровищем, требующим бережного и уважительного отношения. Его старательно охраняют от чуждого и наносного, стремясь донести до грядущих поколений самобытность, уникальность каждой театральной школы. Театр называют зеркалом жизни, кафедрой, духовным камертоном, совестью народа. Но так ли уж бесспорны эти определения? Что означает для сценического искусства быть национальным, народным? И насколько реально сохранить эти качества в современном изменчивом мире, где стираются границы, и все так тесно переплетено? Применительно к татарскому театру, который большую часть своей истории развивался в едином русле «интернационального советского искусства», эти вопросы особенно актуальны.

Театр, сначала любительский, а потом и профессиональный, появился у татар в начале XX века (а первые пьесы были написаны еще в конце XIX в.). Трудно назвать конкретное историческое событие, ставшее толчком для его появления. Развитие ка-

питализма в России, революционные волнения, реформы в образовании и идеологии – весь мир бурлил и обновлялся. Не мог остаться неизменным и патриархальный уклад жизни поволжских татар. Конечно, перемены во взглядах глубоко и искренне верующих мусульман шли нелегко, и старания энтузиастов театрального дела поначалу были встречены настороженно. Пожелтелые страницы первых национальных газет сохранили для нас острую полемику по этому вопросу. Решающим аргументом в пользу нововведения стало признание его положительной воспитательной роли. И действительно, ранние татарские пьесы Г. Ильяси, Ф. Халиди, Г. Камала, Г. Исхаки полностью соответствовали духу исламского просветительства, осуждали пороки, невежество, безнравственность. Среди переводных произведений сначала также преобладали мусульманские – турецкие и азербайджанские – авторы. Постепенно нация становилась более открытой и динамичной, рос интерес к западной, европейской, а также русской культуре. Это сказалось и на репертуаре. Как татарские газеты печатали на своих страницах образцы зарубежной литературы и репродукции мировых шедевров изобразительного искусства, так и театральная труппа знакомила публику с произведениями Мольера, Гейне, Гоголя, Островского, Чехова. Просвещая своих зрителей, артисты учились и сами.

Постановки же по пьесам национальных драматургов каждый раз становились радостным и долгожданным событием. Большой популярностью пользовались комедии Г. Камала. Позднее советские ученые назовут их острой социальной сатирой на богатеев-эксплуататоров. На самом деле сатира эта была чисто бытовая – небольшие юмористические зарисовки, в которых он весело и непринужденно описывал хорошо знакомый ему купеческий мир (сам к нему принадлежал и жил за счет торговли), высмеивал общечеловеческие пороки: жадность, глупость, хитрость. Всего два произведения для сцены – драмы «Молодежь» и «Неравные» – написал Ф. Амирхан. Поразившие современников художественным совершенством, богатством идейного содержания, красотой языка, они стали классикой. Писали для театра С.Рамиев, И. Богданов, Ф. Сайфи-Казанлы и другие. Но самым ярким и разносторонне одаренным среди драматургов был, несомненно, Гаяз Исхаки. Путь, который он прошел в своей творческой эволюции, весьма показателен. Его просветительская драма «Жизнь с тремя женами», опубликованная еще в 1900 г., с большим успехом шла на татарской сцене вплоть до 1916 г. Более поздние драмы и комедии поднимали актуальные для своего времени проблемы и относились уже к критическому реализму. Но вершиной его творчества по праву считается трагедия «Зулейха». По своему эпическому размаху, глубине философских обобщений и силе эмоционального воздействия она и сегодня не имеет себе равных в татарской драматургии. Не случайно показанная в марте 1917 г. постановка встретила небывало восторженный прием и получила международный резонанс. Конечно, после того, как Гаяз Исхаки, не приняв власть большевиков, эмигрировал в Турцию, к нему

намертво приклеили ярлык «буржуазного националиста» (парадокс – до революции он скитался по ссылкам и тюрьмам как «социалист»). Новым режимом «Зулейха» была объявлена мистической, антирусской, идеологически вредной и находилась под запретом. Между тем в этом создававшемся на протяжении долгих лет, основанном на реальных исторических событиях, очень сложном и серьезном произведении нет ни грамма бытового, вульгарного национализма, что подтверждается и наличием положительных русских персонажей. Рассказывая о судьбе насильственно крещеных татар, писатель поднял глобальную проблему не только физического, но и куда более страшного – духовного угнетения, показал, как страдают люди, низведенные до положения бесправной скотины, словно у них нет души, чувств, разума. С болью и состраданием пишет он о своих единоверцах, перенесших множество горя и лишений. Исхаки бросал свое обвинение царизму, бесчеловечному жандармскому государству. Тем более горько осознавать, что драма до сих пор не утратила своей актуальности. Разве ненависть к инакомыслию, неприятие чужой веры и языка, другого цвета кожи и волос отошли в прошлое? Увы, мы видим немало проявлений национального притеснения и нетерпимости и сейчас.

Дореволюционная история татарского театра насчитывает чуть больше десяти лет. Но за этот небольшой промежуток времени был сделан огромный путь, и не только в освоении актерского мастерства. Помимо сугубо коммерческих задач – привлечения и развлечения публики – актеры ставили перед собой и более важные, значительные, благородные цели – способствовать распространению культуры и образованности, развитию литературы и искусства, росту наци-

онального самосознания. Театр и сам по себе воспринимался как символ прогресса и объединял вокруг себя широкий круг молодой татарской интеллигенции – драматургов, переводчиков, журналистов. Мало кто из владеющих пером остался в стороне от этого захватывающего дела. Духом подвижничества, гордостью за успехи нации была пронизана атмосфера театральных и музыкальных вечеров в знаменитом Восточном клубе. Статьи и рецензии в дореволюционной татарской прессе также свидетельствуют о том важном значении, которое придавалось роли театра в жизни общества.

Время с Февральской революции до начала двадцатых годов было для татарского театра особенно плодотворным. Воспользовавшись отменой цензуры, окрыленный долгожданной свободой, театр стал показывать запрещенные ранее произведения, затрагивать острые темы. Ставилось большое количество переводных пьес, развивались новые жанры национальной драматургии, в частности, так называемая «пролетарская драма». На одной сцене шли произведения Г. Исхаки, Г. Камала, Ф. Бурнаша, К. Тинчурина, Г. Кулахметова, Ш. Усманова, М. Файзи, Х. Такташа, Г. Рахима и многих других, совершенно разных как по своим политическим взглядам, так и по творческой ориентации писателей. Можно с полным правом утверждать, что в этот небольшой промежуток времени (1917–1923) на татарской сцене царил подлинный плюрализм.

Заметно обогащались и выразительные средства сценического искусства. Особого внимания заслуживают появившиеся в это время музыкальные драмы романтического, национального содержания. «Тагир-Зухра» Ф. Бурнаша (1918), «Буз егет» К. Рахима (1921), «Юсуф-Зулейха», «Лэйла-Меджнун» К. Амири (1922–1923),

«Сак-Сок» А. Сагиди (1923) и многие другие. Ценность этих постановок в том, что они глубоко самобытны и национальны. В них была сделана попытка органично соединить еще новые для татар театральные формы с идущими из глубины веков традициями восточной лирической и эпической поэзии.

Свобода длилась недолго. Укрепляясь, советская власть брала искусство под свой контроль. В Татарстане с 1920 г. все театры, клубы, кино были переданы в ведение Главполитпросвета. Соответственно их главной задачей стали классовая, идеологическая пропаганда, искоренение «национализма» и «мелкобуржуазных пережитков». Общечеловеческие, нравственные и эстетические ценности отошли на задний план.

Самым ярким выразителем идеологии нового, социалистического татарского театра стал актер, режиссер, драматург Карим Тинчурин. Свою позицию он четко и определенно обозначил в многочисленных публикациях: искусство должно служить делу революционного воспитания масс, а его основная цель – уничтожение «подгнивших в тени ислама обычаев и собственнических инстинктов». Новый, пролетарский театр должен быть зрелищным, динамичным, легким для восприятия, должен в сжатой форме и яркой красочной обертке преподнести зрителю запоминающийся, проникающий в подсознание урок классовой борьбы. Теоретические статьи драматурга представляют большой интерес, но куда большее влияние на мировоззрение татар оказала его театральная практика. В его спектаклях не было «наглядной агитации», прямолинейных лозунгов, к «правильным выводам» зрителя подводили исподволь, используя привычные, доступные художественные средства, задевая самые чувствительные струнки в душе.

Все это делалось так тонко, талантливо, что даже сейчас многие считают (вопреки высказываниям самого Тинчурина!) – эти пьесы не носят агитационного характера, они направлены не против религии в целом, а лишь против отдельных ее представителей. Позиция Тинчурина не была чем-то исключительным, напротив, она была типичной для данного исторического периода. Вместе с ним на разрушение традиционного менталитета татар работали Г. Ибрагимов, Х. Такташ, Т. Гиззат и очень много других деятелей культуры, искренне полагавшие, что они строят новое, светлое будущее. Их заблуждения дорого обошлись и им самим, и всему народу. Раскрученный маховик классовой ненависти, нетерпимости, террора требовал все новых жертв. Полностью расправившись к середине тридцатых годов со своими реальными врагами, «революция начала пожирать своих детей». Не секрет, что в мясорубке сталинских репрессий погибали уже те, кто своими руками устанавливал «пролетарскую» власть и всем своим талантом преданно служил новому режиму. Большой урон понесла и советская татарская интеллигенция – среди многочисленных жертв и Карим Тинчурин: его расстреляли в 1938 г.

Дальнейшее развитие татарского театра шло под жестким контролем. Задачи сценического искусства полностью определялись линией партии и правительства и практически сводились к патриотическому, классовому и интернациональному воспитанию. При этом не допускалось даже малейшего свободомыслия. Неудивительно, что популярность театра в сороковые-пятидесятые годы заметно снизилась.

Некоторую свободу, живую струю свежего воздуха принесла хрущевская оттепель. Татарский театр сперва отреагировал на нее легкими лирическими комедиями и мелодрамами.

Непритязательные сентиментальные произведения Хая Вахита, в непридуманной постановке Р. Бикчентаева выделялись ярким контрастом на фоне привычных «идеологически выверенных», «правильных», «серьезных» спектаклей. Им сильно доставалось от критики, но они имели огромный успех. Немного освободившись от тотального диктата, театр повернулся лицом к простому зрителю, которого больше занимают не революционные свершения, а перипетии человеческих отношений, любовные переживания, нравственные проблемы.

Эту направленность на достижение зрительских симпатий подхватил и Марсель Салимжанов. Вообще, с приходом поколения шестидесятников в татарском театре начинается новый этап. На арену вышла целая плеяда молодой творческой интеллигенции: актеров, режиссеров, композиторов, писателей. Драматурги Т. Миннуллин, Ш. Хусаинов, Р. Батулла и другие основной упор делали на психологизм и вопросы нравственности, оживляя ими и производственные, и патриотические пьесы. Непременным стержнем в них должна была оставаться коммунистическая идеология, но каждый по-своему обогащал свои произведения кто философскими, кто юмористическими, кто мелодраматическими красками, проявляя творческую индивидуальность. Театр вновь завоевал популярность, спектакли вызвали живой интерес у общества, становились предметом дискуссий. Но кажущаяся свобода на самом деле была весьма ограниченной. В период «развитого социализма» татарская нация постепенно исчезала. Городские татары стремительно ассимилировались: невозможно было получить образование на родном языке (на миллионную Казань работала всего одна татарская школа, о вузах и училищах и речи не было), радио и телевеща-

ние, пресса были очень скудными. Обществом приветствовались межнациональные браки, прославлялся «интернационализм», под которым понималось обрусение. Ни в одной пьесе того времени не найдется и намека на эту действительность. Театр считался национальным, потому что там звучала татарская речь, одевались в национальные костюмы, иногда исполнялась народная музыка, игрались произведения авторов-татар. Но идеи, проблемы, общая направленность были исключительно советскими.

Весьма показательны в этом смысле так называемые «исторические» постановки. Все они посвящались «революционному прошлому», а героями их могли стать лишь такие личности, как большевик Шамиль Усманов, герой-коммунист Муса Джалиль, сподвижник Е. Пугачева Бахтияр Канкаев и т.д. Причем историческая правда обычно приносилась в жертву идеологии. Так, к примеру, в драме Н. Фаттаха «Кул Гали» рассказывается о победе Волжской Булгарии над татаро-монголами (!). И даже такие лояльные, состоящие сплошь из «художественного вымысла» спектакли на национальную тему подвергались гонениям. А более острые и живые постановки М. Салимжанова «Три аршина земли» А. Гилязова, «Конокрад» Т. Миннулина и вовсе были запрещены, зрители увидели их только после перестройки.

И в этих условиях национальные чувства с трудом, но находили себе выход. Одна из несомненных побед татарского театра времен застоя – «Альмандар из Альдермыш». Спектакль, ставший национальным символом, гордостью татар, удивительно гармонично соединил в себе советские идеалы с неповторимым народным колоритом. Неунывающий девяностолетний герой полностью соответствует требованиям соцреализма – фрон-

товик, труженик, интернационалист. Однако основной акцент делается на его личных и национальных качествах – лукавстве, хозяйственности, доброте, трепетном, восторженном отношении к миру, и особенно к детям. И драматург Т. Миннулин, и режиссер М. Салимжанов, и исполнитель Ш. Биктимиров вложили в образ Альмандара всю душу, придав ему удивительно живой, узнаваемый, родной облик. К сожалению, эта постановка являлась редким исключением, лишь подтверждающим общее правило.

Таким образом, вплоть до начала девяностых годов татарский театр оставался, по выражению Сталина, «национальным по форме, социалистическим по содержанию». Да и форму нельзя было назвать по-настоящему самобытной, советской критикой приветствовалось единообразие или, как тогда это называлось, «сближение национальных культур».

Демократические перемены в обществе нашли свое отражение и в театре. Возрождение интереса к своим истокам характерно для всего советского искусства времен перестройки. Знаменательным событием стала постановка в ТГАТ им. Г. Камала инсценировки нашумевшей повести Ч. Айтматова «Плаха» (1987). Само произведение достаточно противоречиво, и поставленный режиссером Д. Сиразиевым в стиле рок-оперы спектакль во многом был данью тогдашней моде. Но в нем впервые за много лет поднималась проблема исторической памяти, разрушительных для личности последствий национального нигилизма.

Дипломная работа режиссера Ф. Бикчентаева по пьесе молодого драматурга М. Гилязова «Бичура» («Домовой») (1989) стала продолжением этой темы, но уже на родной для театра татарской почве. Спектакль-притча, полный иносказаний,

философских обобщений, поэтических метафор рассказывал о духовном опустошении, об утрате опоры в жизни, к которым привели забвение национальных обычаев, пренебрежение к нравственным извечным законам. Бытие четырех одиноких стариков в заброшенной деревне напоминает разоренное гнездо. Остыл некогда горячий семейный очаг главного героя Аксака – из пятерых сыновей ни один не вспоминает о родителях. Опустело, умерло некогда шумное и многолюдное село – из ста семнадцати крепких хозяйств осталось всего два ветхих дома. Последний хранитель жизни – фольклорный, мифический персонаж Домовой покидает стариков, унося с собой в небытие целый мир – когда-то живой, разноцветный, основательный мир татарской деревни. Для выражения этой пронзительно печальной мысли молодой постановщик нашел непривычные, проникновенно выразительные художественные средства: вместо красочных декораций – полупустая темная сцена, вместо бодрых диалогов – тихие исповедальные интонации, вместо бравурной, умело оркестрованной музыки – берущий за душу, исполненный а капелла, старинный мунаджат. Так, еще до «парада суверенитетов» и многотысячных митингов со сцены с потрясающей глубиной и эмоциональной силой прозвучало предупреждение о том, что нация идет к духовному тупику, оплакивалась необратимость потерь на этом пути.

Вообще, ранние спектакли Ф. Бикчентаева были очень интересными, новаторскими не только в плане сценической формы (на что обратили основное внимание критики). В них по-новому, непредвзято осмысливалась действительность, ощущался молодой, свежий взгляд на привычные вещи, на устоявшиеся мифы национальной истории. Ярким примером

может служить постановка «Сказки про белого бычка» Т. Гиззата (1990). Стопроцентная агитка времен коллективизации неожиданно получила совсем иное, современное звучание. Главный герой – зажиточный крестьянин никак не хочет отдавать своего ухоженного бычка в голодное колхозное стадо. Именно бичеванию его «мелкособственнических инстинктов» и посвящена пьеса. Волей постановщика создается своеобразный «перевертыш». Сцена, заваленная мешками с зерном, о которые все без конца запинаятся и падают, сама кричала о вопиющей бесхозяйственности «народной власти». Шум, гам, бессмысленная суэта, бесконечные выступления комсомольских агитбригад усиливали ощущение всеобщего помешательства. На этом фоне практичный, хитроватый, обаятельный «кулак» производил впечатление единственного нормального, здравомыслящего человека. Его «контрреволюционные речи» звучали очень убедительно, а нежелание отдавать плоды своего труда бездельникам на разбазаривание было так понятно и естественно.

Вместе с Фаридом Бикчентаевым на сцену пришло новое поколение молодых артистов. То, что начало их творческой работы совпало с периодом общественного обновления, национального подъема, безусловно, для них большая удача. Куда труднее пришлось более зрелым мастерам с устоявшимися взглядами. От них новое время требовало непростой внутренней перестройки, переосмысления своего жизненного и профессионального опыта.

Главный режиссер Камаловского театра Марсель Салимжанов отнесся к новым веяниям в общественной жизни несколько настороженно. Особенно его беспокоили максимализм, бескомпромиссность, эмоциональ-

ность широко развернувшегося национального движения, попытки кардинально пересмотреть наследие прошлого. Отстранившись от митинговых страстей, он постарался сценическими средствами выразить свое отношение к злободневным вопросам национальной жизни. Так появился нашумевший в свое время спектакль по пьесе Т. Миннуллина «Ильгизар + Вера» (1991). В основе сюжета – довольно типичная история. Татарин женится на русской и начинает полностью плясать под ее дудку. Своего сына они называют Иваном. Таких ситуаций в жизни немало. Налицо тенденция к обрусению татар через смешанные браки. Эта проблема и была прямо поставлена в спектакле, но что касается путей к ее решению... Салимжанов обратился к своему излюбленному методу психологического реализма, тщательно обрисовывая характеры туповатого, безвольного Ильгизара, своенравной, эгоистичной, недалекой Веры, их родственников и знакомых. Средствами бытовой и социальной сатиры были подчеркнуты недостатки молодых героев – невоспитанность, глупость, легкомыслие. В результате громко заявленный национальный конфликт незаметно свелся к проблеме морально-нравственных качеств, личных взаимоотношений, к каким-то мелким бытовым деталям. Как писали некоторые критики: дело не в том, что нации разные, «была бы любовь...». Действительно, попытка доказать зрителям, что нельзя нарушать древние обычаи и сочетаться браком с представителем другой национальности, вышла не совсем убедительной. Ильгизар и Вера на самом-то деле два сапога – пара. Они оба – продукт советской эпохи, люди без нации, без культуры. Между ними не стоит ни одна религия: татары в деревне давно не мусульмане, да и Вера носит крестик лишь как украшение.

Русского языка им вполне хватит для общения, а что касается разницы в характере и бытовых привычках – это и вовсе мелочи, ведь и так все люди разные.

Тем не менее спектакль сам по себе вышел жизненный и заставляющий о многом задуматься. Ведь человек наиболее ярко и полно проявляется именно в своих личных отношениях. А любовь труднее всего подчиняется логическим доводам и социальным установкам. Не случайно столько произведений искусства посвящены конфликту разума с чувствами. Что касается межнациональных браков, то точнее всего выразил суть проблемы всемирно известный герой Шалом Алейхема Тевье-молочник: «Птичка может полюбить рыбку, только где они будут жить?». Когда за отдельными индивидуумами стоят разные цивилизации, культурные традиции, исторически сложившиеся особенности, – тогда действительно их совместное существование чревато большими трудностями, противоречиями и трагедией духовного раздвоения для совместных детей. Одной из самых существенных составляющих национального мироощущения является религиозное сознание. И единство в этой области гораздо важнее чисто этнических моментов.

Именно такой поворот получила тема любви в следующей серьезной совместной работе Т. Миннуллина и М. Салимжанова – спектакле «Любовница» (1997). Удачливый предприниматель Кабир и молодая учительница Аниса – любовники. У него есть еще жена и дети, у нее – лишь шикарно обставленная квартира и красивые ухаживания. Ситуация пошловатая, но любовь между ними страстная, горячая. Не поженились они лишь потому, что Аниса не хочет «разбивать семью». Воспитанные в атеистическом обществе, на романтичес-

ких представлениях о «свободной» любви, оба не придавали значения «формальностям». Целых десять лет длилось их счастье, пока новые времена не внесли свои коррективы. Повзрослевшая Аниса открыла для себя мир ислама и решила оставить свою грешную любовь, выйти замуж, родить детей, начать новую, праведную жизнь. Для Кабира такой поворот стал настоящим ударом. Привыкший брать от жизни по максимуму и всегда добиваться своего, он впервые столкнулся с непреодолимым препятствием. Он не хочет терять любимую женщину и мечется в попытках переубедить ее, доказать свои права. Самоуверенный, самодостаточный диктатор-бизнесмен, может быть, впервые в жизни столкнулся с необходимостью принять чужое мнение, подчиниться чужому решению. Это заставляет его задуматься, оглядеться, внимательно выслушивать людей, которых раньше не замечал: молоденькую секретаршу, старушку, торгующую сигаретами под окнами, муллу... Внешние события постепенно уступают место подлинному конфликту произведения – несовместимости прежнего рационального, потребительского мировосприятия с новыми нравственными установками и возрождением религиозных ценностей. Центром постановки стал образ Кабира, в ярком, темпераментном исполнении Ильдара Хайруллина. Думается, потому, что его сомнения, внутренние противоречия были особенно близки режиссеру. Образ Анисы не получил такого звучания, хотя именно в ее душе произошли существенные сдвиги, ее эволюция – характерная примета времени, да и моральная правота осталась за ней (в этом отличие позиций драматурга и постановщика). Вообще, создатели спектакля постарались не давать однозначных оценок, предоставив делать окончательные выводы зрителям...

В отличие от взвешенных, повествовательно-рассудительных драм Т. Миннуллина пьесы молодого драматурга З. Хакима полны скепсиса, горькой иронии, максимализма. «Летающая тарелка» (1993), «Сумасшедший дом» (1996), «Ясновидящий» (1998) были близки творческой натуре М. Салимжанова яркой социальной направленностью, беспощадной обличительной сатирой, сочетанием бытового реализма с глобальными обобщениями и оригинальной образностью. Кроме того, им присуща откровенная, честная, самокритичная позиция. З. Хаким не призывает искать причины национальной трагедии во внешних обстоятельствах, а исходит из мнения, что каждый носит корень своих бед в себе самом. Действительно, никогда не получит свободы и признания тот, кто не изжил в себе рабской психологии, идолопоклонничества, кто живет лишь инстинктами и соображениями сиюминутной выгоды. Для того, чтобы достигнуть подлинного национального возрождения, расцвета экономики и культуры, татарам предстоит пройти огромный и тяжелый путь, на котором неизбежны, прежде всего, серьезные подвижки в общественном сознании.

Значительным, неординарным событием стала постановка М. Салимжановым трагедии Ю. Сафиуллина «Идегей» (1994). Татарскому народу наконец-то вернулось его бесценное наследие – древний эпос, заклеянный и запрещенный в свое время как «феодално-ханский». Кроме того, делалась попытка по-новому, непредвзято взглянуть на прошлое, объективно осмыслить обросшую мифами историю расцвета и распада Золотой Орды. Но главное – создателям спектакля удалось найти и выделить в древнем дастане актуальные мотивы, проблемы, созвучные времени. 1994 г. – начало чеченской войны. И в пос-

тановке камаловцев на первый план вышло обличение распри, насилия, политической безответственности. На глазах у зрителей разгорается конфликт, повлекший за собой гражданскую войну, гибель государства, многочисленные потери. В драме дана четкая расстановка сил, и каждый персонаж может рассматриваться не только как яркий художественный образ, но и как определенный политический символ. Здесь, как и в жизни, тесно переплелось личное и общественное, малое и великое, случайное и неизбежное. А начинался политический кризис в Золотой Орде с отрицания, казалось бы, сугубо нравственных ценностей, с разлада вроде бы чисто человеческих, межличностных отношений... Выпущенный на волю дьявол междоусобицы становится неуправляемым, собирая все новые и новые жертвы, пробуждая в людях низменные инстинкты, тщеславие и жестокость. Запах крови сводит людей с ума, перед ним отступают и здравый смысл, и моральные постулаты, родственные чувства и даже любовь. Распри подняли со дна страны всю муть и грязь. Множатся конфликты, ширится и растет очаг войны, нет конца бедам, разрухе, смертям. И как беспомощно, глупо и даже издевательски звучали из уст заваривших эту кашу «героев» бесконечные слова о справедливости и законе, народном благе и интересах государства! В этой войне нет правых, и не может быть победителей. Истины и мира не достичь путем кровопролития. Именно об этом страстно, ярко, эмоционально говорили со сцены актеры, находя горячий, искренний отклик в сердцах зрителей.

После долгого забвения наконец-то вернулись на подмостки произведения Гаяза Исхаки. Огромная заслуга в этом принадлежит Прозату Исанбету. Не побоявшись реальных трудностей как политического, так и эстетическо-

го характера, режиссер одну за другой ставит несколько его пьес: «Зулейха» (1993), «Брачный контракт» (1994), «Жан Баевич» (1995).

Наибольший резонанс, безусловно, получила «Зулейха» – легенда татарского театра. Ее возвращение ожидалось с трепетом и нетерпением. В то же время мало кто отдавал себе отчет в том, какая огромная пропасть отделяла возвращенного в духе реализма и атеизма массового постсоветского зрителя от Исхаки и его религиозно-мистического произведения. Кроме того, пятиактная хроникальная историческая драма по современным меркам чересчур объемная и многословная (это в 1917 г. зрители с воодушевлением смотрели спектакль 7 часов). Учитывая особенности современной публики, пьесу сократили почти наполовину. Причем в спектакль не вошла самая яркая, насыщенная и важная для автора сцена, несомненно, являвшаяся кульминацией произведения – фантастическая картина явления умирающей Зулейхе ангелов. Глубоко религиозная идея искупления и вознаграждения за страдания и праведность, находившая горячий отклик у зрителей-мусульман начала века, показалась театру несвоевременной. Для того, чтобы сделать спектакль доступным и популярным, его максимально приблизили к традиционной эстетике бытового реализма. И своей цели, безусловно, достигли, правда, лишив «Зулейху» художественного своеобразия, необычности, того, что делало ее выдающимся, ни на что не похожим явлением в национальном искусстве. Тем не менее спектакль производил сильное эмоциональное впечатление. Большую роль в этом сыграло и музыкальное оформление. Композитор театра Ф. Абубакиров проделал огромную и кропотливую работу по расшифровке и оркестровке архивных материалов, и зрители ус-

лышали оригинальную музыку Султана Габаши, написанную к первой постановке «Зулейхи» в 1916 г. Торжественная и печальная, затрагивающая потаенные струны души, строгая, величественная мелодия «Кичке Азана» стала лейтмотивом спектакля, во многом определившим его смысл. Пьеса, постановка которой в тогдашней нестабильной ситуации вызвала немало опасений, прозвучала не укором, не обвинением, а поминальной молитвой, данью памяти и благодарности предкам, вопреки жесточайшим преследованиям, сумевшим защитить самобытность культуры, веры и языка, сохраниться как нация.

Интерес к национальной тематике, творческий подъем были характерны не только для театра им. Г. Камала. Очень яркие, самобытные, оригинальные постановки появились и в Театре драмы и комедии им. К. Тинчурина. Это, в первую очередь, «Колдунья» (1993) Н. Гыйматдиновой в постановке Т. Халяф и «Пока течет Итиль...» (1994) Н. Фаттах в постановке Р. Загидуллина. Показателен тот факт, что, не найдя в современной драматургии пьес, достаточно ярко раскрывающих национальную тематику, театр выбрал созвучные своему настроению прозаические произведения и сам обработал их для сцены.

Кроме того, появилось множество новых татарских театральных коллективов в республике и за ее пределами: в Уфе, Туймазах, Оренбурге, Набережных Челнах, Нижнекамске, Казани... Рожденные волной национального подъема, они горели творческим энтузиазмом, желанием сказать новое слово и показали немало своеобразных, проникнутых творческим поиском, по-настоящему живых и актуальных спектаклей.

Вряд ли справедливо обойти вниманием постановки татарских драматургов в других регионах. В частности,

в 1994 г. Башкирский академический театр драмы им. М. Гафури привозил на гастроли в Казань удивительно пронзительный, волнующий, драматичный спектакль по пьесе И. Юзеева «Выронил я из рук белый калфак...» о судьбах разбросанных по миру представителей татарской диаспоры. В центре постановки – тема утраченной Родины, и актуальна она, к сожалению, не только для эмигрантов. Трагична судьба вынужденных переселенцев, не нашедших счастья на чужбине, мучающихся угрызениями совести и ностальгией. Еще более горька участь тех, кто остался, но пожертвовал при этом своими убеждениями, свободой, родственными и дружескими связями, кто, славя свою страну, закрывал глаза на полученные раны и миллионы безвинных жертв. Поэтому выроненный из рук белый калфак – символ трагедии всего народа, разбросанного по свету, разобщенного, разделенного границами и убеждениями, но объединенного общей тоской по чистому и светлому образу своей утерянной Родины. Башкирские актеры передавали переживания своих героев исключительно проникновенно, с огромной эмоциональной отдачей, а найденная драматургом форма телемоста еще более обостряет восприятие зрителей, делая происходящее на сцене близким, реальным, осязаемым.

В двухтысячные годы интерес театра к национальным проблемам заметно ослабел. Сказались изменения в политической ситуации, настроении общества. Центральное место на сцене заняли любовные истории, семейные передражки, легкие, развлекательные комедии. Нельзя сказать, что уровень постановок понизился, появлялись очень серьезные, глубокие, по-настоящему новаторские спектакли, и среди них много произведений мировой классики. Большое внимание уделялось вопросам формы, эстети-

ческого совершенства. Вместе с тем в обществе ощущалась настоящая потребность в театре не только как в месте для отдыха и культурных развлечений, но и как в общественной трибуне, институте, формирующем национальное сознание. Отчетливее других это осознавал М. Салимжанов. Он вернул на сцену спектакль «Ильгизар+Вера», а в 2002 г. на свой страх и риск поставил неоднозначную и далеко не совершенную в художественном отношении пьесу М. Гилязова «Баскетболист». Восторженный прием и небывалый резонанс в СМИ, который получила эта постановка, говорят о многом. Русскоязычные издания увидели в спектакле убийственную, саркастическую пародию на потерпевших фиаско националистов-радикалов. Они же, в свою очередь, также уверенно и безапелляционно посчитали его гневным обличением половинчатой «предательской» политики М. Шаймиева, лишь посетовав на некоторую недосказанность, обусловленную, по их мнению, цензурными соображениями. Многие разглядели в постановке лишь фарс, смешное, на грани цирковой эксцентрики, пред-

ставление и искренне недоумевали, зачем вообще в ткань спектакля ввели государственную символику? Такая существенная разница в зрительском восприятии, конечно же, не свидетельствовала о четкой, определенной авторской позиции. Но уже то, что вокруг спектакля развернулась острая полемика, разбушевались страсти, говорит о востребованности острых современных пьес на национальную тему.

Сегодня, несмотря на неизбежные веяния в театральном искусстве, связанные с глобализацией и распространением западных эстетических тенденций, татарский театр по-прежнему сохраняет свою самобытность. Большое место в репертуаре занимает национальная классика. В произведениях современных драматургов оживает история, поднимаются острые и злободневные проблемы национальной жизни. Можно назвать такие спектакли, как «Любовь бессмертна» Р. Зайдуллы, «Женщины 41-го» З. Зайнуллина, «Мулла» Т. Миннуллина. И это естественно. Театр не может жить в отрыве от своих корней, от народа, которому служит и который так остро в нем нуждается.

Аннотация

Статья посвящена раскрытию национальной темы в татарском сценическом искусстве. Прослеживается, какие аспекты национальной жизни находились в центре внимания в разные периоды исторического развития, каким образом эта тема трактуется различными писателями и режиссерами. На основе конкретных примеров показана эволюция татарского театра и, в частности, его отношения к национальному вопросу. Статья будет интересна специалистам в области литературы, истории и театрального искусства.

Ключевые слова: театр, искусство, драма, история, национальная тема.

Summary

The article devoted to the national theme in the Tatar theatrics. Aspects of national life which were the focus at different periods of historical development and how this theme interpreted by various writers and directors are traced. Evolution of the Tatar Theater and in particular their relationships to the national question are shown on the basis of examples shows. The article will be of interest to specialists in the field of literature, history and theater.

Keywords: theater, art, drama, history, national theme.

УДК 06.52.23

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ БАНКРОТСТВОМ

М.М. Азизов, соискатель Академии социального образования

В статье на основе анализа зарубежного законодательства сформулировано предложение о необходимости создания в Российской Федерации специализированного органа по вопросам банкротства предприятий.

В настоящее время в России нет единого государственного органа, осуществляющего государственную политику и координацию всех органов в сфере банкротства, что приводит к частичному дублированию их функций и отсутствию контроля в некоторых областях.

Как показывает практика большинства зарубежных стран (США, Канада, Великобритания, Австралия, Швеция, Нидерланды и др.), одним из ключевых элементов современной системы несостоятельности является наличие специального государственного учреждения с конкретными обязанностями по вопросам банкротства, способного контролировать состояние законодательства и представлять соответствующие рекомендации правительству относительно действий последнего в данной области. Другими ключевыми элементами системы несостоятельности являются законодательство, институт специалистов, судебная система и понимание необходимости банкротства в обществе.

Можно выделить несколько часто встречающихся функций и полномочий государственных органов по банкротству зарубежных стран:

1. Разработка законодательства по банкротству и выступление в этой сфере с законодательной инициативой;

2. Сбор, анализ и представление правительству статистической информации по делам о несостоятельности;

3. Сбор и анализ результатов осуществления и последствий различных решений по делам о банкротстве;

4. Выработка рекомендаций правительству относительно государственной политики в сфере несостоятельности;

5. Организация системы подготовки, оценки профессионального уровня и лицензирования специалистов по банкротству;

6. Разработка и утверждение шкалы и правил вознаграждения арбитражных и конкурсных управляющих;

7. Организация контроля таких аспектов деятельности арбитражных и конкурсных управляющих, как соблюдение профессионально-этического кодекса; отчетность по выявленным активам; соответствующее и своевременное инвестирование денежных поступлений; соответствующее распределение средств от реализации активов; правильное признание исков; сохранение или аннулирование бухгалтерской отчетности, утверждаемое судом; получение вознаграждения строго в соответствии с утвержденной шкалой и правилами его одобрения;

8. Консультирование судей, юристов и специалистов по банкротству;

9. Осуществление функций конкурсного управляющего в случае ликвидации предприятий с малыми активами;

10. Обеспечение выплат задолженностей по зарплате и выходным пособиям сотрудникам несостоятельных предприятий в случае нехватки конкурсной массы;

11. Контроль и обеспечение адекватности информации о предприятиях-должниках, предоставляемой судам;

12. Контроль качества управления несостоятельными предприятиями, выявление случаев недобросовестного или некомпетентного управления, принятие мер по дисквалификации недобросовестных директоров;

13. Защита интересов общества путем выявления серьезных нарушений в управлении предприятиями (например, подлога с инвестиционными средствами, манипуляций с акциями на бирже, незаконного отчуждения активов, ведения аморального или бесчестного бизнеса) и вмешательства в дела таких предприятий вплоть до возбуждения в судах дел об их банкротстве;

14. Защита интересов больших групп мелких кредиторов (вкладчиков, акционеров) при осуществлении процедур несостоятельности.

Как правило, компетенция и функции государственных органов по банкротству установлены законом. Вместе с тем государственные органы по банкротству многих стран имеют свои специфические особенности. Так, государственные органы по банкротству стран Европейского Союза обладают полномочиями подавать в Суд ЕС запросы относительно постановлений Суда о толковании положений Европейской Конвенции по банкротству.

В Австралии государственным органом по банкротству является государственная Комиссия по корпоративным делам, которая имеет полномочия: анализировать финансовое состояние предприятий, подвергаемых процедурам несостоятельности; обеспечивать адекватность информации о должнике; делать заключения о мере ответственности директоров должника за доведение предприятия до банкротства; дисквалифицировать виновных директоров самостоятельно, либо ходатайствовать о такой дисквалификации в суд.

В Великобритании роль государственного органа по банкротству выполняет Служба несостоятельности, входящая в систему Министерства торговли и промышленности и насчитывающая 1800 постоянных сотрудников. Функции этой Службы таковы:

1. Лицензирование специалистов по банкротству, контроль за процессом выдачи лицензий специалистам по банкротству и за соответствием деятельности арбитражных и конкурсных управляющих профессионально-этическому кодексу и законодательству о банкротстве;

2. Получение статистических данных от судов и от назначенных арбитражных и конкурсных управляющих для составления базы данных не только по количеству и отраслевой принадлежности банкротств, но также по результатам решения дел о банкротстве, с тем, чтобы решения, которые будут приниматься в будущем, были лучше обоснованы и подкреплены соответствующей информацией;

3. Осуществление функций конкурсного управляющего в случае нехватки активов подвергаемого процедуре банкротства предприятия для оплаты конкурсного управляющего из числа независимых профессионалов;

4. Выявление вероятных причин банкротства должника и понесения им убытков;

5. Выявление причин незаявления о банкротстве директорами должника, как только стало ясно, что спасение бизнеса невозможно;

6. Проверка документации компании в случае поступления жалоб от клиентов, партнеров или общественности;

7. Предписание неблагополучным компаниям пройти аудиторскую проверку и назначение определенных аудиторов за счет компании;

8. Добиваться ликвидации компании в случае, если Служба несостоятельности пришла к выводу, что это соответствует интересам общества – на такие случаи приходится примерно 1% всех банкротств в Великобритании (несколько сот в год);

9. После каждого случая банкротства требовать и получать от конкурсного управляющего отчет о деятельности прежних руководителей предприятия-должника; в случае выявления злоупотреблений и злостной некомпетентности обращаться в суд о дисквалификации такого директора на срок до 15 лет;

10. Возбуждать в судах дела о судебном преследовании должников¹.

В Канаде существует специализированный государственный орган по делам о банкротстве, подчиненный правительству страны и именуемый «Институтом суперинтендантов по несостоятельности». В его компетенцию входят:

1. Законодательная инициатива по вопросам несостоятельности;

2. Обобщение опыта и практики банкротств в стране;

3. Разработка и контроль соблюдения единого профессионального стандарта арбитражных и конкурсных управляющих;

4. Лицензирование, контроль деятельности и отзыв лицензий у специалистов по банкротству;

5. Возбуждение дел о банкротстве в судах.

Многолетний богатый опыт государственного регулирования банкротств существует в Соединенных Штатах Америки. С 1934 г. роль государственного органа по банкротству стала выполнять Комиссия по биржам и ценным бумагам (КБЦБ) Правительства США. С 1938 г. ее функции, зафиксированные в Законе о банкротстве, были таковы:

1. Выступать в качестве эксперта-консультанта судов по банкротству;

2. Быть стороной в судопроизводстве по делам о банкротстве с правом давать обязательные заключения по планам реорганизации несостоятельных предприятий;

3. Рекомендовать судам по банкротству кандидатуры независимых внешних управляющих.

В реформированном в 1978 г. американском Законе о банкротстве у КБЦБ есть три функции:

1. Выступать в суде и быть заслушанной по любому вопросу дела о банкротстве, в частности, по поводу назначения конкурсного управляющего, назначения комиссий кредиторов и акционеров, уровня оплаты конкурсных управляющих, использования, продажи и аренды собственности;

2. Контролировать и обеспечивать адекватность заявления предприятия-должника о своем финансовом состоянии и наличии активов;

3. Возражать против утверждения судом плана реорганизации по мотивам злоупотреблений со стороны должника.

В ряде случаев КБЦБ вмешивалась в условия продажи действующих неплатежеспособных предприятий, настаивая и добиваясь других условий

продажи. В 1983 г. в дополнение к КБЦБ как к государственному органу по банкротству в США появились Государственные федеральные конкурсные управляющие, задача которых, среди прочего, состоит в контроле деятельности и оплаты независимых конкурсных управляющих, а также в предотвращении мошенничества, нечестности и нарушения законности при осуществлении процедур банкротства².

Государственный орган по банкротству Швеции находится в единой системе с налоговой службой и органами судебного исполнения и состоит в совместной компетенции Министерства финансов и Министерства юстиции. Этот орган, имеющий отделения во всех провинциях страны, контролирует и регулирует осуществление процедур несостоятельности. Полномочия его таковы:

1. Выработка и контроль осуществления государственной политики в области банкротств;
2. Консультирование судов, занимающихся процедурами несостоятельности;
3. Подготовка, лицензирование, консультирование конкурсных управляющих;
4. Осуществление функций конкурсных управляющих в случае банкротства предприятия с малыми активами;
5. Консультирование кредиторов при осуществлении процедур банкротства;
6. Контроль уровня оплаты конкурсных управляющих, доплата за услуги этих специалистов в случае недостатков ресурсов у предприятия-должника;
7. Контроль соблюдения интересов обеспеченных кредиторов;
8. Осуществление публикаций о признании предприятий банкротами³.

В Российской Федерации представление интересов бюджета в делах о несостоятельности первоначально было возложено на Федеральное управление по делам о несостоятельности (банкротстве) при Госкомимуществе (ФУДН). В соответствии с пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации от 17.03.1997 г. № 249 «О совершенствовании структуры федеральных органов исполнительной власти» была образована Федеральная служба России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению (ФСДН) на базе ФУДН. Впоследствии в 1999 году ФСДН была преобразована в Федеральную службу России по финансовому оздоровлению и банкротству (ФСФО). Она обладала достаточно широкими полномочиями – от формирования и реализации федеральных и межгосударственных программ, предусматривающих мероприятия по реструктуризации и финансовому оздоровлению неплатежеспособных организаций, до разработки мер социальной защиты работников, высвобождаемых в связи с ликвидацией организаций-работодателей. Указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 г. № 314 Федеральная служба России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению была упразднена. Ее функция по представлению интересов Российской Федерации как кредитора в делах о банкротстве и процедурах, применяемых в деле о банкротстве, была передана Федеральной налоговой службе.

Как нам видится, задачи, возложенные на Федеральную налоговую службу в сфере банкротства, являются, во-первых, не совсем профильными, так как основной задачей налоговой службы должна оставаться задача по сбору налогов, и, во-вторых, сильно урезанными по сравнению с зада-

чами и полномочиями правопреемственника.

В свете вышеизложенного считаем необходимым создание в Российской Федерации специального ведомства,

регулирующего процессы банкротства и представляющего интересы государства, либо возложение данных функций на Уполномоченного по защите прав предпринимателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kostenhandbuch I - II*”, Kurt Salmon Associates, Dusseldorf, 1987.

² *Krumenacher, A.*, Krisenmanagement, Leitfaden zum Verhindern und Bewaltigen von Unternehmungskrisen, Verlag Ind. Organisation, Zurich, 1981.

³ *Neuhold, H.*, Krise und Krisenmanagement in den internationalen Beziehungen; Stuttgart, 1989.

Аннотация

В статье на основе анализа зарубежного законодательства сформулировано предложение о необходимости создания в Российской Федерации специализированного органа по вопросам банкротства предприятий.

Ключевые слова: банкротство предприятий, государственный контроль в сфере экономики, зарубежный опыт.

Summary

In article on the basis of the analysis of the foreign legislation is formulated the offer on need of creation in the Russian Federation of specialized body concerning bankruptcy of the enterprises.

Keywords: Bankruptcy of enterprises; state control in the sphere of economy; foreign experience.

УДК 347.963

ПОЗОРНАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ПРОКУРАТУРЫ ТАТАРСТАНА

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент АН РТ*

Прокуратуру Татарской республики советского и постсоветского периода возглавляли многие руководители. Они были самые разные, имели свои достоинства и недостатки. Кто-то из них оставил яркий, глубокий след в истории, чья-то деятельность осталась незамеченной. Отдельных прокуроров республики помнят до сих пор, оценивая время их работы как целую эпоху. Были и прокуроры, которых сняли с высокой должности по негативным основаниям. Самая позорная страница в истории прокуратуры Республики Татарстан связана с именем прокурора Ибрагима Сайфутдиновича Надеева. Он единственный в истории прокурор республики, арестованный и осужденный за должностное преступление – получение взятки.

И.С. Надеев родился в 1912 г. в селе Ломаты Дубенского района Мордовской республики в семье крестьянина-бедняка. Его отец умер в 1918 г. В анкете Надеев указывал, что в 1920–1928 гг. вместе с матерью он работал по найму у кулаков – зажиточных селян. С 1924 г. был членом ВЛКСМ, в 1929 г. окончил школу крестьянской молодежи. В 1929–1930 гг. работал преподавателем Ломатской трудовой школы 1-й ступени в родном селе. В 1930 г. обкомом ВЛКСМ Надеев командирован в Казань на учебу в Коммунистический университет. Анкету для поступления в университет

Надеев составил в мае 1931 г. Его зачислили на комсомольское отделение. Но к учебе Надеев не приступил. Он поехал домой, чтобы сняться с учета, собрать вещи. Но вскоре прислал в университет письмо, в котором сообщал, что сильно болеет, лежит в больнице, просил дать отсрочку, обещал приехать в октябре 1931 г. Ему писали письма, слали телеграммы – приезжай учиться! Вдобавок ко всему Надеев потерял студенческое удостоверение. В конце концов в январе 1932 г. Надеева исключили из университета за непосещение занятий.

В 1931 г. Надеев вступил в ВКП(б), был рекомендован Дубенской и Казанской организацией комсомола и старыми коммунистами (Косов и другие). В 1932–1933 гг. он работает директором школы ФЗУ на базе 9-летки при строительстве фабрики киноплёнки № 8 в г. Казани.

В марте 1933 г. Надеев мобилизуется Казанским горкомом на работу в органы юстиции – помощником начальника исправительно-трудового учреждения по политико-воспитательной части (УИТУ НКЮ ТАССР). В начале 1934 г. Надеев работал начальником политико-воспитательной части лесозаводов УИТУ ТР. Лесозавод входил в Центральную фабрично-заводскую колонию. Надеевым составлен отчет по состоянию на 1 января 1934 г. о политико-моральном состоянии сотрудников лесозавода.

В Казанской Центральной фабрично-заводской исправительно-трудовой колонии в 1933–1934 гг. проходили производственную практику студенты Казанского института советского права. По материалам практики они написали дипломные работы. При этом в некоторых работах встретились политические ошибки. В частности, 27 июня 1934 г. студентка Оффенгенден защищала дипломную работу по теме «Труд как средство перевоспитания в ИТУ». В ее работе нашли политически неверное предложение, навеянное производственной практикой: о необходимости снижения норм хлеба для отлынивающих от работы осужденных.

4 июля 1934 г. защищал дипломную работу студент Н.Иванов – по той же теме: «Труд как средство перевоспитания в ИТУ». В его дипломной работе тоже нашли недостатки, и также навеянные производственной практикой: в частности, политически неверное положение о проведении в стенах ИТУ лозунга: «Кто не работает, тот не ест». Как выяснилось впоследствии, перед практикантами такую теорию развивал работник колонии Надеев. Консультант по дипломной работе указал на политическую неверность этих предложений и предлагал выбросить их из работы, но студенты не исправили ничего. При разборе дипломных работ студенты признали свои ошибки, объяснив их установками работника КФЗТК Надеева¹.

Из УИТУ Надеева командировали в Москву на учебу в школу высшего начсостава ГУИТУ РСФСР. Как он указывал в автобиографии, в школу его не приняли по состоянию здоровья и из-за непрохождения службы в РККА. В это время происходит реорганизация органов ИТУ и Надеев по решению ЦК направляется на прокурорскую работу в Узбекистан. Здесь он работает в 1934–1939 гг. прокурором

городов Бехбуди-Карши, Шахризабз, прокурором Кашко-Дарьинского округа, прокурором по спецделам прокуратуры Узбекской ССР. Последнее время он занимал достаточно высокую должность – исполняющий обязанности начальника следственного отдела прокуратуры Узбекской ССР.

Как видно из этих данных, в Узбекистане Надеев быстро вырос по служебной лестнице. По его словам, он отмечался, поощрялся за образцовую постановку работы в прокуратуре города Шахризабз, а также за активную работу по борьбе с кулацким саботажем и содействие успешному выполнению плана сдачи хлопка государству.

Как на самом деле проявил себя в Узбекистане Надеев, мы не знаем. Все изложенные здесь сведения взяты из его анкеты и автобиографии, которые он составил сам. Какая-либо характеристика в его личном деле отсутствует.

В апреле 1939 г. Надеев отзывается в распоряжение прокуратуры СССР – по его заявлению. Видимо, он просил направить его в Татарскую республику. И.С. Надеев прибыл в Казань с удостоверением прокуратуры РСФСР от 13 мая 1939 г. с предложением о принятии его на работу помощником прокурора Татарской АССР. 19 мая 1939 г. Надеев назначается начальником гражданского судебного отдела. Прокуратура СССР утвердила это решение.

29 января 1940 г. приказом прокурора республики Перова Надеев назначается исполняющим обязанности начальника следственного отдела. 17 июня 1940 г. Надеев назначается исполняющим обязанности заместителя прокурора Татарской АССР.

Быстрый рост Надеева в прокуратуре Татарской республики, возможно, объяснялся тем, что перед войной многие сотрудники были призваны в

армию. В частности, должность начальника следственного отдела освободилась в связи с призывом в РККА Б.С. Сунгатуллина.

Перов представляет кандидатуру Надеева в Татарский обком партии на утверждение в должности заместителя прокурора Татарской республики и пишет, что он «растущий работник, достаточно инициативный, требовательный, пользуется авторитетом. Политически развитый, в 1932 г. окончил Татарский коммунистический университет. Идеологически устойчив».

Надеев проходит спецпроверку и 16 июня 1940 г. утверждается бюро Татарского обкома в должности заместителя прокурора республики. Что это, интересно, за спецпроверка, которая даже не смогла выявить факт отчисления Надеева из Коммунистического университета?

Вскоре Надеев утверждается и прокурором РСФСР. При этом в характеристике, представленной прокурору РСФСР, указывается образование Надеева: «Общее – ниже среднего, политическое – в 1932 г. окончил 2-годичное отделение Татарского коммунистического университета; юридического образования не имеет». В другой характеристике уточнялось, что общее образование Надеева составляет семилетнее обучение в школе.

Очевидно, что в те времена наличие политического образования ценилось больше, чем юридического. На самом деле, зачем прокурору юридическое образование, если он имеет политическое образование и правильно понимает и проводит политику партии?!

Документы на Надеева в Москве ходили долго. Лишь 3 февраля 1941 г. прокурор СССР назначил его на должность заместителя прокурора Татарской АССР.

В сентябре 1940 г. прокурор Татарской АССР Перов направляет заявление Надеева директору Казанского филиала заочной правовой академии – с просьбой зачислить его на третий курс. При этом указано, что Надеев до 1934 г. состоял студентом заочного сектора Казанского института советского права и в связи с командированием в Москву, а затем и в Узбекистан был вынужден прервать учебу. Перов просит восстановить Надеева на учебе. И с 1941 г. Надеев зачисляется студентом.

Следует отметить, что прокурор Татарской АССР Перов в целом оценивал работу Надеева положительно. Как заместитель прокурора, Надеев проводил кустовые совещания районных прокуроров, выполнял обобщения и другие поручения. Правда, в справке о работе Надеева от 24 сентября 1940 г. Перов указал, что Надеев сделал неправильные выводы из проведенного им обобщения по реализации Указа Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. Со слов Перова, Надеев сделал вывод о якобы большой работе, проделанной органами прокуратуры, тогда как налицо были серьезные извращения Указа. Как отметил прокурор республики, ошибочное мнение Надеева не получило распространения и после разъяснения он стал проводить правильную точку зрения. Возможно, что это замечание Перова свидетельствовало о склонности Надеева приукрашивать истинное положение дел.

26 декабря 1940 г. Перов своим приказом закрепляет за Надеевым руководство отделами общего надзора, милиции, местами заключения, гражданско-судебным, разрешение хозяйственно-финансовых вопросов (финансовый сектор и управление делами).

После начала Великой Отечественной войны Надеев обратился к воен-

ному прокурору Московского военного округа – с просьбой о призыве его в органы военной прокуратуры МВО. Военный прокурор запросил прокурора Татарской АССР (а им был уже Д.Н. Исупов) его мнение по этому поводу.

Исупов ответил, что Надеев является татаринном, другой заместитель по специальным делам и прокурор республики не владеют татарским языком. Подобрать в настоящее время подходящего заместителя Исупов не мог – многие ушли на фронт. Поэтому Исупов не дал согласия на призыв Надеева.

Во исполнение решения бюро Татарского обкома ВКП(б) от 11 марта 1942 г. Надеев как заместитель прокурора Татарской АССР был направлен для расследования дела об антигосударственной практике руководителей Сармановского района. Преступление заключалось в составлении фиктивных документов о хлебозаготовках колхозами Сармановского района. Надеев с поручением справился. Под суд были отданы руководители района, председатели колхозов, директор Петровского спиртзавода и другие.

В июле 1942 г. Надеев был мобилизован в Кайбицкий и Нурлатский районы по проведению уборки урожая и заготовки сельскохозяйственных продуктов.

Прокурор Татарской АССР, судя по составленным в декабре 1941 г., марте 1942 г. характеристикам, был хорошего мнения о работе Надеева. В марте 1942 г. Исупов направил характеристику на Надеева в прокуратуру СССР для поощрения за честную, энергичную и инициативную работу.

В феврале 1944 г. Надееву присваивается классный чин старшего советника юстиции.

Удивительно, но перед этим, в январе 1944 г., заполняя личный листок по учету кадров, заместитель проку-

рора ТАССР И.С. Надеев указал, что с 1930 по 1932 г. он учился в Татарском коммунистическом университете, и в графе: «Окончил или нет», своей рукой написал: «да».

Однако, как следует из приведенных нами архивных документов, Надеев Татарский коммунистический университет не закончил. И он в нем почти не учился, был отчислен за непосещение занятий. В личном деле прокурора Надеева нет какого-либо документа (диплома, свидетельства) об окончании Татарского коммунистического университета. Может быть, никто у него этого и не требовал?

Приходится констатировать, что Надеев совершил самый обычный обман. Не имея практически никакого образования, он работал на ответственных должностях, в том числе и в прокуратуре.

Интересно, что уже в это время в характеристиках на Надеева появляются отдельные отрицательные моменты. В частности, прокурор Татарской республики Ардерихин в 1944 г. писал, что Надеев недостаточно проводил работу по надзору за выполнением Указов от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г., не принял достаточных мер, направленных на усиление надзора за Верховным судом. И что Надеев проявляет в работе инициативу и активность, однако недостаточно. В то же время Ардерихин в конце характеристики делает вывод о том, что Надеев «по практическому опыту и знаниям прокурорской работы, а также по уровню развития подготовлен к выдвижению на самостоятельную работу».

В июле 1945 г. Надеев сдал государственные экзамены в Казанском филиале Всесоюзного юридического заочного института и, наконец, получил юридическое образование. Причем юридический институт он закончил отличником!

В 1945 г. новый прокурор Татарской АССР Садовников отмечает в характеристике, что Надеев «не всегда нормально воспринимает критические замечания».

В 1945 г. Надеев получил высокую государственную награду – орден Трудового Красного Знамени.

В августе 1945 г. прокурор Садовников сообщал в Москву, что Надеев второй месяц болеет. В это время происходят важные события – Москва требует характеризующие документы на Надеева. И 16 декабря 1946 г. Надеев назначается прокурором Татарской АССР. Приказ подписывает Генеральный прокурор СССР К.П.Горшенин.

28 апреля 1947 г. приказом Генерального прокурора СССР Горшенина Надееву присваивается классный чин – государственного советника 3 класса. В мае 1947 г. в связи с 25-летием органов прокуратуры и за большие заслуги в деле осуществления социалистической законности и укрепления советского правопорядка Надеев награждается орденом Отечественной войны 1-й степени. В 1947 г. Надеев избирается депутатом Казанского городского Совета депутатов трудящихся.

Таковы сведения, почерпнутые из архивного личного дела прокурора Татарской АССР И.С.Надеева².

Надеев активно публиковался в печати. Сам ли он писал статьи, либо писали за него, не знаю. В частности, в «Блокноте агитатора» (1948 г., № 23) была опубликована большая статья Надеева «Ленин и Сталин о социалистической законности». Она вышла под грифом отдела пропаганды и агитаторства Татарского обкома ВКП(б). В статье большое число ссылок на работы, речи, высказывания Ленина и Сталина. Статья была издана для использования ее агитаторами.

В 1949 г. Надеев опубликовал в журнале Прокуратуры СССР «Социалистическая законность» статью под названием: «Идейно-политическое воспитание прокурорско-следственных работников Татарской АССР». В ней прокурор Татарской АССР подробно рассказывал о том, какая большая работа проводится по изучению работниками прокуратуры марксизма-ленинизма, повышению своего идейно-теоретического уровня и юридической квалификации. Партийное просвещение, лекции, кружки, учеба в юридических институтах и многое другое – все это, очевидно, на самом деле имело место. В конце статьи Надеев самокритично признал: «У нас еще много недостатков, у нас еще есть отдельные политически отсталые работники, не занимающиеся повышением своего идейно-политического уровня и юридической квалификации»³.

Как в воду глядел. Вскоре и сам Надеев оказался в числе таких «отдельных политически отсталых работников».

Итак, мы ознакомились с биографией И.С.Надеева, сделали некоторые выводы из имеющихся архивных и иных документов. Перейдем сейчас к событиям, предшествовавшим возбуждению уголовного дела и аресту прокурора Татарской республики Надеева.

Непосредственный участник событий тех лет, прокурорский работник Абдулла Ханович Валиев, перешагнувший столетний рубеж, здравствующий и сегодня, первым написал об этом деле и поведал собственную версию событий. В то время Валиев работал в центральном аппарате прокуратуры ТАССР, был в курсе многих дел и событий. Приведем в полном объеме очерк А.Х.Валиева.

* * *

Деньги из мыла

В послевоенные годы в Казани были распространены опасные преступления, в том числе хищения государственного и общественного имущества. Для борьбы с ними в органах МВД были созданы отделы по борьбе с хищениями (ОБХСС). Как известно, они оправдали свое назначение. Одним из самых громких дел тех лет, заведенных по материалам ОБХСС, стало дело по обвинению Ю. Гришкана.

В Казани жили два брата Гришкана: младший Юрий заведовал мыловаренным цехом в промысловой артели инвалидов «Трудовик», а старший Григорий – киоском на колхозном рынке по улице Кирова, где реализовывалось мыло из цеха младшего брата.

Как было установлено при расследовании указанного дела, в годы войны жидкое мыло продавалось через киоск Григория по цене 300–400 рублей за один стакан. При таких ценах братья Гришканы должны были бы приносить большой доход для промартели. Однако они из выручки от реализации мыла сдавали артели лишь половину суммы, остальное похищали.

Юрий Гришкан для производства мыла установил связь с работниками мыловаренного комбината им. Вахитова, через которых здесь получал сырье (кость) для мыловарения в своем цехе. Было установлено, что специалисты по сырью (по костным делам) по преступной договоренности с Гришканом каждый раз при отпуске сырья артели из склада комбината снижали коэффициент жирности, что давало возможность Гришкану сдавать артели лишь часть изготовленного мыла соответственно коэффициенту. Таким образом, в результате фальсификации коэффициента сырья у братьев Гришканов создавался большой

доход (в миллионы рублей). Ревизия и экспертиза, проанализировав по заданию ОБХСС фактические данные о движении сырья для варки мыла, дали заключение о том, что братья Гришканы путем прямого хищения готовой продукции только в последний год причинили промысловой артели инвалидов материальный ущерб на сумму более двух миллионов рублей. Такая преступная деятельность Гришкана продолжалась долгие годы.

При расследовании уголовного дела было установлено, что Юрий Гришкан вел разгульный образ жизни, сорил деньгами. Посещая ресторан «Татарстан» с дамой, он вносил в кассу ресторана предполагаемую сумму от всех клиентов за вечер, удаляя из ресторана всех посетителей, оставаясь там на вечер лишь один со своей дамой сердца. Он же, как было установлено, нередко на улице Баумана останавливал красивых женщин и, насильно целуя их, вручал им по сторублевой купюре, чтобы они не поднимали шум. На основании собранных материалов МВД Татарстана в августе 1949 г. было возбуждено уголовное дело по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», который предусматривал наказание до 25 лет лишения свободы.

Многоопытный в жульнических делах Ю. Гришкан, почувствовав наступающую опасность, как спрут, решил запустить свои щупальца и проверить прочность установленных им ранее контактов с людьми, которые могут нейтрализовать опасность. Он прежде всего возобновил свою связь с работником МВД республики майором Н. Михеевым. Ему было известно, что Михеев давно состоит в семейной дружбе с прокурором республики И. Надеевым.

В описываемое время мы, работники прокуратуры республики, стали замечать частое посещение кабинета прокурора республики Ибрагима Сайфутдиновича Надеева одним майором в форме офицера внутренних дел. Он приходил раза два-три в неделю и долго отвлекал прокурора от казенных дел.

Оказалось, что этот майор работает в управлении мест лишения свободы Министерства внутренних дел, которое расположено во дворе прокуратуры республики. Что связывало майора Михеева с прокурором республики Надеевым, долгое время оставалось тайной.

Старший следователь прокуратуры республики М. Губерман, имевший большой стаж и опыт работы, пользовался доверием у руководства. Поэтому многие сложные и важные дела расследовались им. Когда нужно было по заданию прокуратуры РСФСР командировать нашего следователя в Уфу для расследования уголовного дела, возбужденного против одного члена Верховного суда Башкортостана, выбор пал именно на М. Губермана. Завершив исполнение этого задания в течение двух месяцев, М. Губерман в августе 1949 г. возвратился в Казань и приступил к исполнению своих обязанностей.

К этому моменту по запросу следственного отдела прокуратуры республики уголовное дело, возбужденное на работников артели инвалидов «Трудовик», поступило из МВД в прокуратуру республики и начальником этого отдела Б.С. Сунгатуллиным было передано М. Губерману для расследования.

Как требуют предписания закона и методические указания, следователь по каждому делу составляет план расследования, определяет круг обвиняемых, ведет сбор доказательств. Такой план был составлен и следователем

М. Губерманом по делу работников артели инвалидов «Трудовик».

Вызовы на допросы работников артели породили у них предположения, кто и за что, возможно, будет привлечен к уголовной ответственности. Следователь М. Губерман с помощью экспертов и ревизоров старался проникнуть в суть методов хищения при варке и реализации мыла, определить круг лиц, причастных к этому преступлению. Столь опытному следователю не составило труда определить в качестве главных виновников по делу братьев Гришканов, которые в течение последних лет путем фальсификации выхода мыла из сырья – кости – создавали неучтенную продукцию для хищения. Утвердившись в этом мнении, М.Губерман доложил начальнику следственного отдела Б.Сунгатуллину о том, что работники ОБХСС, пожалуй, правильно возбуждали дело по признакам статьи 2 Указа от 4 июня 1947 г.

Выслушав доклад следователя, Б. Сунгатуллин сообщил ему, что только вчера этим делом интересовался прокурор республики И.С. Надеев и что он высказал свои сомнения в правильности мнения работников МВД в части квалификации действий работников промартели. Поскольку мнение следователя базируется на конкретных материалах дела, как объяснял потом Б.С. Сунгатуллин, он не стал переубеждать его, предложив доложить дело лично И.С. Надееву. Через день М. Губерман доложил начальнику отдела, что он получил от прокурора республики указание расследовать это дело по статье 109 УК РСФСР как должностное преступление.

Действительно, в октябре М. Губерман завершил расследование этого дела, по которому обвинялся только лишь Ю. Гришкан за злоупотребление, а в отношении эксперта-специа-

листа, давшего заключение по сырью для варки мыла, М. Губерман вынес постановление о привлечении его к дисциплинарной ответственности. По положению по уголовным делам, расследованным следователем прокуратуры, обвинительное заключение утверждается руководителем прокуратуры. М. Губерман дело Ю. Гришкана доложил лично И.С. Надееву, но тот тут же позвонил и предложил начальнику следственного отдела Б.С. Сунгатуллину утвердить обвинительное заключение и дело направить в народный суд по подсудности. Так дело по обвинению Ю. Гришкана попало для рассмотрения в народный суд 2-го участка Бауманского района г. Казани.

Судья Х., тщательно изучив дело, назначил его к слушанию с участием сторон обвинения и защиты. На судебных заседаниях, которые продолжались два дня, обвинение поддерживал прокурор Бауманского района Николаев, настаивавший на осуждении Ю. Гришкана по статье 109 УК. Однако суд вместо обвинительного приговора вынес определение о возвращении дела прокуратуре республики для доследования, причем по признакам обвинения Ю. Гришкана по статье 2 Указа от 4 июня 1947 г.

О таком исходе дела районным прокурором Николаевым было доложено лично И.С. Надееву, поскольку речь шла о престиже прокуратуры республики. Выслушав доклад Николаева, Надеев дал указание опротестовать определение народного суда на предмет его отмены. Протест подписал районный прокурор Николаев. С протестом это дело поступило в Верховный суд, и оно для изучения и подготовки к слушанию на уголовной коллегии было передано квалифицированному и опытному члену этого суда Сергееву. По докладу последнего коллегия Верховного суда со-

гласилась с протестом прокурора и отменила определение народного суда, а дело направила для рассмотрения, видимо, для объективности, в народный суд Свердловского района. В декабре это дело было рассмотрено под председательством народного судьи Анны Чернышовой. Юрий Гришкан был признан виновным в систематическом злоупотреблении служебным положением и ему за это назначен срок – 3 года лишения свободы с частичным возмещением причиненного ущерба. Прокуратура с приговором народного суда Свердловского района согласилась, и приговор вошел в законную силу.

Многих работников ОБХСС возмутил такой либеральный исход. Их возмущения особенно усилились после того, когда Ю. Гришкан через 8 месяцев был досрочно освобожден и появился на улицах Казани.

Тогда же нам, работникам прокуратуры, стало известно, что к этому делу стал проявлять интерес заведующий отделом Казанского горкома партии Н.А. Суганов. Он неоднократно приглашал к себе для беседы начальника следственного отдела Б.С. Сунгатуллину, следователя М. Губермана, судью, рассматривавшего дело Ю. Гришкана, и других лиц, имевших отношение к этому делу.

Вмешательство партийных органов в установление истины по этому делу происходило не без интереса сотрудников ОБХСС, МВД, а также КГБ.

Как нам стало известно, из народного суда Свердловского района г. Казани уголовное дело Ю. Гришкана было истребовано прокуратурой СССР. Вслед за этим мы узнали, что приговор в отношении Ю. Гришкана в порядке надзора был отменен, а дело принято для расследования в производство прокуратуры СССР. Вскоре с этим делом в Казань приехал следова-

тель по особо важным делам прокуратуры СССР Булаев.

Булаев работал по этому делу не в здании прокуратуры ТАССР, а в здании МВД. Вместе с ним приехала группа работников прокуратуры СССР и РСФСР. Бросилось в глаза, что все эти работники занялись сбором информации о сотрудниках прокуратуры республики и районов. Булаев в Казани жил более двух месяцев, но в прокуратуру республики заходил редко, и то только накоротке к заместителю прокурора республики М.И. Березову.

В один из дней прокурор республики И.С. Надеев был арестован. Видимо, чтобы обеспечить негласность данного чрезвычайного случая, эту операцию Булаев провел очень тактично и осторожно. К концу рабочего дня он на машине у здания прокуратуры поджидал выхода И.С. Надеева. Когда тот вышел, Булаев предложил сесть в машину, чтобы отвезти его домой. Таким образом, тихо, без огласки И.С. Надеев был доставлен в МВД РТ, и там ему было объявлено об аресте.

До конца следствия И.С. Надеев содержался в следственном изоляторе КГБ. Санкция на его арест была получена в Москве.

Мы об этом случае узнали только на третий день от М.И. Березова. Через 10 дней после этого Булаев пришел в прокуратуру республики и узкому кругу работников прокуратуры сообщил, что дело расследуется успешно, и И.С. Надеев собственноручно написал объяснение о получении через майора Михеева 100 тысяч рублей. Правда, это Надеев преподнес как случайность, и показал на допросе следующее:

«Однажды ко мне домой пришел Михеев, моей жены не было дома. Мы о чем-то беседовали, попили чай, и он, попрощавшись, ушел. После его ухода я заметил, что на моем письменном

столе лежит узелок. Я подумал, что Михеев его забыл, поинтересовался и развернул узелок, увидел кучу денег, оказалось – 100 тысяч рублей. Подумал, что Михеев вспомнит и придет за ними. Но он ко мне больше не приходил, а я ему не напоминал. Деньги остались у меня. Через 5 дней мы с женой поехали отдыхать в Крым. Боясь оставлять дома такую большую сумму денег, я их взял с собой. Однако это меня не успокоило. Поэтому по пути заехал к брату, проживающему в Мордовии, и вместе с ним эти деньги закопали в его саду. Через некоторое время, после приезда из Крыма, я попросил его привезти эти деньги мне. Так они и остались у меня. В этом случае я не вижу взятки. Майору Михееву я ничего не обещал, а он у меня ничего не просил».

Ознакомив нас с этим пояснением И.С. Надеева, Булаев также сообщил, что для проверки показаний он вызвал его брата. На допросе последний отрицал даже встречу с братом. На очной ставке И.С. Надеев полностью подтвердил свои показания. Брат его, выслушав признания, возмутился и грубо обругал Надеева за такую откровенность, но затем был вынужден полностью подтвердить, как приезжал брат с деньгами, и как он закапывал их в саду.

Эти два уголовных дела расследовались параллельно – одно по обвинению Ю. Гришкана и его компании по Указу от 4 июня 1947 г., и второе дело по обвинению семи юристов: прокурора республики, следователя прокуратуры, судей и адвоката.

Обвинение И.С. Надеева, кроме показания основного свидетеля Михеева – прямого посредника организации передачи взятки от Ю. Гришкана прокурору республики, было подтверждено целым рядом незаконных действий самого И.С. Надеева, направленных на смазывание пре-

ступления Гришкана: это изъятие из МВД уголовного дела, возбужденного ОБХСС на Ю. Гришкана по Указу от 4 июня 1947 г.; передача этого дела для расследования старшему следователю прокуратуры республики М. Губерману с прямым указанием обвинения Ю. Гришкана по статье за должностное преступление, а не как хищение; это указание Надеева опротестовать определение народного суда Бауманского района о возвращении уголовного дела на Ю. Гришкана для доследования по Указу от 4 июня 1947 г.; наконец, уклонение И.С. Надеева от утверждения обвинительного заключения по делу Ю. Гришкана по статье 109 УК РСФСР.

В ходе следствия также было установлено, что Ю. Гришкан в связи с проявлением активности работников ОБХСС за его деятельностью в артели инвалидов вошел в контакт с работниками республиканской инспекции по качеству хлебопродуктов в лице инспектора Биндиевского, через которого он организовал передачу взятки старшему следователю прокуратуры М. Губерману 3000 рублей за то, чтобы он завершил расследование дела Гришкана с квалификацией как за злоупотребление. Когда дело по обвинению Ю. Гришкана за злоупотребление было направлено в народный суд 2-го участка Бауманского района, он поручил своей невесте А. Мануиловой войти в контакт с народным судьей 1-го участка Бауманского района Маскалевой и передать ей 20 тысяч рублей. Из них 10 тысяч – народному судье 2-го участка, который будет рассматривать его дело по статье 109, чтобы он не изменил квалификацию обвинения, а остальные 10 тысяч – самой Маскалевой за ее услуги.

Когда дело с протестом районного прокурора Николаева было передано в Верховный суд республики, Ю. Гришкан своего агента Биндиевско-

го направил в Верховный суд к члену суда Сергееву для передачи 3000 рублей за то, чтобы тот удовлетворил протест прокурора и дело направил на новое рассмотрение по статье 109 УК в народный суд Свердловского района. Выполняя поручения Ю. Гришкана, тот же Биндиевский встретился с адвокатом Максом Чернышовым и передал 3000 рублей для его жены, судьи Свердловского района Анне Чернышовой, которой было передано дело Ю. Гришкана с определением Верховного суда для рассмотрения по статье 109 УК.

Все перечисленные юристы во главе с Надеевым были осуждены Верховным судом РСФСР. Суд заседал два дня. И. Надеев на процессе вел себя вызывающе грубо, пытался представить себя психически больным. Суд дважды приглашал психиатров для его освидетельствования. Судом И.С. Надеев был осужден к 10 годам лишения свободы с лишением всех званий. Он отбыл чуть больше двух лет наказания и был освобожден досрочно по известному акту об амнистии 1953 г.

После освобождения он два раза обращался в Татарский обком партии о восстановлении его в членах партии, но его просьбы были отклонены. Он до своей кончины (в 2001 г.) работал на заводе «Теплоконтроль» юрисконсультom, а последние годы – начальником отдела кадров.

Ю. Гришкан был осужден по Указу от 4 июня 1947 г. к 20 годам лишения свободы с возмещением причиненного ущерба промысловой артели инвалидов «Трудовик».

Дело по обвинению прокурора Республики Татарстан И.С. Надеева за взятку в то время в России, пожалуй, было единственным. Это позорное дело было завершающим актом подрыва авторитета правоохранительных органов Татарстана⁴.

* * *

В очерке А.Х. Валиева некоторые фамилии участников тех событий указаны неточно. В частности, взятку Надееву передал не Михеев, как пишет Валиев, а Михалев. Имеются и другие отдельные неточности. Но суть дела изложена в целом правильно.

С большим трудом, в результате длительной переписки мне удалось истребовать и получить копии основных документов по делу Надеева и других – обвинительное заключение следователя Булаева и приговор Верховного суда РСФСР. Должен отметить, что версия событий, изложенная А.Х. Валиевым, в целом и основном не расходится с этими главными документами по делу.

Попробуем дополнить рассказ ветерана прокуратуры А.Х. Валиева собственными данными, почерпнутыми из различных архивных документов, уголовных дел и других источников.

Как уже было отмечено А.Х. Валиевым, важную роль в этой истории сыграл заведующий административным отделом Казанского горкома партии Суганов. В свое время он учился в Казанском юридическом институте, был здесь секретарем парткома. В 1936 г. Суганов становится инструктором Бауманского райкома партии.

10 июня 1949 г. народный судья народного суда 3-го участка Свердловского района г. Казани Чернышева вынесла приговор по делу братьев В. и А. Гришкан, Мануилова – по статье 2 Указа от 4 июня 1947 г. и по статье 109 УК РСФСР. Она осудила Гришкана Владимира к 2 годам лишения свободы, а Гришкана Александра – на 10 лет лишения свободы. Мануилов приговаривается к исправительно-трудовым работам и освобождается из-под стражи.

Приговор оказался мягким, о чем сразу же поступил сигнал заведующему административным отделом Казанского горкома партии Н.А. Суганову. Тот, недолго думая, истребовал дело в горком для ознакомления. Перепуганная судья Чернышева исполнила требование Суганова, и на другой день после вынесения приговора, то есть 11 июня 1949 г., принесла дело Суганову. Представьте себе состояние Чернышевой, тем более, если она, как установило потом следствие, получила взятку за вынесение мягкого приговора по мягкой статье.

На Суганова пошли жалобы, сигналы: что он вмешивается в дела судебных органов, в вынесение приговоров и решений, вызывает в горком отдельных судей, разговаривает с ними по делам, дает им указания. На него в этот период было написано более 30 анонимок! Целая бригада Татарского обкома проверяла заявления на Суганова. В результате его сняли с работы заведующего административным отделом, и даже пытались возбудить на него уголовное дело. Подняли и предыдущую партийную деятельность Суганова – когда, за что наказывался, снимался с работы, в частности, в последний раз с должности первого секретаря Зеленодольского горкома ВКП(б).

Суганов действительно нарушил закон: ведь никто не имел права истребовать из суда дело до истечения пятидневного срока, установленного для принесения кассационной жалобы или внесения протеста. Суганов потом утверждал, что допустил это нарушение закона по незнанию закона, по неопытности.

Решением бюро Татарского обкома ВКП(б) от 31 августа 1949 г. Н.А. Суганову указали на допущенные им неправильные действия при разборе сигналов и жалоб, элементы грубости в отношении отдельных судебных

ных работников⁵. Исходя из мягкости наказания Суганову, можно сделать вывод о том, что он был на правильном пути, и в партийных верхах продолжали невидимую работу.

Интересно, что Суганов указывал на то, что адвокат Лувиш, работая директором Казанского филиала заочного юридического института, выдавал за взятки дипломы об окончании юридического института. Это его сообщение впоследствии было признано подтвердившимся. Не здесь ли кроется отличная учеба Надеева и получение им диплома Казанского филиала заочного юридического института? Вопросы возникают интересные. Только, к сожалению, ответов на них мы уже вряд ли найдем.

Лувиш впоследствии работал адвокатом. Именно он выступал в качестве защитника в суде в июне 1949 г., когда судья Свердловского района Чернышева осудила братьев Гришкан и Мануилова. Когда встал вопрос о партийной ответственности Лувиша, он скрылся из Казани.

В октябре 1949 г. секретарь Татарского обкома Дэльвин направляет прокурору РСФСР уголовное дело по обвинению В.М. Гришкан и других – «согласно договоренности». Одновременно секретарь Татарского обкома Муратов просит секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова поручить расследование дела Гришкана и других квалифицированным работникам следственного аппарата прокуратуры СССР.

При этом Татарский обком утверждает, что расследование этого дела в прокуратуре Татарской республики и его рассмотрение в местных судебных инстанциях проведены неправильно, в результате чего шайка преступников не понесла заслуженного наказания, а государству не был возмещен нанесенный ущерб.

Как уже отмечал А.Х. Валиев, незадолго до случая в Татарии произошло ЧП в Башкирии. В 1949 г. там прошел судебный процесс над бывшим составом Верховного суда БАССР и некоторыми руководящими работниками прокуратуры БАССР, обвиняемыми во взяточничестве и других преступлениях. Расследование по Верховному суду БАССР проводил старший следователь прокуратуры Татарской АССР Губерман – по поручению прокурора РСФСР. Говорят, что расследование он провел быстро и качественно, виновные были осуждены. Удивительно, но посадив взяточников в Верховном суде Башкирской АССР, Губерман сам попался на этом же в Казани. В одной из партийных справок Татарского обкома (октябрь 1949 г.) было отмечено, что Губерман проводил следственные действия по делу Гришкан «утонченными методами опытного фальсификатора».

По протесту прокурора РСФСР Баранова приговор по делу Гришкан был отменен и дело направлено на дополнительное расследование. Дело принял к своему производству следователь К.В. Булаев.

Следователь по важнейшим делам при Генеральном прокуроре СССР К.В. Булаев был весьма опытным и сильным следователем. Он расследовал в самых различных городах и республиках множество сложных дел, в основном хозяйственных. Во время Великой Отечественной войны по поручению советского правительства следственная бригада во главе с Булаевым проводила расследование дела о хищениях на строительстве электростанции в Казахстане. При этом были доказаны факты крупных хищений со стороны начальника строительства, директора столовых и других лиц, которые были осуждены. Расследовал Булаев и дела о выпуске на предпри-

ятях недоброкачественной продукции (брака).

Расследуя дело о хищениях большой партии мануфактуры, следователь Булаев лично спустился, используя веревку, в стометровый дымоход здания, где было совершено хищение. Опасный спуск длился около двух часов. Дойдя до конца, Булаев разобрал свежую кирпичную кладку и обнаружил комнату, прилегавшую к котельной. Оказалось, что преступники перетащили похищенное через дымоход и подземный ход. Вот так работал следователь Булаев. Товарищи отмечали в нем неиссякаемую инициативу, изобретательность и смекалку.

Именно К.В. Булаев выступил летом 1949 г. на конференции государственных обвинителей с докладом о методике расследования уголовных дел о взяточничестве.

В его активе – уголовное дело о краже шерсти в Москве во время Великой Отечественной войны. Тогда на рынках появилось в продаже много шерстяных джемперов. А шерсть отпускалась только на нужды армии, и больше никуда. Значит, шерсть воровали с государственных складов. Булаев лично посещал рынки, торговую палату, проверял фабрики и артели и нашел фабрику, в которой и производились шерстяные джемпера. Основной обвиняемый по этому делу пытался симулировать сумасшествие. Булаев при повторном тщательном обыске его квартиры обнаружил тайники с ценностями. Следствие установило, что шерсть, предназначенная для армии, пускалась на изготовление джемперов, которые путем сложных комбинаций продавались спекулянтам⁶. Вот такому следователю было поручено расследование в Казани, сначала – дела на Гришкан, а затем и прокуратура республики Надеева.

Одновременно из Москвы прибыла комиссия по проверке деятельнос-

ти прокуратуры Татарской АССР. В день ее прибытия Надеев срочно уволил своего водителя. Говорят, что тот впоследствии дал ценные показания о небескорыстной работе бывшего шефа. Проверкой занимались следователь по важнейшим делам при Генеральной прокуратуре СССР Хивцов, заведующий административным отделом Татарского обкома ВКП(б) Семенов и другие.

В ходе этой проверки в мае 1950 г. с заявлением на имя прокурора РСФСР обратился и бывший начальник АХО прокуратуры ТАССР Яманов, который в числе прочего сообщал и о нечистоплотности Надеева. По словам Яманова, он незаконно отпускал со склада прокуратуры Надееву все, что тот просил (продукты, материалы), и вел об этом записи. Начальник АХО при этом утверждал, что себе он ничего не брал – «ни щепки, ни одной копейки»!

По результатам проверки по указанию Генерального прокурора СССР были уволены 15 работников прокуратуры Татарской республики – в связи с арестом, по различным компрометирующим основаниям.

27 февраля 1950 г., во исполнение приказа Генерального прокурора СССР от 17 февраля 1950 г., Надеев сдал дела М.И.Березову, заместителю прокурора Татарской АССР.

В постановлении 23-й Татарской областной конференции ВКП(б) в марте 1950 г. указывалось, что Надеев допустил засорение органов прокуратуры сомнительными людьми, поддерживал подхалимов, недобросовестно относился к своим прямым обязанностям и нанес серьезный ущерб делу укрепления социалистической законности.

Одновременно шла и проверка Министерства внутренних дел Татарской АССР, министра Ченборисова. В отношении него поступали сигналы о

неправильных действиях, в том числе и устные сигналы от подчиненных. Министр был вынужден отказаться от переезда в дом-особняк, который ремонтировался по договору между стройотделом ХОЗО МВД ТАССР и Свердловским райжилуправлением. В результате в дом переехал начальник ХОЗО МВД, а его квартиру передали родственнице министра. Эти действия Ченборисова вызвали недовольство среди отдельных руководящих работников МВД ТАССР. За эти и другие нарушения Ченборисов был снят с работы и исключен из партии.

Вопрос о нарушении советской законности в работе судебно-следственных органов Татарской АССР был обсужден на бюро КПК при ЦК ВКП(б) 3 мая 1950 г. 12 июля 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О нарушении советской законности в работе органов прокуратуры, МВД и Верховного суда Татарской АССР».

28 июня 1950 г. на бюро Татарского обкома обсудили вопрос: «О недостатках в работе Верховного суда Татарской АССР», и 26 июля 1950 г. вопрос – «О крупных недостатках в работе Министерства юстиции Татарской АССР». Большое число работников прокуратуры, милиции, юстиции, судебно-следственных органов были исключены из партии.

В журнале «Социалистическая законность» (№ 7, июль 1950 г.) в передовой статье заместителя Генерального прокурора СССР В. Болдырева было отмечено: «Прокурор республики Надеев и его заместитель Ривкин, ныне снятые с работы, создали в прокуратуре обстановку самоуспокоения, благодушия, подхалимского восхваления друг друга. Самокритика там не была в почете. И как результат – серьезные упущения и провалы в работе».

В августе 1950 г. на заседании ЦК ВКП(б) под председательством Маленкова заслушивался прокурор

Союза ССР Г.Н. Сафонов. Он давал объяснения по делу Надеева. Сафонов держал ответ перед ЦК – почему на такую ответственную должность, как прокурор автономной республики, мог попасть морально нечистоплотный тип, который дошел до получения взятки. Сафонову был объявлен выговор за плохой подбор руководящих кадров.

И.С. Надеев был арестован 8 июня 1950 г. Кроме И.С. Надеева, из юристов были арестованы: Д.С.Губерман, старший следователь прокуратуры ТАССР, А.В.Сергеев, член Верховного суда ТАССР, Ш.З.Абдулхаев, народный судья второго участка Бауманского района г. Казани, А.Г.Чернышева, народный судья третьего участка Свердловского района г. Казани, А.М.Москалева, народный судья второго участка Кировского района г. Казани, М.В.Чернышев, адвокат Молотовской юридической консультации. В качестве посредников, взяткодателей проходили: Ф.Х.Яруллина, Г.Л.Михалев, В.В. Гришкан (супруга В.М.Гришкан), М.З.Мануилова (супруга соучастника В.М.Гришкан – Г.Р.Мануилова), Г.И. Бензиевский (старший инспектор Госхлебинспекции ТАССР), Л.Г. Расин (начальник снабжения артели «Ремонт обуви»), В.Е.Кустовский, Г.Р. Мануилов. Большинство из них признали свою вину в предъявленных обвинениях. Суд впоследствии осудил их к различным срокам лишения свободы – от трех до десяти лет.

Остановимся более подробно на личностях посредника Михалева и его жены Яруллиной – именно они были наиболее близко и тесно связаны с прокурором республики Надеевым.

Михалев Григорий Львович, 1906 г. рождения, еврей, в 1940 г. был осужден по статье 117 УК РСФСР (за получение взятки!) к 5 годам лишения свободы, наказание отбыл. Перед

арестом в 1950 г. он работал главным инженером лагеря МВД ТАССР № 1.

Михалев и его жена Яруллина были в близких отношениях с прокурором ТАССР Надеевым. Михалев неоднократно пользовался служебным автомобилем прокурора республики. Он в любое время приходил в прокуратуру и беспрепятственно заходил в кабинет Надеева. Машину прокурора республики использовала в личных целях и Яруллина. Она работала начальником жилищного управления Бауманского района Казани и в отношении нее расследовалось уголовное дело по фактам многократных обменов ею своих квартир и квартир своих родственников. Наверняка, не без участия Надеева, это расследование растянулось на пять лет, и Яруллиной обвинение по нему не предъявлялось.

Сигналы о злоупотреблениях начальника жилищного управления Бауманского райисполкома Яруллиной, ее сестры Князевой (начальника жилищного управления Молотовского райисполкома) в органы милиции поступали давно. Еще в начале 1946 г. управление милиции г. Казани поставило перед Казанским горкомом партии вопрос о привлечении Яруллиной и Князевой к уголовной ответственности. В марте 1946 г. материалы о Яруллиной и Князевой из городского управления милиции были переданы в прокуратуру г. Казани, оттуда – прокурору Бауманского района. Последний передал их в Бауманский райком партии. В сентябре 1947 г. в райкоме взяли объяснение у Яруллиной, но ход материалам дан не был.

2 июня 1947 г. на бюро Казанского горкома партии было заявлено, что начальник жилищного управления Бауманского района Яруллина допускает злоупотребления. Горком поручил Бауманскому райкому партии проверить компрометирующие Яруллину

материалы. Однако никакого расследования снова не было проведено.

В ноябре 1948 г. управление милиции г. Казани снова поднимает вопрос о привлечении Яруллиной к уголовной ответственности – уже за новые преступления. Но делу снова не дают хода. Интересно, что в начале 1950 г. это дело обнаружили в сейфе бывшего министра внутренних дел Татарской АССР Ченборисова, где оно находилось в последнее время. Лишь после этого материалы в отношении Яруллиной пошли в Москву и попали к следователю прокуратуры СССР Булаеву. Как видим, у Яруллиной были очень высокие покровители.

Профессор юридического факультета Казанского университета, доктор юридических наук Борис Леонидович Железнов в то время работал помощником прокурора Татарской АССР по уголовно-судебному надзору. Он запомнил прокурора Надеева как умного, делового, достаточно жесткого руководителя. Надеев пользовался авторитетом и уважением, хорошо выстроил работу аппарата, входил в состав бюро Татарского обкома партии. И то, что произошло с Надеевым, всех потрясло. Многих удивило, как Надеев вел себя в судебном заседании. Он пытался притвориться психически больным, во время суда совершал неприличные действия.

Борис Леонидович только сегодня признался, что он тоже имел определенное отношение к делу Гришканов. Его тогда вызывали к следователю Булаеву, но Железнов промолчал: мол, ничего не знаю. А дело было так. Когда судья Абдулхаев вернул уголовное дело по обвинению Гришканов на дополнительное расследование для переквалификации, и на это определение принес частный протест прокурор района Николаев, то дело в прокуратуре республики попало к Железнову. Он изучил толстое дело и пришел к

выводу: Абдулхаев прав, тут, безусловно, хищение, и надо переqualифицировать действия обвиняемых. Железнов пошел с докладом к Надееву и предложил снять с рассмотрения, то есть отозвать как необоснованный протест Николаева. Надеев тут же вызвал следователя Губермана. Тот очень возмутился и резко набросился на Железнова. Губерман знал отца Железнова и даже сказал: «Я удивляюсь, что у такого хорошего отца вырос такой сын». Железнова же удивило, что Губерман перешел на личности. Надеев прекратил спор и мягко сказал Железнову: «Оставьте дело у меня. Мы его обсудим и решим». Впоследствии дело передали Сунгатуллину и он пошел в Верховный суд поддерживать протест районного прокурора Николаева. Вот такое «признание» сделал через многие годы Б.Л. Железнов. И эти его слова, безусловно, говорят о заинтересованности Надеева и Губермана, подтверждают их вину.

Отметим, что 10 июля 1950 г. Генеральный прокурор СССР снял Сунгатуллина с должности начальника следственного отдела прокуратуры ТАССР и уволил его из органов прокуратуры за беспринципность и нарушение служебного долга – за то, что тот подписал постановление о переqualификации действий обвиняемых Гришкан и других по статье 109 УК РСФСР, и утвердил обвинительное заключение с неправильной и незаконной квалификацией преступления.

То, что произошло с Надеевым, уронило престиж всей прокуратуры. Как заявил руководитель партийной организации Татарской республики на одном из совещаний, «у нас прокуратура сегодня хуже самой плохой адвокатуры».

Оценка прокуратуры республики была перенесена и на районы. Например, первый секретарь Дрожжановского райкома партии Шарапов, приехав из Казани с партийной конфе-

ренции, объявил партийному активу о поступках прокурора ТАССР Надеева, и добавил, что такие же факты передались и в районную прокуратуру, что прокурор района Хорьков также смазывал дела настоящих преступников, допускал незаконные аресты, имел связь с преступниками, не подчинялся райкому, и так далее. Бюро райкома 19 апреля 1950 г. приняло решение о невозможности оставления Хорькова на должности районного прокурора. После длительной проверки Хорькова оставили на работе, с учетом признания им отдельных ошибок⁷.

Авторитет прокуратуры упал до такой степени, что заместитель прокурора ТАССР Беляев в 3 квартале 1950 г. два раза созывал совещание, но новый министр внутренних дел ТАССР демонстративно отказался прийти на эти совещания.

Как вспоминает тот же Железнов, после возвращения из лагеря Надеев предъявил к родной прокуратуре иск – о взыскании стоимости материала на пошив форменного обмундирования за пять лет. Тогда прокурорам выдавали отрезки ткани, чтобы сшить форму. Надеев, видимо, в какие-то годы не получал эти отрезки. Это обстоятельство опять удивило прокурорских работников и многим не понравилось поведение бывшего прокурора республики.

Еще один интересный нюанс вспомнил Б.Л. Железнов. Одна из осужденных по делу, судья Чернышева, так ударно работала в лагерях (говорят, на строительстве Волго-Донского канала), что была награждена орденом Ленина, и как говорили в таких случаях, искупила свою вину.

Такова история. В ней бывают и светлые, и позорные страницы. Надо одинаково рассказывать и о тех, и о других, не приукрашивая историю. В том числе и для того, чтобы такие личности не попадали на высокие должности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив РТ. Фонд Р-5799, опись 1, дело 11. Казанский институт советского права. Отчет об учебной деятельности института за 1933–1934 годы. С. 45.

² Архив прокуратуры Республики Татарстан. Личное дело прокурора ТАССР Надеева И.С.

³ «Социалистическая законность». – 1949, № 4. – С. 45–46.

⁴ *Валиев А.Х.* Мой век. Казань, Центр инновационных технологий. – 2006. – С. 13–19.

⁵ Партархив Татарского обкома ВКП(б). Фонд 15, опись 6, дело 1564. Протокол № 120 заседания бюро Татарского обкома ВКП(б) и материалы к нему. Том 1. 1949 г.

⁶ *Каменский Ф.* Следователь по важнейшим делам // Социалистическая законность. 1949. № 11. С. 34–37.

⁷ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 6, дело 2007. Документы... о проверке жалобы... Хорькова А.Е. 1950 г.

Аннотация

В статье на основании архивных и иных материалов рассказывается об уголовном деле по обвинению прокурора Татарской республики И.С.Надеева и группы работников органов прокуратуры, юстиции, осужденных в 1950 г. за взяточничество.

Ключевые слова: история органов прокуратуры Татарской республики, И.С. Надеев, дача – получение взятки.

Summary

In article on the basis of archival and other materials is told about criminal case on charge of Nadeev I.S, group of prosecutors, justice convicted in 1950 for bribery.

Keywords: History of bodies of Prosecutor's Office of the Tatar Republic; Nadeev I.S. giving – receiving a bribe.

УДК 327.001

СУЩНОСТЬ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

А.А. Халифаев, аспирант юридического факультета КФУ

Накопленный мировой исторический опыт подсказывает, что существует два основных метода разрешения межгосударственных и (или) международных проблем. Если в качестве первого выступает силовой (военный) метод, то в качестве второго – дипломатический, т.е. решение проблем методом проведения переговоров. В XX веке человечество сумело извлечь уроки из военного прошлого и как итог современное международное право исключает всякую возможность применения военного метода, оставляя его вне правового поля. Более того, Устав ООН обязывает воздерживаться не только от применения силы, но и от угрозы силой (ст. 2.4 Устава). Закрепление принципа неприменения силы делает противоправной угрозу силой или ее возможное применение даже в ходе переговоров. Это, в свою очередь, касается не только военной силы, но и иных мер международного воздействия, в частности, наложение эмбарго, что издавна успешно применяли развитые страны в качестве инструмента международного воздействия на переговоры.

Переговоры – один из самых древних институтов, появившийся одновременно с международными отношениями. Поддержание международных отношений невозможно без переговоров. На сегодняшний день переговоры являются одним из важных и эффективных инструментов в международной дипломатии. Дипло-

матия в значительной мере представляет собой процесс сотрудничества между представителями государств, международных организаций, преследующий цели обмена информацией, достижения взаимопонимания, устранения или сглаживания расхождений и достижения консенсуса по возникающим вопросам.

На сегодняшний день главным действенным и действующим средством при разрешении споров и вместе с тем укреплении межгосударственного сотрудничества, особенно актуального в условиях глобализации, выступает переговорный процесс. Вместе с тем стоит отметить невозможность организации и проведения поистине эффективных переговоров без соблюдения ряда принципов международного права.

Основополагающим для переговоров является принцип суверенного равенства, в соответствии с которым все государства юридически равны и обязаны уважать правосубъектность друг друга. Только демократические переговоры, основанные на признании равноправия сторон и учете их законных интересов, способны обеспечить надежный результат, привести к принятию эффективного договора. Договор – это соглашение равноправных суверенных государств, эффективность которого зависит от его соответствия интересам сторон. Поэтому весь процесс подготовки договора должен быть подчинен цели дости-

жения взаимовыгодного соглашения. Равноправие участников – основа международных переговоров.

Важно значение принципа мирного урегулирования споров, рассматриваемого как существенное дополнение принципа неприменения силы. Несмотря на то, что принцип мирного урегулирования посвящен в основном обстоятельству, когда между государствами возникает спор, относящиеся к нему правила регулируют проведение любых переговоров. Из принципа мирного урегулирования споров вытекает обязанность государств при возникновении того или иного вопроса, нуждающегося в решении, прибегать прежде всего к переговорам.

Принцип мирного урегулирования споров возлагает обязанности не только на стороны в споре, но и на другие государства. Они должны воздерживаться от любых действий, способных создать угрозу для поддержания международного мира и безопасности. Серьезные ограничения для вмешательства третьих государств в переговоры устанавливает и принцип невмешательства.

Существенное значение для переговоров имеет принцип добросовестности, утвердившийся в современном международном праве и внесший в него немало новых моментов. Достаточно сказать, что один из важнейших принципов международного права – «договоры должны соблюдаться» (*pacta sunt servanda*) сегодня стал принципом «добросовестного выполнения обязательств по международному праву». Значение принципа добросовестности подчеркивается Международным судом ООН. Суд аргументированно доказывает, что принцип добросовестности является основным принципом. Общее требование принципа добросовестности состоит в том, чтобы участники пе-

реговоров сделали все необходимое для достижения взаимоприемлемого соглашения, вели переговоры честно, не создавали искусственных препятствий [1, с.107].

Правовое регулирование переговоров осуществляется указанными принципами международного права и рядом обычных норм. Конвенции, посвященной переговорному процессу, нет. Это обстоятельство придает особое значение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Принципы и установки для ведения международных переговоров», принятой 20 января 1999 г. Резолюция подчеркивает значение переговоров как одного «из гибких и эффективных средств, в частности, мирного урегулирования споров между государствами и выработки новых международных норм поведения».

Характерной чертой современной внешней политики государств является существенное возрастание роли дипломатических переговоров как инструментария. Этот момент находит отражение во многих международно-правовых актах [2, с.18]. Сами переговоры сегодня также имеют целый ряд характерных признаков, среди которых особенно выделяются такие, как честность и учет интересов партнера, поскольку данные признаки подводят участников переговорного процесса к стремлению найти общие точки соприкосновения, сблизить позиции по наиболее сложным вопросам и тем самым сгладить имеющиеся противоречия.

Цель дипломатических переговоров – принятие конкретных решений по возникающим вопросам в международных отношениях. Результаты переговоров находят выражение в различных формах официальных актов, которые весьма многообразны, обладают различным статусом и разной юридической силой. Но при этом сущность их одна – соглашение сто-

рон по итогам переговоров [3, с.38]. Для понимания содержания достигнутых соглашений знание процесса их подготовки имеет существенное значение.

Усложнение международных отношений и подлежащих решению вопросов определило тенденцию к усложнению переговоров. Чем сложнее решаемые вопросы, чем более важно соглашение, тем больше усилий требуется приложить для их решения.

Дипломатические переговоры следует отличать от частного обмена

мнениями или обсуждения вопросов наличием формализованных структур общения, разделением сторон по существу вопросу и направленностью на выработку и совместного поиска решений [4, с.222].

Таким образом, сегодня переговоры представляются многоплановым процессом, требующим значительных усилий и времени, опыта и знаний, а также привлечения широкого круга специалистов в зависимости от остроты и сложности подлежащего решению вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бирюков П.Н.* Международное право. – Воронеж: ВГУ, 2004.
2. *Зограбян А.Г.* Принятие решений на многосторонних переговорах // Российская дипломатия в свете мирового исторического опыта. Сборник научных трудов. – М.: МГИМО, 1998.
3. *Лукашук И.И.* Дипломатические переговоры и принимаемые на них акты. – М.: БЭК, 2004.
4. Международное право: Учебное пособие / Под ред. Г. В. Игнатенко. – М.: Норма, 2002.

Аннотация

Научная статья посвящена определению важности роли дипломатических переговоров как основного средства регулирования международных отношений в условиях глобализации. В статье также рассмотрены принципы международного права, обеспечивающие проведение эффективных переговоров.

Ключевые слова: переговорный процесс, Устав ООН, принципы международного права, международные отношения, разрешение споров, международный договор.

Summary

This scientific article is devoted to defining the importance of the role of diplomatic negotiations as the main means of regulation of international relations in the conditions of globalization. The article also discusses the principles of international law, providing conduction of effective negotiations.

Keywords: negotiation process, The UN Statute, principles of international law, international relations, dispute resolution, international pact.

УДК 504.064:63

СОЗДАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА, МОНИТОРИНГА, МЕНЕДЖМЕНТА И СЕРТИФИКАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

*Р.Г. Ильязов, доктор биологических наук,
член-корреспондент АН РТ, В.А. Гогин, В.И. Бармин*

В ходе подготовки проекта Региональной системы изучен опыт развития аналогичных систем в России, на территории постсоветского пространства, и мировой опыт. За рубежом данное направление развивается более 30 лет. Сегодня 32 страны мира имеют утвержденные стандарты на экологически безопасную продукцию, 9 стран занимаются их внедрением, 15 стран – разработкой таких стандартов. Объем мирового рынка экологической продукции оценивался в 2002 г. в \$25 млрд в год. По прогнозам, к 2020 г. он может достичь оборота в \$200–250 млрд в год (по некоторым данным более \$310 млрд).

Большинство рынков экологической продукции, например, Европейского Союза или США, сформировалось вследствие установления и под непосредственным влиянием так называемых Директив, которые определяют необходимые требования к продукции, методам ее производства и позволяют маркировать ее как «экологическая» («органическая», «биологическая», «биоорганическая», «биодинамическая», «био», «эко»).

Главные типы экологических стандартов можно обобщить следующим образом:

а) Международные частные или межправительственные рамочные

стандарты, такие как Международные базисные стандарты ИФОАМ (IFOAM) или Пищевой кодекс.

б) Основные действующие Стандарты или Директивы, такие как Директивы ЕС (ЕЭС) № 2092/91 или Американская национальная органическая программа (USDA).

в) Частные Стандарты экологического производства, такие как Деметр (Demeter), Натурланд (Naturland), Биоланд (Bioland), Геа (Gea), Эковин (Ekowin) и т.д.

Среди международных рамочных стандартов (А) особого внимания заслуживают Базисные Стандарты ИФОАМ. Их цель – гармонизировать различные программы сертификации путем создания универсальных рамочных условий для экологических стандартов во всем мире.

- Европейский Союз – Постановление (ЕЭС) № 2092/91 «Об экологическом земледелии и соответствующей маркировке сельскохозяйственной продукции и продуктов питания».

- Органический рынок США – Национальная Органическая Программа, которая вступила в силу в ноябре 2002 г. (USDA).

- Японский экологический рынок – Японские сельскохозяйственные стандарты JAS.

• Швейцария, Израиль, Аргентина, Чехия, Болгария, Австралия – экологические регламенты, эквивалентные Постановлению (ЕЭС) № 2092/91.

Основные виды зарубежных экомаркировок приведены на рис. 1–4.

В Германии это национальный экологический знак «Голубой ангел», в

странах Скандинавии, Швейцарии и Голландии – «Скандинавский лебедь», странами-членами ЕС используется интернациональный «Цветок». В Украине – национальный знак «Экологически чисто и безопасно» (эмблема «Зеленый журавль»). Все эти системы входят в сеть экологического маркирования Global Ecolabelling Network (GEN).

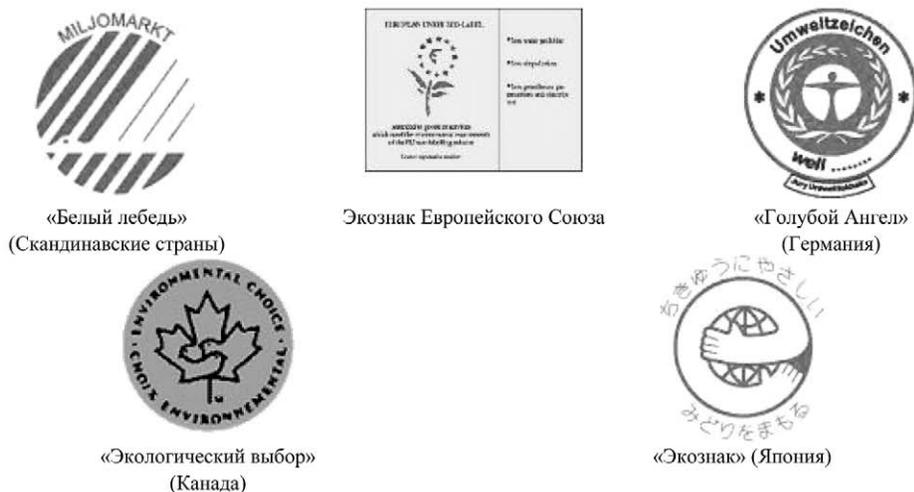

Рис. 1. Экознаки, принятые на международном и общенациональном уровнях

Рис. 2. Зарубежные экомаркировки, встречающиеся на продаваемых товарах

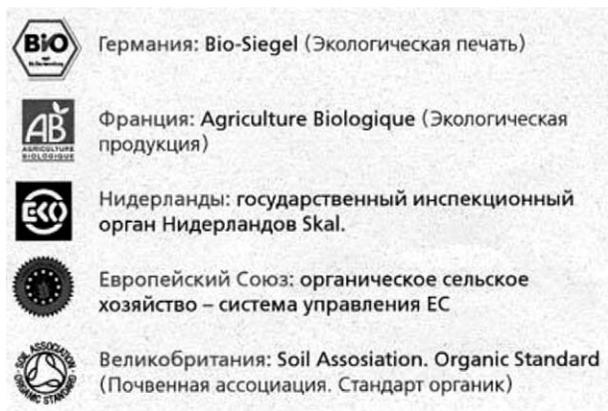

Рис. 3. Экознаки продовольственного сырья зарубежных стран

Рис. 4. Знаки о натуральности или органическом происхождении продукции

Рис. 5. Знаки, применяемые в существующих системах сертификации по экологическим требованиям на территории России

В ряде регионов России – Москве, С.-Петербурге, Н. Новгороде, Волгограде, Владивостоке вопросам развития рынка экопродукции уделяется большое внимание. Вводится система сертификации, проводятся соответствующие конкурсы и выставки. Однако эти действия носят локальный характер и не получили широкого распространения. Функционирование системы сертификации чаще всего направлено на сам продукт питания, уже в готовом виде. По некоторым данным вопросами экологически безопасных продуктов питания занимается 12 сертифицирующих организаций. Лидерами в этой области являются Международный экологический фонд, НП «АГРОСОФИЯ», «ИнфраСерТ» Агентство экспертизы и сертификации ПКФЗП, Правительство Москвы –

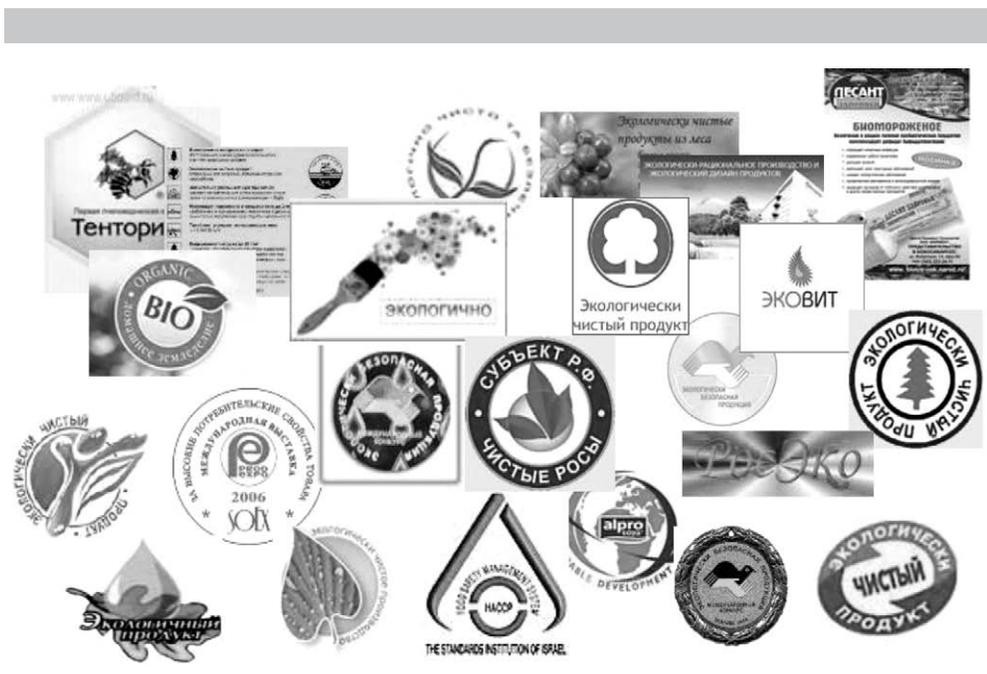

Рис. 6. Экознаки, встречающиеся на продаваемых товарах России

«Экологические продукты». Указанные организации зарегистрировали в Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации (Госстандарт РФ) Системы добровольной сертификации экологического производства продукции. Знаки, применяемые в системе сертификации по экологическим требованиям в России, приведены на рис. 5, 6.

Сдерживающим фактором развития рынка экологической продукции в России остается отсутствие принятой на государственном уровне законодательно-нормативной базы. На государственном уровне до сих пор не определено, что значит термин «экологический» и как должна производиться подобная продукция. В настоящее время каждый желающий может маркировать свою продукцию как «экологическая», «биологическая», «органическая», не неся перед потребителем каких-либо дополнительных обязательств, чем многие с успехом пользуются для получения конкурентных преимуществ на рынке. Однако

массовое использование подобной маркировки грозит серьезно подорвать лояльность потребителей к экологическим продуктам питания.

Внедрение Региональной системы производства и переработки, контроля, менеджмента и сертификации экологически безопасных продуктов питания на территории Республики Татарстан не противоречит федеральному законодательству. Напротив, в республике созданы благоприятные условия для разработки и внедрения указанной системы в результате принятия ряда нормативно-правовых актов.

Планируемое вступление России во Всемирную торговую организацию усилило конкуренцию на российском продовольственном рынке, следовательно, возможно сокращение спроса на отечественную сельскохозяйственную продукцию и рост доли импортных продуктов питания.

Для выхода на мировые рынки экопродукции, а также для развития внутреннего рынка необходимо разработать условия для производства

экологической продукции и гарантировать ее должную сертификацию, соответствующую мировым стандартам на государственном уровне.

По нашему мнению, систему сертификации необходимо выстраивать начиная с ранжирования и контроля состояния почвы, применяемых удобрений, агротехнических мероприятий, кормов, рационов животных, ветеринарно-санитарного благополучия, транспортировки и переработки продукции, продажи и утилизации некондиционного товара. Особое внимание следует уделить агроэкологической безопасности.

В условиях техногенного загрязнения агроэкоферы организация производства продукции растениеводства и животноводства должна гарантировать ее биологическую полноценность и экологическую безопасность для населения, проживающего на этой территории. Этим обусловлена необходимость создания технологий ведения сельскохозяйственного производства, обеспечивающая производство экологически безопасных продуктов питания растительного и животного происхождения. Алгоритм таких мероприятий (геоинформационные, агрохимические, агротехнические, зооинженерные, эколого-гигиенические, ветеринарно-санитарные и технологические) разработан нами и апробирован в условиях различных типов техногенеза [2, 3].

При этом одним из главных мероприятий становится экологическое ранжирование территории по следующим зонам: *экологического благополучия* (обеспечивается выращивание продукции для детского и лечебного питания); *экологической нормы* (территории, пригодные для производства экологически безопасной продукции без специальных мер защиты); *экологического риска* (возможно производство безопасной продукции благодаря

специальным мерам защиты); *экологического кризиса* (допустимо возделывание ограниченного ассортимента культур, в основном технических, с применением специальных защитных мер); *экологического бедствия* (катастрофы) (территории, непригодные для возделывания сельскохозяйственных культур) [1]. С учетом результатов всех почвенных, агроландшафтных и агроэкологических обследований осуществляется районирование территорий, создающее реальную основу для целенаправленной разработки адаптивных систем земледелия и животноводства. В Республике Татарстан впервые создана карта агроэкологического районирования территорий с выделением зон: экологического благополучия, экологической нормы, экологического риска (рис. 7).

Зона экологического благополучия: северная – Балталинский, Сабинский, Тюлячинский и север Арского районов; южная – Аксубаевский и Новошешминский районы; восточная – Мензелинский, запад Актанышского и юг Агрызского районов.

Мероприятия:

- создание реестра базовых хозяйств и определение юридического и правового статуса по производству сырьевой продукции растениеводства (зерно) и животноводства (молоко, мясо) для получения экологически безопасных продуктов детского и лечебно-профилактического назначения;
- создание системы экологически безопасного сельхозпроизводства;
- организация условий хранения, транспортировки и реализации сырья в перерабатывающие организации;
- создание системы экологического мониторинга состояния агроэкоферы.

Зона экологической нормы: преобладающая территория Республики Татарстан. Система ведения

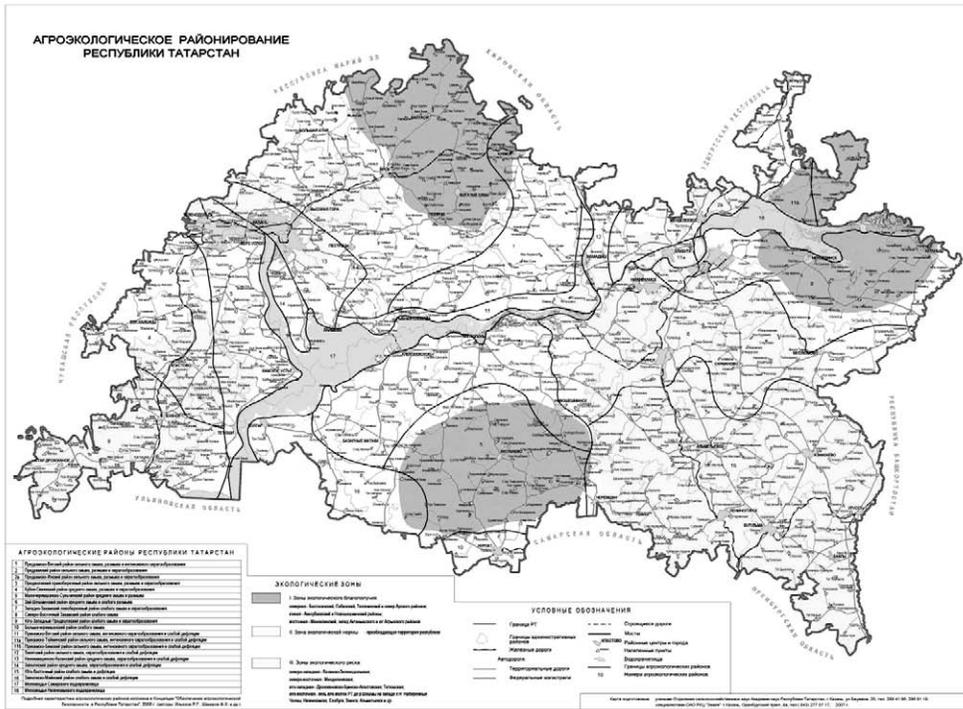

Рис. 7. Агроэкологическое районирование Республики Татарстан

сельскохозяйственного производства остается прежней.

Мероприятия:

- создание реестра базовых хозяйств;
- организация постоянного агроэкологического и микробиологического мониторинга для контроля за состоянием агроэкозоны (почва-растения (зерно)–корма–животные–продукция (молоко, мясо)).

Зона экологического риска: северо-западная – Казанско-Зеленодольская; северо-восточная – Менделеевская; юго-западная – Дрожжановско-Буинско-Апастовская, Тетюшская; юго-восточная – весь юго-восток до реки Шешмы на западе с гг. Н. Челны, Н. Камск, Елабуга, Заинск, Альметьевск, Азнакаево, Лениногорск, Бугульма, Бавлы, р/п Сарманово, часть Муслюмово.

Организация сельскохозяйственного производства в условиях тех-

ногенного загрязнения территории в этой зоне нуждается в усовершенствовании и модификации.

Мероприятия:

- установление закономерностей миграции тяжелых металлов и других токсикантов в сельскохозяйственной трофической цепи;
- разработка и внедрение новых технологий противотоксикационных агроландшафтно-адаптивных систем земледелия и предельно допустимых концентраций тяжелых металлов, пестицидов на разных типах почв;
- разработка и внедрение новых технологий адаптивных систем кормопроизводства и ведения животноводства (нормирование токсикантов в кормах и рационах, оптимизация минерального питания, использование природных и синтетических сорбентов);
- мониторинг состояния здоровья сельскохозяйственных животных;

– разработка и внедрение новых технологий переработки техногенно-загрязненной сельхозпродукции.

Создана система управления агропроизводством, обеспечивающая получение экологически безопасных продуктов питания.

Мероприятия:

– разработка эколого-гигиенических паспортов районов, хозяйств, сельхозугодий, пастбищ, животноводческих помещений, хранилищ кормов и зерновой продукции и населенных пунктов с приложением проектов землеустройства и указанием конкретных агротехнических, агрохимических, агроэкологических, санитарно-эпидемиологических, зооинженерных, ветеринарно-санитарных и технологических мероприятий;

– создание системы применения безопасных удобрений, средств защиты растений и мелиорантов;

– разработка экспресс-технологий мониторинга патогенных биологических агентов в окружающей среде и видеоспецифичности пищевых продуктов;

– разработка способов снижения антропогенной нагрузки на организм сельского жителя.

В процессе реализации республиканской программы будут разработаны:

– концепция производства экологически безопасных продуктов питания в Республике Татарстан»;

– региональные нормативы допустимого содержания тяжелых металлов, нефтепродуктов, сульфатов, нитратов, пестицидов и других токсикантов на разных типах почв сельхозугодий (пашня, естественные пастбища, кормовые и зерновые угодья, корма и рационы продуктивных животных);

– региональные нормативы и критерии экологической сертификации пашни, пастбищ, лугов, кормов и ра-

ционов животных, а также технологий переработки, хранения и транспортировки сельхозпродукции, сырья и готовой продукции;

– региональные стандарты «Экологически безопасные продукты питания»;

– правила функционирования региональной системы добровольной сертификации экологически безопасных продуктов питания;

– региональные стандарты «Пищевые продукты, изготовленные без применения искусственных компонентов и ГМО»;

– региональная система маркировки пищевой продукции «Экологически безопасные продукты питания» и «Пищевые продукты, изготовленные без применения искусственных компонентов и ГМО».

Полученные результаты научных исследований и их внедрение позволят создать:

– базы данных, аналитические карты, эколого-гигиенические паспорта хозяйств и населенных пунктов;

– модели управления агропроизводством и прогнозы агроэкологической ситуации;

– руководство по сертификации агропромышленного производства, отвечающее требованиям международных и федеральных стандартов;

– ассоциацию производителей экологически безопасной продукции Республики Татарстан;

– нормативно-правовые акты (Проекты законов), обеспечивающие стабильное функционирование региональной системы производства, переработки и сертификации экологически безопасных продуктов питания.

Целый ряд федеральных целевых программ, в том числе в области агропроизводства, базируется на терминологии «экологически чистый продукт». В то же время СанПиН

2.3.2.1078-01 устанавливает определение «Органические продукты» – для пищевых продуктов, произведенных с использованием технологий, обеспечивающих их получение из сырья, полученного без применения пестицидов и других средств защиты растений, химических удобрений, стимуляторов роста и откорма животных, антибиотиков, гормональных и ветеринарных препаратов, ГМО, не подвергнутого обработке с использованием ионизирующего излучения. Однако определение «Органические продукты» широко применяется в других сферах экономики страны, не связанных с продуктами питания, и в первую очередь химической промышленности, синтетических «Органических продуктов», от производства паранитроортоаминофенола до хлорбензола и его производных.

В этой связи нами предлагается ввести терминологию «Экологически безопасные продукты питания».

Реализацию Программы предлагается осуществлять в несколько этапов с привлечением средств из различных источников финансирования:

– первый этап – разработка, формирование и регистрация в Ростехрегулировании соответствующей нормативно-методической базы, стандартов – за счет средств *республиканского бюджета*;

– второй этап – *привлечение средств федерального бюджета* в экономику Республики Татарстан – защита и включение мероприятий Программы в Федеральную целевую программу;

– третий этап – реализация мероприятий Программы из средств *республи-*

канского и федерального бюджетов и собственных средств предприятий;

– четвертый этап – привлечение *внебюджетных средств* для реализации мероприятий Программы комитета по промышленному развитию (UNIDO) при Организации Объединенных Наций и международного банка развития, международного исламского банка и других;

– пятый этап – совместная реализация проекта в рамках соглашения с *Республикой Беларусь*.

Распределение средств, выделяемых на реализацию мероприятий Программы, по поручению Кабинета Министров Республики Татарстан осуществляет Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан.

Нами проводится изучение общественного мнения. Данный вопрос освещался и на семинаре-совещании специалистов по переработке и реализации сельхозпродукции Управления сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан 8–10 февраля 2010 г., на Всероссийском форуме «Всемирный день качества». Проводится социологический опрос населения республики о формировании рынка экологически безопасной продукции, а также изучение мнения готовности самих сельхозтоваропроизводителей к выпуску экологически безопасной продукции, их мнения и предложения по данному вопросу. Распространено около 3,0 тыс. анкет. Предварительные результаты показывают, что в целом население положительно воспринимает возможность формирования рынка экологически безопасных продуктов питания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хасанов М.Х., Хайбуллин И.Б., Ильязов Р.Г. и др. Концепция «Обеспечение агроэкологической безопасности в Республике Татарстан». – Казань: Меддок, 2006. – 76 с.
2. Ильязов Р.Г., Шакиров Ф.Х., Пристер Б.С. и др. Адаптация агроэкосферы к условиям техногенеза // Под ред. Ильязова Р.Г. – Казань: Фэн, 2006. – 672 с.

3. Фисинин В.И., Ильязов Р.Г., Гусманов У.Г. и др. Методическое руководство по организации научных исследований для производства экологически безопасной и биологически полноценной продукции животноводства в условиях техногенного загрязнения агроэкоосферы. – М. – Казань, 2008. – 132 с.

4. Фисинин В.И., Ильязов Р.Г., Пристер Б.С. и др. Методическое руководство по организации агроэкологического мониторинга, производства и сертификации экологически безопасной сельскохозяйственной продукции в условиях техногенеза // Под ред. акад. РАСХН В.И. Фисинина и чл.-корр. АН РТ Р.Г. Ильязова. – Уфа: Гилим, 2013. – 256 с.

Аннотация

Для выхода на мировые рынки экопродукции, а также развития внутреннего рынка необходимо разработать условия для производства экологически чистых продуктов питания и гарантировать ее должную сертификацию, соответствующую мировым стандартам. Сдерживающим фактором развития рынка экологически чистой продукции в России остается отсутствие законодательно-нормативной базы, принятой на государственном уровне. Систему сертификации необходимо выстраивать начиная с ранжирования и контроля состояния почвы, применяемых удобрений, агротехнических мероприятий, кормов, рационов продуктивных животных, ветеринарно-санитарного благополучия, хранения, транспортировки и переработки продукции, продажи и утилизации некондиционного товара. Для реализации республиканской программы разработаны алгоритмы мероприятий (геоинформационные, агрохимические, агротехнические, зооинженерные, ветеринарно-санитарные, эколого-гигиенические, технологические и информационные), а также впервые создана карта агроэкологического районирования территорий с выделением зон: экологического благополучия, экологической нормы и экологического риска.

Ключевые слова: стандартизация, сертификация, экологический знак, экопродукция, региональный стандарт, органический продукт, экологическая безопасность.

Summary

For entrance to the world markets of eco-products and for development of internal market it is necessary to provide conditions for production of environmentally clean food products and to secure its due certification which meets world standards. The constraining factor of development of the market of environmentally clean products in Russia is lack of legislative-normative base approved at governmental level. Certification system should be organized starting from rating and control of soil condition, applied fertilizers, agrotechnical measures, feeding stuff, ration of productive animals, veterinary-sanitary wealth, storage, transportation and processing of products, sale and utilization of imperfect goods. For implementation of the Republican program there were algorithms of measures (geo-informational, agrochemical, agrotechnical, zoology-engineering, veterinary-sanitary, ecology-hygienic, technologic and informational) developed, and the map of agro-ecologic regional assignment of territories with demarcation of zones of ecologic wealth, ecologic norm and ecologic risk was formed for the first time.

Key words: standardization, certification, ecology sign, eco-products, regional standard, organic product, ecologic safety.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

4 декабря 2013 г. Казанская государственная академия ветеринарной медицины стала местом проведения международной научной конференции.

Организаторы конференции: Казанская ветакадемия и Российская академия кадрового обеспечения АПК при официальной поддержке аграрных ведомств России и Татарстана и в партнерстве с компанией DRAMINSKI (Польша) – ведущим производителем диагностического оборудования для животноводства.

Признанные авторитеты в области ветеринарии, заводчики, специализирующиеся на разведении молочного скота, обсуждают проблемы животноводства и пути их решения с помощью новых технологий, знакомятся с возможностями передовых методов обследования, в частности, ультрасонографии, а также обмениваются опытом использования инновационных решений в сфере эмбриотрансфера и диагностики патологий у крупного рогатого скота.

* * *

6 декабря 2013 г. в Академии наук РТ состоялась Всероссийская научная конференция «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVI – начало XVIII вв.)», в которой приняли участие представители научных учреждений Казани, Йошкар-Олы, Чебоксар, Челябинска, Волгограда, Оренбурга, Москвы.

На конференции были заслушаны доклады по следующим проблемам:

- становление и развитие новой системы управления в регионе;
- конфессиональная и национальная политика властей;
- вопросы расселения и демографии народов края;
- этносоциальные процессы в регионе;
- взаимоотношение и взаимодействие народов края;
- историография и источники по истории и культуре народов Волго-Уралья;
- вопросы исторической топонимии и лексикографии.

В рамках конференции состоялся «круглый стол» на тему: «Понятия «чюваш» и «ясачная чюваша» в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты».

* * *

11 декабря 2013 г. в казанском «Корстоне» наградили победителей конкурса «50 лучших инновационных идей для РТ». Конкурс «Пятьдесят лучших инновационных проектов для Республики Татарстан» проводился в следующих номинациях: «Перспектива», «Инновации в образовании», «Старт инноваций», «Наноимпульс», «Сотрудничество», «Лучшее изобретение года», «Социально-экономическое развитие Республики Татарстан», «Проекты Ассоциации инновационных регионов России».

В мероприятии приняли участие: вице-президенты АН РТ А.Л.Абдуллин, Д.Ш.Сулейманов, советники президиума АН РТ А.Ш.Зиятдинов, А.В.Ильясов, Ф.Г.Хамидуллин, Ш.М.Чабдаров, начальник научно-инновационного отдела АН РТ В.А.Арсланов, сотрудники отдела А.В.Байгильдеев, Р.А.Газизов, Р.Л.Садиков.

* * *

12 декабря 2013 г. Министерством образования и науки Республики Татарстан объявлен конкурс на соискание грантов Правительства Республики Татарстан «Алгарыш-2014» по категориям: «Молодые ученые», «Преподаватели и научные сотрудники», «Учреждения высшего профессионального образования», «Работники образовательных учреждений», «Проектные группы» и «ИКТ-специалисты» (постановление Кабинета Министров от 21 мая 2010 г. № 398 «О гранте Правительства Республики Татарстан «Алгарыш» на подготовку, переподготовку и стажировку граждан в российских и зарубежных образовательных и научных организациях»).

Победители конкурса получают возможность пройти стажировку в российских и зарубежных образовательных и научных организациях для повышения квалификации.

* * *

20 декабря 2013 г. в зале торжеств резиденции Президента РТ состоялась церемония вручения государственных премий РТ в области науки и техники. В этом году на соискание премий были выдвинуты 15 работ, из них были отобраны 8 работ-лауреатов. Пять из них носят фундаментальный характер, треть посвящена производству новых научных разработок. В своем приветственном слове Президент РТ Рустам Минниханов отметил, что эта госпремия вручается лучшим умам республики вот уже на протяжении 20 лет. За эти годы было премировано более 150 работ, лауреатами стали более 800 человек.

Достойное место в списке работ, удостоенных Государственных премий РТ 2013 г., заняла серия научных трудов «Татарские родословные» (10 книг общим объемом 142 п.л.) доктора филологических наук, главного научного сотрудника Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства АН РТ М.И.Ахметзянова, посвященная комплексному исследованию богатой духовной культуры татарского народа на материале рукописного наследия средневековья и Нового времени.

Высокой награды удостоены ученые и специалисты Казанской медицинской академии, Казанской городской клинической больницы № 7 и КНИТУ им. А.Н.Туполева И.С.Малков, Р.Ш.Шаймарданов, М.Н.Садыков, И.Ф.Шарафисламов, А.В.Бердников за работу «Разработка и внедрение новых технологий в диагностику и лечение больных с ургентной хирургической патологией».

Звания лауреатов Государственной премии Республики Татарстан удостоены ученые Федерального центра токсикологической, радиационной и биологической безопасности М.Я.Тремасов, К.Х.Папуниди, В.И.Фисинин, Э.И.Семенов, А.А.Иванов, И.М.Егоров, Ф.Г.Ахметов за разработку и внедрение комплекса средств для диагностики, профилактики и лечения микотоксикозов (заражение грибковыми заболеваниями).

Новаторский характер носит работа ученых и специалистов Института органической и физической химии Казанского научного центра РАН В.Ф.Миронова, А.Б.Выштакалюк, А.Н.Карасевой, А.А.Лапина, С.Т.Минзановой, А.В. Смоленцева, О.В.Цепаевой «Научные основы и технологические аспекты получения низко- и высокомолекулярных соединений из нетрадиционного растительного сырья и их химических производных».

Внедрению инновационных технологий повышения эффективности отрасли молочного скотоводства в Татарстане посвящена работа ученых и специалистов Н.А.Сафиуллина, М.Х.Зарипова, Г.Ф.Кабилова, Н.Н.Хазипова, Р.Р.Нутфуллина, А.А.Захаровой, Л.Р.Загидуллина, Р.Р.Каюмова.

Высокой наградой отмечена работа ученых и специалистов НИИ химических продуктов Ю.М.Михайлова, Р.Ф.Гатиной, А.А.Староверова, А.В.Косточко, Е.И.Староверовой, С.В.Астахова, Т.А.Енейкиной, А.Б.Лабунского «Исследование гидродинамических, тепломассообменных и диффузионных процессов с разработкой на их основе технологии для получения одноосновных и двухосновных сферических порохов к стрелковому оружию и малокалиберным артиллерийским системам».

Решению важнейшей социально-экономической проблемы – повышению качества подготовки нефти на месторождениях Урало-Поволжья – посвящена работа ученых и специалистов ОАО «Татнефть» А.Н.Шаталова, Р.Р.Ахмадуллина, Н.Р.Аюповой, Р.М.Гарифуллина, Р.Г.Гарифуллина, Ф.Р. Губайдулина, И.Х.Исмагилова, Р.Р.Мухаметгалеева.

Совместная работа ученых и специалистов Казанского национального исследовательского технологического университета и Министерства по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям РТ Р.З.Хабибуллина, Н.Ю.Башкирцевой, И.В.Гилязутдиновой, С.В.Киселева, М.А.Краснова, С.И.Поникарова, А.С.Поникаровой, В.Н.Суржко направлена на разработку и внедрение механизмов снижения промышленных рисков и повышение живучести предприятий в процессе модернизации производственного потенциала нефтехимического комплекса Татарстана.

В этот же день президент Академии наук Республики Татарстан, академик А.М. Мазгаров поздравил новых лауреатов с высокой наградой и пожелал всем творческих успехов и новых свершений на благо народов Республики Татарстан и всей Российской Федерации.

* * *

27 декабря 2013 г. в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова состоялась конференция этнографической экспедиционной группы, посетившей Исламскую Республику Иран 17–25 декабря 2013 г. с целью поиска татарских поселений и изучения их возникновения на территории Ирана. В ее составе были: директор института, член-корреспондент АН РТ К.М.Миннуллин, научные сотрудники ИЯЛИ И.Гибадуллин, И.Гумеров, В.Долгунов, Р.Султанова, главный специалист по внешним связям АН РТ Б.Ногманов

Группа наших ученых была принята как официальная делегация и работала по плану, предусмотренному принимающей стороной. Встречи с учеными Иранского университета показали, что иранцы проявляют большой интерес к татарской культуре. Сами татары гордятся своей нацией и всячески стараются ее сохранить.

В ходе встреч были установлены научные и творческие связи между Республикой Татарстан и Исламской Республикой Иран.

Экспедиция была совершена в рамках исполнения поручений Президента Республики Татарстан Р.Н.Минниханова.

* * *

30 декабря 2013 г. отметил свой 50-летний юбилей ректор Казанского государственного медицинского университета, член-корреспондент Академии наук РТ Созинов Алексей Станиславович.

* * *

30 декабря 2013 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 2591-р был утвержден перечень организаций, подведомственных недавно созданному Федеральному агентству научных организаций (ФАНО) России. В число этих организаций вошли ФГБУН «Казанский научный центр РАН», а также его научно-исследовательские институты: механики и машиностроения, физико-технический, органической и физической химии, биохимии и биофизики и поликлиника. В ведение ФАНО переданы также ГНУ «Татарский НИИ сельского хозяйства» и ГНУ «Татарский НИИ агрохимии и почвоведения» РАСХН.

* * *

31 декабря 2013 г. своим приказом № 1046/нк «О приостановлении деятельности советов по защите докторских и кандидатских диссертаций» Министерство образования и науки РФ заморозило деятельность 602 диссоветов. Среди них диссертационные советы по защите докторских и кандидатских диссертаций:

ТГГПИ (филологические науки по специальностям 10.02.01, 10.02.02),

КНИТУ-КАИ (технические науки по специальностям 05.12.13, 05.02.22, 05.11.14, 05.12.04, 05.12.07, 05.11.13, 05.13.05),

КФУ (социологические науки по специальности 22.00.04, юридические науки по специальностям 12.00.01, 12.00.02, экономические науки по специальностям 08.00.01, 08.00.05),

КГЭУ (технические науки по специальностям 05.09.01, 05.09.03),

КГФЭИ (экономические науки по специальностям 08.00.01, 08.00.05, 08.00.12),

КГАВМ (ветеринарные науки по специальностям 06.02.01, 06.02.02, 06.02.05, 06.02.06),

КГАУ (технические науки по специальностям 05.20.01, 05.20.03),

Университет управления ТИСБИ (экономические науки по специальности 08.00.05).

* * *

31 декабря 2013 г. премию Правительства РФ в области науки и техники за 2012 г. за разработку эффективных устройств и вихревых технологий для энергетики получил доктор технических наук, профессор кафедры ТиЭМ КНИТУ-КАИ, ученый секретарь Отделения математики, механики и машиноведения АН РТ Попов Игорь Александрович.

* * *

1 января 2014 г. отметил свой день рождения президент Академии наук Республики Татарстан, академик Ахмет Мазгарович Мазгаров.

* * *

1 января 2014 г. президиум Академии наук Республики Татарстан поздравил с 60-летием члена-корреспондента АН РТ Альберта Сарваровича Галявича.

* * *

20 января 2014 г. в Академии наук РТ состоялось торжественное мероприятие, посвященное 75-летию со дня рождения члена-корреспондента АН РТ, советника президиума Академии наук РТ А.Ш. Зиятдинова.

Поздравляя ученого и общественного деятеля с юбилеем от имени руководства республики, Ф.Х. Мухаметшин отметил большой вклад Азата Зиятдинова в развитие нефтехимии в Татарстане. «Наша республика добилась выдающихся успехов в нефтяной и нефтехимической отраслях, и в этих достижениях есть заслуженный вклад юбиляра. Республика вправе гордиться такими людьми». Остановившись на общественной деятельности юбиляра, руководитель парламента подчеркнул, что в качестве депутата Госсовета республики Зиятдинов всегда отличался активностью и решительностью, умением отстаивать законные требования избирателей. «Он известен как активный сторонник двуязычия, национальной культуры, народных обычаев и традиций, защитник малокомплектных сельских школ, неоднократно отмечая, что закрытие начальной школы в деревне обязательно приведет к ее исчезновению. Спасибо, что есть такие депутаты. Работать с ними хоть и трудно, но приятно, потому что они душой радуют за дело». Затем Ф.Х. Мухаметшин вручил А.Ш. Зиятдинову Благодарственное письмо Председателя Государственного Совета РТ.

От имени президиума Академии наук РТ, ее членов теплыми словами поздравили юбиляра президент АН РТ, академик А.М. Мазгаров и академик-секретарь ОХХТ, член-корреспондент В.И.Галкин.

Руководитель Исполкома Всемирного конгресса татар Р.З. Зиннуров поблагодарил А.Ш. Зиятдинова за многолетнюю помощь в национально-культурном, а также политическом и духовном развитии Республики Татарстан и вручил высшую награду – медаль «За большие заслуги перед татарским народом».

Юбиляра тепло поздравили: заместитель министра культуры РТ Г.А. Нигматуллина, мэр г. Казани И.Р.Метшин, заместитель главы Нижнекамского муниципального района Э. Р.Долотказина.

От имени ОАО «Нижнекамскнефтехим», с которым юбиляра связывают более сорока лет работы, А. Ш. Зиятдинова поздравили: директор Научно-технологического центра ОАО «ННХ» В.П. Погребцов, бывшие сослуживцы А.Г. Сахабутдинов и Ф.К. Никулина и другие. Украшением вечера стали выступления музыкантов, народных артистов Татарстана, Ф. Абубакирова и Г. Ибушева.

* * *

22 января 2014 г. Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора) № 24 «О предоставлении лицензии на осуществление образовательной деятельности ГНБУ «Академия наук Рес-

публики Татарстан» в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», Положением о лицензировании образовательной деятельности, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 28.10.2013 № 966, Положением о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 15.07.2013 № 594 государственному научному бюджетному учреждению «Академия наук Республики Татарстан» предоставлена лицензия на осуществление образовательной деятельности.

В течение 10 дней со дня издания данного приказа информация, относящаяся к осуществлению лицензируемой деятельности, будет размещена на официальном сайте Рособнадзора, в сети Интернет и в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

* * *

25 января 2014 г. в Международном информационном центре Деревни Универсиады прошла церемония награждения премией «Студент года», ежегодно проводимая Лигой студентов, Министерством по делам молодежи, спорту и туризму РТ и Советом ректоров вузов РТ при поддержке Президента Республики Татарстан.

Премия «Студент года» направлена на поддержку деятельности органов студенческого самоуправления вузов и ссузов РТ, а также лидеров и руководителей молодежных общественных объединений по развитию студенческого самоуправления и повышению творческой, научной и социальной активности студентов. В этом году были награждены лучшие социальные проекты, разработанные и реализованные студентами; студенты, занимающиеся наукой, чьи разработки являются актуальными для республики; спортивные организации, занимающиеся активной деятельностью по пропаганде здорового образа жизни; патриотические организации, занимающиеся поисковой работой и др.

В красочном мероприятии участвовали свыше 1500 зрителей, среди которых ректоры, проректоры, представители исполнительной и законодательной власти, представители общественных организаций республики.

В церемонии награждения приняли участие Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов, Председатель Государственного Совета РТ Ф.Х. Мухаметшин, президент Академии наук РТ А.М. Мазгаров.

Среди 18 различных номинаций премии «Интеллект года» и «Студенческое научное общество» В.Павлову К(П)ФУ и студенческой ячейке Международного оптического общества КНИТУ-КАИ, соответственно, вручил А.М. Мазгаров.

Спикер татарского парламента вручил сертификат о направлении Госсоветом РТ на ознакомительную поездку в штаб-квартиру Совета Европы в Страсбург в течение 2014 г. трех студентов Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, проявивших особое усердие в учебе, научно-исследовательской и общественной деятельности.

«Вузом года» был признан Казанский федеральный университет, а наградой обладателю Гран-при «Студент года» Ильдару Хуззятову стала возможность

поехать на учебу в любой из лучших вузов мира. Вручил награду студенту КФУ Президент Татарстана Рустам Минниханов.

По словам Президента РТ, одно из конкурентных преимуществ республики – ее образовательный потенциал. Он обратил внимание на то, что в Казани и Татарстане имеется мощный образовательный кластер и отметил, что нужно еще много работать, чтобы татарстанские вузы попали в рейтинги лучших мировых вузов.

* * *

30 января 2014 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете состоялось торжественное заседание, посвященное 80-летию академика Александра Коновалова.

Поздравить ученого с мировым именем пришли Председатель Государственного Совета Фарид Мухаметшин, заместитель Премьер-министра – министр образования и науки Энгель Фаттахов, вице-президент РАН Сергей Алдошин, президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, председатель КазНЦ РАН Олег Синяшин. Также в актовом зале КФУ собрались научная и вузовская общественность Казани, ученые из других городов России, члены семьи Александра Коновалова.

Президент Казанского (Приволжского) федерального университета Мякзюм Салахов зачитал телеграмму Президента Рустама Минниханова, адресованную академику.

«Один из крупнейших ученых России, талантливый организатор, блестящий педагог, активный общественный деятель, Вы посвятили свою жизнь служению отечественной науке и образованию, внесли значительный вклад в инновационное развитие Татарстана», – говорится, в частности, в телеграмме.

* * *

1 февраля 2013 г. Указом Президента Республики Татарстан № VII-101 утверждены члены президиума Академии наук Республики Татарстан:

1. **Валеев Разиль Исмагилович** – председатель Комитета государственного Совета Республики Татарстан по культуре, науке, образованию и национальным вопросам;

2. **Габдрахманов Ильдус Харисович** – заместитель министра сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан;

3. **Гафуров Ильшат Рафкатович** – ректор Казанского (Приволжского) федерального университета;

4. **Гильмутдинов Альберт Харисович** – ректор Казанского национального исследовательского технического университета;

5. **Дьяконов Герман Сергеевич** – ректор Казанского национального исследовательского технологического университета;

6. **Мингалеев Ильдар Равильевич** – заместитель министра промышленности и торговли Республики Татарстан;

7. **Нигматуллина Гузель Азатовна** – заместитель министра культуры Республики Татарстан;

8. **Пресняков Владимир Васильевич** – заместитель генерального директора открытого акционерного общества «ТАИФ»;

9. **Салихов Кев Минуллинович** – директор Казанского физико-технического института им. Е. К. Завойского Казанского научного центра Российской академии наук;

10. **Сафиуллин Марат Рашитович** – директор Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, проректор Казанского (Приволжского) федерального университета;

11. **Синяшин Олег Герольдович** – председатель Казанского научного центра Российской академии наук;

12. **Фаттахов Энгель Навапович** – заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – министр образования и науки Республики Татарстан;

13. **Хисамов Раис Салихович** – заместитель генерального директора – главный геолог открытого акционерного общества «Татнефть»;

14. **Юшко Сергей Владимирович** – генеральный директор открытого акционерного общества «Инновационно-производственный Технопарк «Идея»;

15. **Яруллин Рафинат Саматович** – генеральный директор открытого акционерного общества «Татнефтехиминвест-холдинг».

Также вице-президентами Академии наук Республики Татарстан на неосвобожденной основе утверждены: **Дьяконов Герман Сергеевич** и **Салихов Кев Минуллинович**.

* * *

3 февраля 2014 г. Фонду содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере исполнилось 20 лет. Созданный в 1994 г. Фонд стал первым государственным институтом развития, оказывающим поддержку малым инновационным предприятиям в научно-технической сфере. За 20 лет деятельности Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере рассмотрел свыше 35 000 заявок, профинансировал более 11 000 инновационных проектов, содействовал созданию более 4 500 компаний, поддержал более 500 проектов предприятий, созданных при образовательных и научных учреждениях.

Фонд обладает значительным опытом поддержки малых инновационных компаний на разных стадиях развития и создания объектов инновационной инфраструктуры, имеет 64 региональных представительства на территории РФ. Благодаря этому каждый инноватор от Калининграда до Владивостока имеет реальный шанс получить грант на развитие проекта. Также важно отметить, что при поддержке Фонда создано 28 инновационно-технологических центров.

Фонд не претендует ни на долю в уставном капитале, ни на возврат денег от профинансированных предприятий. Бюджетные средства, вложенные Фондом в проекты малых инновационных компаний, возвращаются в бюджеты различных уровней за счет прироста налоговых платежей в течение 3–4 лет.

Фонд является одним из основных элементов современной Национальной инновационной системы, формирующейся в Российской Федерации. В 2009 г. Фонд выступил соучредителем Фонда посевных инвестиций РВК, в 2010 г. – Фонда «Сколково», а в 2011 г. – Сколковского института науки и технологий. Задача Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере – формирование потока качественных проектов для дальнейшей поддержки. По состоянию на начало 2014 г. порядка двухсот малых предприятий страны, успешно прошедших программы Фонда, получили возможность

дальнейшего развития за счет финансовой поддержки других институтов развития.

Иван Бортник, первый генеральный директор Фонда, председатель наблюдательного совета Фонда: «Содействие государства и его роль на начальных стадиях инновационной деятельности крайне важны. Успех предприятия на посевной стадии – фактор, существенно снижающий риски его развития, что в конечном счете способствует повышению эффективности российской экономики и конкурентоспособности отечественных компаний. Фонд содействия посредством своих программ помогает малым инновационным предприятиям реализовывать проекты, обладающие существенной новизной и перспективами коммерциализации».

Сергей Поляков, генеральный директор Фонда: «Приоритетом нашей работы является не столько развитие компаний, сколько создание условий, в которых малые предприятия рождаются и становятся конкурентоспособными. Как сказал один из директоров поддержанной Фондом компании, «важно, что нас заметили, что поддержали». Фонд дает не только деньги на развитие наукоемкого бизнеса, но и уверенность руководителям в том, что их бизнес на правильном пути».

Региональным представительством Фонда в Республике Татарстан является ОАО «КНИАТ» (<http://книат.рф/>). Контактное лицо – Петр Петрович Баскевич, директор по инновациям ОАО «КНИАТ», тел. 8-843-5105150, e-mail: itckniat@yandex.ru .

* * *

7 февраля 2014 г. в Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное собрание, посвященное Дню российской науки. По сложившейся традиции мероприятие было организовано совместно с Казанским научным центром РАН.

В празднике приняли участие члены Академии наук РТ, молодые ученые, представители научно-исследовательских институтов и центров, высших учебных заведений, руководители министерств и ведомств РТ.

Выступая перед коллегами, президент АН РТ А. М. Мазгаров напомнил, что День российской науки был учрежден Указом Президента РФ в 1999 г. и приурочен к дате основания Российской академии наук. Напомнив об истории возникновения праздника и развитии Академии наук Татарстана, в структуру которой сейчас входят 10 академических и 25 прикладных институтов, он поздравил научную общественность республики.

«8 февраля – это профессиональный праздник ученых, неординарных людей, обладающих большим творческим потенциалом, стоящих на страже технического прогресса. Невозможно переоценить значение науки: достижения ученых всегда определяли лицо общества.

Праздничные мероприятия мы проводим совместно с Казанским научным центром Российской академии наук, с его институтами», – отметил А. М. Мазгаров.

«Двадцать лет назад Академия наук РТ создавалась на базе институтов и центров КазНЦ РАН, выдающиеся академики РАН являлись отцами-основателями молодой академии. Автономное существование позволило нам развивать прежде всего гуманитарные науки, поднять на качественно новый уровень изучение историко-культурного наследия народов, проживающих в Татарста-

не. За эти годы мы не потеряли связи с РАНовскими институтами, наоборот, курс на взаимовыгодное сотрудничество и интеграцию позволил приумножить традиции Российской академии наук в новых условиях. Сегодняшнее совместное празднование профессионального праздника является наглядным тому подтверждением. Выступая сплоченной командой единомышленников, совместными усилиями, направленными на сохранение и развитие научного потенциала, мы сможем успешно решать важнейшие социально-экономические и духовно-нравственные задачи, стоящие перед нашей республикой. Экономические преобразования, создание наукоемких технологий, внедрение инноваций невозможны без нашего кропотливого труда».

Председатель Государственного Совета РТ Ф.Х. Мухаметшин рассказал о зарождении Академии наук РТ в тяжелые для науки 1990-е гг. и отметил, что ее создание помогло объединить разобщенное на тот момент научное сообщество. Далее он перешел к церемонии награждения. Советник президиума Академии наук РТ, академик Чабдаров Ш.М. был поощрен Благодарностью Президента Российской Федерации. Профессору, заместителю директора по научной работе Института органической и физической химии им. А.Е.Арбузова КазНЦ РАН Карасику А.А., ученому секретарю, зав. лабораторией спиновой физики и спиновой химии Казанского физико-технического института им. Е.К.Завойского КазНЦ РАН Воронковой В.К., профессору Казанского государственного энергетического университета Закамулиной М.Н., профессору Казанского государственного энергетического университета Чичировой Н.Д. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан».

Профессор, заведующая лабораторией правовых проблем недропользования и экологии Института экологии и недропользования Академии наук РТ Салиева Р.Н. и ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ, кандидат искусствоведения Улемнова О.Л. поощрены Благодарственным письмом Государственного Совета Республики Татарстан.

Награды молодым ученым вручил заместитель Премьер-министра РТ – министр образования и науки Э.Н. Фаттахов. Были отмечены победители конкурса молодежных грантов и премий. Победители были определены в двух номинациях: «Грант» и «Премия». Лауреатами стали 16 и 10 человек соответственно.

Министр отметил, что количество научных организаций республики непрерывно увеличивается. В настоящее время это уже почти 120 учреждений академического, вузовского, отраслевого и корпоративного профиля. В научном комплексе республики на постоянной основе занято около 14 тыс. человек, и еще примерно 5 тыс. человек трудятся на условиях совместительства. Энгель Фаттахов назвал их творческим и интеллектуальным классом общества. Внутренние затраты на научную деятельность в Татарстане возросли на порядок и превысили 10 млрд рублей в год.

«В текущем году нам вместе с вами предстоит решить задачи, связанные с модернизацией академического сектора науки. К каждой из них мы будем искать адресный подход в атмосфере конструктивного диалога и обмена мнениями», – пообещал министр.

В ходе празднования с 70-летним юбилеем поздравили члена-корреспондента Академии наук РТ, заведующего кафедрой алгебры КФУ, заслуженного деятеля науки РТ, заслуженного работника высшей школы России, крупного

математика, преемника и продолжателя славных традиций казанской математической школы Марата Мирзаевича Арсланова.

Традицией в рамках празднования Дня российской науки становятся научные лекции вновь избранных членов Академии наук РТ. С неослабевающим вниманием участниками собрания была прослушала лекция члена-корреспондента АН РТ, профессора Казанского (Приволжского) федерального университета Л.Р. Тагирова «Магнитные наноструктуры и их применение в спин-тронике».

Торжественно были вручены дипломы, удостоверения и значки члена Академии наук РТ избранному в мае 2013 года действительному члену АН РТ *Файзрахманову Д.И.*, д.э. н., ректору Казанского государственного аграрного университета; членам-корреспондентам: *Тагирову М.Ш.*, д. с.-х.н., директору Татарского НИИ сельского хозяйства Россельхозакадемии, *Гафурову И.Р.*, д. э. н., ректору Казанского (Приволжского) федерального университета, *Созинову А. С.*, д. м. н., ректору Казанского государственного медицинского университета, *Абдрахманову Р.М.*, д. м. н., заведующему кафедрой дерматовенерологии Казанского государственного медицинского университета, *Хисамову Р.С.*, д. г.-м. н., заместителю генерального директора – главному геологу ОАО «Татнефть», *Яруллину Р.С.*, д. х. н., генеральному директору ОАО «Татнефтехиминвестхолдинг», *Копылову А.Ю.*, д. т. н.

Были вручены именные премии Академии наук РТ: им. Г.Г.Ибрагимова в области татарского языкознания и литературоведения профессору Казанского (Приволжского) федерального университета, члену-корреспонденту Академии наук РТ *Галиуллину Т. Н.* за цикл научных работ по истории татарской поэзии XX века (монографии «Әдәбият – хәтер хәзинәсе» и «Яктылык»); им. В.П. Мосолова в области сельскохозяйственных наук – профессорам Казанского государственного аграрного университета *Сафиоллину Ф.Н.*, *Салихову А.С.*, *Таланову И. П.* за научную работу «Развитие наследия академика В.П. Мосолова в ресурсосберегающих агротехнологиях полевых и кормовых культур»; им. А.Г. Терегулова – в области медицины и здравоохранения – главному кардиологу РТ, заведующему кафедрой факультетской терапии КГМУ, члену-корреспонденту Академии наук РТ *Галявичу А. С.* за научную работу «Диагностика и лечение инфаркта миокарда».

Продолжил торжественную часть председатель президиума КазНЦ РАН, академик РАН О.Г.Синяшин.

За многолетний добросовестный труд на благо отечественной науки Почетными грамотами Российской академии наук были награждены: *Елесин А.В.*, к. ф.-м. н., и.о. зав.лабораторией Института механики и машиностроения КазНЦ РАН, *Еремина Р.М.*, д. ф.-м. н., старший научный сотрудник Казанского физико-технического института им. Е.К.Завойского КазНЦ РАН, *Петрова О.Е.*, к. б. н., старший научный сотрудник Казанского института биохимии и биофизики КазНЦ РАН, *Рыжиков Д.В.*, ведущий технолог Института органической и физической химии им. А.Е.Арбузова КазНЦ РАН, *Садыкова Л.И.*, главный библиотекарь Центральной научной библиотеки КазНЦ РАН, *Стробыкина И.Ю.*, к. х. н., старший научный сотрудник Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова КазНЦ РАН, *Хайбуллин Р.И.*, д. ф.-м. н., старший научный сотрудник Казанского физико-технического института им. Е.К.Завойского КазНЦ РАН.

Хорошей традицией Академии наук Татарстана стало чествование славных научных династий, когда с большой благодарностью отмечаются заслуги их представителей перед отечественной наукой. Участникам праздника были показаны новеллы о роде Габяши (Габяшевых), основателем династии которых стал Хасан Гата Габяши, и Болгарских – Шукиных-Душиных, одних из создателей казанской школы теплофизики и теплоэнергетики КНИТУ-КАИ.

Музыкальные подарки прозвучали в исполнении профессора Казанской государственной консерватории, заслуженного деятеля науки М. Ахметова и доцента Казанской государственной консерватории, народной артистки РТ Г. Мурзиевой.

* * *

7 февраля 2014 г. Президиум Академии наук Республики Татарстан поздравил с 70-летним юбилеем члена-корреспондента Академии наук РТ Марата Мирзаевича Арсланова.

* * *

6–9 февраля 2014 г. в Академии наук Республики Татарстан прошла очередная Казанская школа-семинар по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL'2014, проходившая в этом году в формате научной конференции с международным участием и получившая название «Языковая семантика: модели и технологии».

Организаторами конференции выступили Институт прикладной семиотики Академии наук РТ, Институт вычислительной математики и информационных технологий, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Высшая школа информационных технологий и информационных систем Казанского федерального университета и Татарский молодежный общественный фонд «Сэлэт». Насыщенная программа 8 секций конференции полностью отражала триаду, послужившую основой для постоянной аббревиатуры конференции – Theory, Engineering and Language: «Речевые технологии» (председатель Д.Ш.Сулейманов, Казань), «Технологии семантического анализа» (председатель В.Д.Соловьев, Казань), «Электронные корпусы» (председатель Е.В.Рахилина, Москва), «Семинар UniTurk» (председатель В.А.Плунгян, Москва), «Семиотическое и когнитивное моделирование» (председатель И.М.Кобозева, Москва), «Языки и диалекты» (председатель А.А.Аминова, Казань), «Бухараевские чтения» (председатель В.В.Иванов, Казань), Секция демонстрации программных продуктов.

В работе конференции приняли участие российские исследователи из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Якутска, Уфы, Чебоксар, Ульяновска, а также ученые из Германии, Турции, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Украины, Словакии и других стран.

Особое место в программе конференции занимал специальный семинар UniTurk, организованный для обсуждения актуальных проблем унификации систем грамматической разметки в корпусах тюркских языков. В активной и продуктивной дискуссии приняли участие разработчики татарского, башкирского, казахского, киргизского, хакасского, якутского электронных корпусов, ведущие эксперты в области тюркской, русской и славянской корпусной лингвистики, общей морфологии и лингвистической типологии. По итогам семинара была принята резолюция, в которой констатируется, что одной из важней-

ших задач современного тюркского языкознания является выработка такого стандарта представления лингвистической информации, который бы позволил организовать существующие и создающиеся корпуса тюркских языков в единое информационное пространство для широкого круга пользователей. Было принято решение о создании специальной рабочей группы по разработке стандартов и унифицированной системы обозначений.

Традиционной секцией школы-семинара TEL являются молодежные Бухараевские чтения, посвященные памяти основателя школы теоретической кибернетики, искусственного интеллекта и компьютерной лингвистики в Казани Р. Г. Бухараева, в рамках которой молодые исследователи, аспиранты и студенты представляют свои доклады и делятся опытом. Как обычно, насыщенной и интересной была программа Бухараевских чтений и в этом году.

В специальных секциях конференции, посвященных отдельным аспектам компьютерной лингвистики и лингвистических технологий, были представлены интересные и содержательные доклады, ни один из которых не остался без внимания и вызвал бурное обсуждение. Все участники выразили надежду в будущем вновь встретиться на этой междисциплинарной площадке и пожелали Казанской школе-семинару дальнейших успехов.

* * *

10 февраля 2014 г. Российский научный фонд известил о проведении открытого публичного конкурса на получение грантов Фонда по приоритетному направлению деятельности Российского научного фонда «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами».

Гранты выделяются на осуществление фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований в 2014–2016 гг. с последующим возможным продлением срока выполнения проекта на один или два года по отраслям знаний, указанным в конкурсной документации.

Гранты предоставляются научным группам через российские научные организации, российские образовательные организации высшего образования, находящиеся на территории Российской Федерации международные (межгосударственные и межправительственные) научные организации, на базе которых будут выполняться проекты (далее – организации).

* * *

10 февраля 2014 г. отметила свой юбилей директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан Ильдарханова Флера Амировна.

* * *

12 февраля 2014 г. Пресс-служба Академии наук Республики Татарстан сообщила о проведении аккредитации журналистов, освещающих деятельность Академии наук, научно-исследовательских институтов, центров АН РТ.

* * *

12 февраля 2014 г. на основании приказа Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора) от 20.01.2014 № 24

«О предоставлении лицензии на осуществление образовательной деятельности ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» АН РТ получила лицензию на осуществление образовательной деятельности за № 0001000.

* * *

14 февраля 2014 г. в Академии наук РТ была проведена III Региональная научно-практическая конференция «Формирование и развитие рынка интеллектуальной собственности в регионе».

Во время работы конференции были организованы заседания трех «круглых столов»:

1. Состояние рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан.
2. Оценка объектов интеллектуальной собственности и инфраструктура рынка интеллектуальной собственности.
3. Кадровое обеспечение рынка интеллектуальной собственности.

Организаторами конференции явились Академия наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет и Казанский научный центр РАН.

Проведение конференции по интеллектуальной собственности, ставшей уже регулярной, – большое событие не только для Академии наук республики, оно актуально для всех научных организаций и производственных компаний, уделяющих внимание инновационному развитию.

Целью конференции было привлечение дополнительного внимания на решение проблем в сфере оборота интеллектуальной собственности, создание особой среды взаимодействия для продвижения новых знаний и их практического применения.

Поэтому данное мероприятие призвано стать платформой для обсуждения вопросов инновационного развития и обмена лучшими практиками компаний – технологических лидеров в сфере управления знаниями.

В нашем обществе в целом уже сложилось понимание того, что дальнейшее развитие невозможно без инновационной экономики, базирующейся на высоком уровне науки и образования. Вопрос теперь упирается в другое – какими методами действовать, как использовать имеющиеся силы и ресурсы.

Идея конференции состояла в том, чтобы собрать вместе на одной площадке несколько ключевых групп участников – во-первых, создателей интеллектуальной собственности в виде новых технологий, проектов и т.д. Это вузы, академические и проектные институты, научные центры, которые представляют свои новые идеи и разработки. Другая группа участников представляет инфраструктуру их поддержки и продвижения и, наконец, группу инновационно-активных предприятий потребителей научной продукции. Кроме того, нам очень важно обменяться опытом в сфере внедрения инноваций с другими регионами России.

На III конференцию было зарегистрировано более 100 человек, в том числе из различных регионов России. Это Омская область, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Республика Марий Эл. Заочно участие в конференции приняли представители нескольких университетов из Украины и Белоруссии. От Республики Татарстан в работе конференции приняли участие представители министерств и ведомств, вузов и НИИ, крупных предприятий, таких как «Татнефть», «Казаньоргсинтез», ГИПО, Позис, а также малых инновационных компаний.

Такое активное участие в конференции свидетельствует о значительном интересе к данной тематике и стремлении развивать эффективную систему защиты интеллектуальной собственности. Хорошо развитая система охраны интеллектуальной собственности создает реальные предпосылки для успешного экономического развития, расширения торгово-экономических связей и эффективного включения интеллектуального потенциала в социально-экономический процесс.

Нынешняя конференция проходила в непростой для мировой экономики период, когда важно не допустить распространения кризисных явлений, формировать развитие экономики знаний на основе ясных и единых для всех правил, развивать справедливую и эффективную систему оборота правами на объекты интеллектуальной собственности, укреплять международные связи наших ученых и производителей.

Задачами построения организованного рынка интеллектуальной собственности должны стать:

- создание и развитие сбалансированной и доступной системы, которая может быть использована для достижения целей государственной политики в области науки и инноваций;
- облегчение и поощрение использования системы интеллектуальной собственности не только в целях распространения инноваций и их применения для целей экономического развития, но также и для обеспечения порядка на рынке интеллектуальной собственности.

Ежегодная конференция является своеобразным отчетом о проделанной работе. За время проведения предыдущих двух конференций было издано 3 части монографии «Региональный рынок интеллектуальной собственности». В этом году выходит четвертая часть. По материалам конференции были подготовлены сборники статей.

Академией наук издано учебное пособие «Интеллектуальная собственность», по материалам которой в течение года в Казанском (Приволжском) федеральном университете проводились мастер-классы для студентов. Книгу можно заказать в научно-инновационном отделе АН РТ.

Ежемесячно в Академии наук собирается Дискуссионный клуб по вопросам интеллектуальной собственности. Приглашаются все желающие.

В процессе работы конференции были проанализированы проблемы и определены пути их решения. Конференция максимально способствовала активному взаимодействию по вопросам практического управления знаниями и результатами интеллектуальной деятельности, инновационного развития компаний и их взаимодействию с научными организациями.

*Подготовил отдел по связям
с общественностью и СМИ АН РТ*

ПРЕТЕНЗИИ РАБОТОДАТЕЛЕЙ К ВЫПУСКНИКАМ ВУЗОВ

25 февраля 2014 г. От работодателей постоянно слышатся жалобы: выпускники вузов не соответствуют минимально предъявляемым требованиям. Причем как по навыкам и практическим знаниям, так и по личностным качествам. Эти жалобы звучат из любых отраслей – от консалтинга до промышленного производства.

Конечно, проблема эта вечная, и полностью никогда не удастся преодолеть разрыв между реальным качеством «продукции» образовательных учреждений и потребностями рынка. Но смягчить противоречия можно, и для этого прежде всего нужно понять проблемы. Участников процесса три – это вузы, студенты (выпускники) и работодатели. Претензий работодателей к подготовке выпускников немало.

Российские выпускники не имеют навыков работать в условиях постоянной перегрузки. Западный студент знает, что его норма сна – 6 часов. Все остальное время он учится или работает. Наши же не напрягаются, имея массу свободного времени. В вузе привыкают к тепличной жизни, совсем не свойственной странам нашего уровня развития.

Выпускники слабо ориентированы на увеличение доходов путем упорного труда. Чаще хотят «все и сразу», поменьше работать, побольше получать. Выпускники не желают понимать реальность: личного благосостояния в стране нашего уровня развития можно достичь, только работая по формуле 8-2-70. Это означает «восьмичасовой» рабочий день – с 8 утра до 8 вечера, два выходных (один зимой, другой летом), остальное в отгулы, отгулы к пенсии, а пенсию с 70 лет. Только тогда дети сегодняшних выпускников имеют шанс иметь обеспеченных, а внуки – богатых родителей. Только 30 лет упорного труда малообеспеченных родителей открывают детям путь к богатству. В развивающихся странах это верно для 99% населения. Иного не дано.

Выпускники не имеют навыков командной работы. А в любом деле практически никто не работает сам по себе – все достижения связаны с усилиями коллектива. И ценность работы каждого существует только в общем деле. Проецируя это на образование, нужны задания, когда зачет ставится по итогам работы группы, например, из 10 человек. Зачет получают все или никто. Конечно, кто-то сделает больше, а кто-то вообще ничего не сделает. Однако у тех, кто приложил усилия к результату, будет больше шансов преуспеть и в работе. А у лентяев ничего, кроме пустого диплома, не будет.

Неумение работать в команде часто связано с отсутствием умения коммуницировать с коллегами, выразить свою точку зрения, принимать участие в обсуждениях, совещаниях, готовить презентации. Очень часто выпускник даже не видит различия между жанрами общения: не отличает, что и как можно обсудить с коллегами, а что – с клиентом, как общаться с начальником, а как – с равными по должности.

Работе очень мешает отсутствие у выпускников навыков решения реальных проблем. Часто они обладают лишь абстрактно-теоретическими знаниями и не готовы сразу включиться в конкретную работу. Даже если студенты и подрабатывают во время учебы, очень редко это работа по специальности. И в итоге у нового сотрудника нет понимания, как решаются реальные профессиональные проблемы.

Выпускники вообще не имеют адекватного понимания реалий своей профессии. Приходя на работу, они весьма смутно представляют, из чего на самом деле складывается рабочий день, каковы обязанности, каковы должны быть приоритеты, о чем следует думать в первую очередь, во вторую и т.д.

Выпускники не умеют думать – не только в профессии, а вообще думать. Не приучены, даже не хотят пытаться понять взаимосвязи и соотношения различных факторов любой ситуации. Возможно, здесь есть связь с засильем плагиата. В приличных западных университетах выгоняют за первый доказанный факт плагиата. У нас же скачанная из Интернета «курсовая», где даже не изменены слова «в нашей компании была разработана», это всего лишь повод для улыбки преподавателя. Не будем за это выгонять – будем выпускать серых людей, не способных хотя бы чуть-чуть подумать.

Свои проблемы и в отношениях работодателей, и образовательного сообщества. Регулярно высказываемые претензии работодателей к образователям также можно структурировать по нескольким направлениям. Во-первых, образователи не осознают: главная их «продукция» – выпускники. И именно по их качеству можно судить и о работе вуза. Все остальное – научные статьи, звания и т.д. – побочный продукт, качество главной работы отражающий весьма опосредованно. Во-вторых, вузы не жаждут понять тренды в развитии тех отраслей, для которых готовят выпускников. Нормальной была бы ситуация, когда те, кто, например, готовит ИТ-специалистов, приглашали на свои конференции руководителей ведущих компаний отрасли с просьбой рассказать, каков будет этот рынок через пять-десять лет и каких выпускников нужно готовить. Кто-нибудь знает о такой практике? Вряд ли. Наоборот, известны случаи, когда бизнес готов прийти в вуз и рассказать, какие сотрудники ему нужны. Но маловато желания это выслушать.

В-третьих, с образователями сложно сотрудничать из-за неменеджерского подхода к управлению. Вузы, как правило, плохо переводят любую идею на четкий план реализации – задача, кто ответственный, какие сроки и т.д. Часто встречается иждивенческая позиция как по отношению к государству, так и по отношению к бизнесу – «дайте денег и не лезьте в наши дела, мы сами знаем, что делать». Бизнес же уже пошел в образование, он готов вкладывать деньги, но разясняя, что ему надо, и с требованием ясного отчета.

Конечно, этот список проблем не исчерпывающий. Но и их обсуждение необходимо. Образование инерционно, и не приходится ожидать резких скачков качества обучения, даже при существенных государственных усилиях. Тут требуется многолетнее возвращение и целенаправленные действия всех участников процесса. В целом же наше образование быстро эволюционирует в русле общемировых тенденций. Качество образования растет, появляются новые направления, талантливые преподаватели, новые методы подачи материала. Появляется еще одно место для образования – крупные компании. Но если мы хотим развиваться опережающим темпом, то и в подготовке кадров должны работать на еще большее опережение.

* * *

Двоякие комментарии вызвал неординарный поступок главы московского департамента науки, промышленной политики и предпринимательства Алексея Комиссарова, который добровольно, в инициативном порядке попросил ВАК отменить ранее присужденную ему степень кандидата экономических наук.

И президиум ВАК «рекомендовал Министерству образования и науки РФ лишить Комиссарова Алексея Геннадьевича степени кандидата экономических наук». Этому вердикту предшествовало рассмотрение «отказного» письма в диссертационном совете Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (где в 2011 году защитился Комиссаров) и на профильном экспертном совете ВАК.

Ни там, ни там не могут припомнить случая, чтобы доктор или кандидат наук, уже получивший ученую степень, спустя время сам же попросил ее аннулировать. Причиной столь необычного поворота стали факты недобросовестных заимствований, обнаруженные в кандидатской диссертации Комиссарова при ее «проверке на плагиат» независимыми экспертами общественного проекта «Диссернет».

Под таким углом, напомним, были изучены-просвечены диссертации многих высокопоставленных чиновников, депутатов Госдумы, политических и общественных деятелей. В «черных», «серых» и прочих сомнительных списках «Диссернета» замелькало много известных имен. Большинство «уличенных» подозрения в свой адрес отвергали, некоторые пытались отстаивать свое достоинство в судах, другие попросту затаились.

Алексей Комиссаров отмалчиваться не стал и подал заявление на имя председателя ВАК Владимира Филиппова с просьбой аннулировать присужденную ему ученую степень, а выданный диплом признать недействительным. Причина, как указано в его рукописном заявлении, – наличие в диссертации заимствований, «не оформленных должным образом». Не погорячился ли Алексей Геннадьевич с таким заявлением – в то время, как все другие в похожей ситуации сохраняют спокойствие? На прямой звонок из «Российской газеты» Комиссаров отреагировал без раздражения, и мотив своего поступка объяснил предельно коротко и внятно: «Не хочу быть, как все...». А за подробностями, если кому интересно, отослал к своей страничке в Facebook.

(По материалам «Российской газеты»)

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от техни-

ческой доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.
- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.
- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.
- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).
- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями

и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

***ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ
«ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.***

***ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ
С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!***